

6.211
Федерико Гарсия Лорка

л 78

Р33208

Избранное

Огиз-Гослитиздат

1944

4.06.05 - 1092/6

м

ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКА

ИЗБРАННОЕ

Предисловие Ф. В. Кельина

33208

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1944

-78 + Испанск

ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКА

I

Среди жертв мирового фашизма едва ли найдётся другой молодой поэт, чья посмертная слава могла бы сравниться с популярностью Федерико Гарсии Лорки. В августе 1936 года он пал от руки фашистских палачей где-то на шоссе, в двадцати пяти километрах от его родной Гранады, и был похоронен в братской могиле, вместе с другими расстрелянными в тот день испанскими патриотами.

Теперь мы хорошо знаем, кто был инициатором этого подлого убийства. В предисловии к посмертному сборнику стихов Лорки «Поэт в Нью-Йорке» (1940) другой замечательный представитель передовой Испании наших дней, близкий друг Лорки, писатель Хосе Бергамин, сообщает, что приказ об убийстве поэта был отдан франкистскими властями Гранады. Списки же подлежащих расстрелу испанских республиканцев составлялись в Берлине, в пресловутом «Иберо-Германском институте», руководимом германским палачом испанской культуры, генералом Вильгельмом фон Фаупелем. Именно из Берлина пришёл приказ покончить с Лоркой, и ответственность за это убийство падает не только на франкистов, но и на их германских хозяев.

Трагическая смерть Лорки потрясла передовую интел-

лигенцию и вызвала растерянность в рядах самих убийц; никак не ожидавших, что совершённое ими преступление поднимет такую бурю негодования во всём мире. Герберт Уэллс, в качестве председателя Пэн-Клуба, членом которого состоял Лорка, обратился к военным властям мятежников с запросом о судьбе поэта. Гранадский губернатор ответил ему весьма кратко: «Его местопребывание неизвестно». Но как бы потом ни изворачивались и ни лгали фашистские палачи, самый факт расстрела Лорки остаётся неопровержимым. А что расстреляли они его не случайно, не «по ошибке», этому служит доказательством другой красноречивый факт. Убив поэта, франкисты и их берлинские хозяева задумали убить и его поэзию: они собрали его книги и сожгли на костре, на площади Кармен, в Гранаде.

Но поэт и его творчество оказались бессмертными. Со времени подлого убийства Лорки прошло уже около восьми лет, но слава его растёт с каждым днём и, как могучее дерево, простирает свои ветви над миром. Когда роковая весть о гибели Лорки распространилась среди передовых поэтов Испании и Латинской Америки, они наложили на себя траур. В «плаче» по Лорке приняло участие столько поэтов, что передовая критика с полным основанием сопоставила его с той волной поэтической скорби, какую в XVII веке вызвала в Испании весть о смерти Лопе де Вега. О творчестве Лорки существует уже целая литература. Его пьесы не сходят с репертуара театров Латинской Америки. Аргентинское издательство «Лосада» недавно выпустило многотомное собрание сочинений Лорки, куда должны были войти последняя его трагедия «Дом Бернарды Альбы», законченная им незадолго до смерти, а также ряд других неизданных его произведений (пьеса «Пусть так пройдёт пять лет» и лирические стихотворения). У нас в Советском Союзе две его пьесы — «Кровавая Свадьба» и «Чудесная башмачница» — постоянно идут в Государственном Цыганском театре и пользуются большим успехом у публики.

Но по мере роста его популярности всё более ожесточённый характер принимает борьба вокруг его литературного наследия. Реакционные критики упорно стремятся изобразить Лорку поэтом не только аполитичным, но даже асоциальным, и сводят все его искусство к мастерскому использованию испанского фольклора.

Разумеется, было бы непростительной ошибкой делать из Лорки певца гражданской скорби. Но ещё большая ошибка — считать его поэтом, стоявшим вне политики. Не принимая непосредственного участия в освободительной борьбе испанского народа против его исконных врагов, Лорка, тем не менее, всегда был писателем передовым писателем-антифашистом. Реакционным критикам, стремящимся обезвредить его посмертное влияние, приходится вычёркивать целый ряд невыгодных для себя фактов из его биографии.

II

Федерико Гарсия Лорка родился 5 июня 1899 года в городке Фуэнтевакере, расположенном в гранадской равнине, в зажиточной крестьянской семье. Ещё в детстве он проявил особую склонность к поэзии и музыке. Позднее это сочеталось у него с любовью к живописи и театру.

В 1919 году Лорка переезжает в Мадрид. Здесь он быстро приобретает известность. Его стихи, которые он сам мастерски читает, распространяются в списках и становятся народным достоянием. В 1920 году театр «Эслава» показывает его первую пьесу «Колдовство бабочки» («El maleficio de la Mariposa»). Годом позже Лорка выпускает в свет свою первую «Книгу стихов» («Libro de poemas»). Она появилась в пору наивысшего расцвета ультраизма (так называлась испанская разновидность футуризма), и следы его влияния в ней можно различить без труда. Впрочем, влияние это было временным и неглубоким.

Лорка не торопился издавать свои книги. Следующий

его сборник — «Песни» («Canciones») — появился только в 1927 году. В него вошли стихотворения 1921—1924 годов. В том же 1927 году актриса Маргарита Ксиргу поставила в Барселоне романтическую драму Лорки «Марьяну Пинеду». Марьяна Пипеда — лицо историческое: это героиня освободительного движения на юге Испании в эпоху Фердинанда VII, окончившая свои дни на эшафоте. Правительство Примо де Риверы усмотрело в пьесе Лорки выпад против диктатуры, и она недолго продержалась на сцене.

В 1928 году Лорка выпустил в свет «Цыганский романсеро» («Romancero gitano»). Успех его был чрезвычайным. Отдельные романсы вскоре утратили имя автора и стали народными.

Остальное поэтическое наследство Лорки состоит из книг: «Канте хондо»¹ («Cante jondo», 1931) и «Плач по Игнасио Санчес Мехиасу» («Llanto por Ignacio Sanchez Mejias»,² 1935). К этому надо прибавить сборник «Первые песни» («Primeras canciones», 1936), в котором поэт опубликовал свои стихотворения, предшествовавшие «Песням» 1927 года и не включённые им в этот сборник, книгу стихов об Америке, целиком изданную уже после его смерти, в 1940 году, Хосе Бергамином («Поэт в Нью-Йорке»), «Шесть галисийских поэм» (1936), написанных на галисийском наречии, а также стихотворения, рассеянные по журналам и не вошедшие ни в один сборник.

В 1930 году Лорка выехал в Америку. Знакомство с творчеством североамериканских поэтов внесло новую струю в его поэзию, значительно её усложнив. Это был третий важный момент в поэтическом развитии Лорки. Результатом его путешествия явилась книга стихов об Америке, изданная уже после смерти автора. Лорка побывал и на Кубе; здесь он заинтересовался поэзией южноамериканских негров и написал «Сон»² («Son»), опубликованный в

---

¹ Андалусские песни.

² Сон — особый род песни южноамериканских негров.

«Литологии негритянской поэзии Испанской Америки»
Эмильо Бальягасом.

В Испанию Лорка вернулся уже после того как там установился республиканский строй. Он горячо приветствовал республику. Во главе министерства народного просвещения стоял тогда его старый друг и учитель, социалист Фернандо де лос Риос (Лорка слушал его лекции в Гранадском университете). Когда Лорка выступил с предложением создать передвижной студенческий театр «Ла Баррака» для обслуживания деревенского зрителя, министерство народного просвещения поддержало его инициативу и возложило на него руководство этим театром.

Последний период своей творческой жизни Лорка почти целиком отдал театру. В 1933 году Хосефина Диас де Артигас поставила его трагедию «Кровавая свадьба» («*Bodas de sangre*»). К этому же периоду относятся его «фарсы» — «Чудесная башмачница» («*La zapatera prodigiosa*», 1930) и «Любовь дона Перлимплина и Белисы в саду, где растут кипарисы» («*Amor de don Perlimplín con Belisa en su jardín*», 1931). Его внимание привлекает также народный кукольный театр, для которого он пишет цикл небольших пьес («*Titeres de sahiora*»). Одна из них, «Балаган дона Кристовала» («*Retablillo de don Cristóbal*», 1931), шла во время освободительной войны 1936—1939 годов в кукольном театре Валенсии и в театре Марии Тересы Леон в Мадриде.

В 1933 году Лорка предпринял второе путешествие в Латинскую Америку, на этот раз в Аргентину, вместе с труппой Маргариты Ксиргу. В Аргентине Лорка был встречен как «посол испанской культуры». Каждое его выступление сопровождалось огромным успехом, так же как и постановка «Кровавой свадьбы».

В 1934 году, вернувшись вместе с Лоркой в Испанию, Маргарита Ксиргу ставит его новую пьесу «Иерма» («*Yerma*») — трагедию обманутого материнства. Пьеса имела успех у публики, но реакционная печать встретила ее

враждебно. Наконец в 1935 году была поставлена романтическая комедия Лорки «Девушка донья Росита, или язык цветов» («Doña Rosita la soltera o el lenguaje de flores»), своим общим колоритом и внутренним, тонким лиризмом напоминающая «Вишнёвый сад» Чехова.

Политические события эпохи требовали от испанских поэтов точного ответа на вопрос: с кем ты и против кого, со своим ли народом в его освободительной борьбе, или с его врагами? И Лорка, не принимая непосредственного участия в борьбе, то есть не участвуя в уличных столкновениях, не выступая на митингах, не составляя листовок, никогда не уклонялся от чёткого ответа на этот вопрос. Так, мы находим его подпись под первым манифестом, выпущенным в апреле 1933 года группой революционных испанских писателей «Октябрь» в защиту узников гитлеровских тюрем и концлагерей. Во время так называемого «чёрного двухлетия» (1934—1935), когда вместо закрытого реакционными властями журнала «Октябрь» возник новый — «Наше время», Лорка напечатал в нём свои стихи. Как мы уже отмечали, его пьесе «Иерма», постановка которой совпала с подавлением астурийского восстания 1934 года, испанские реакционеры встретили в штыки. Но это не испугало поэта, и мы снова находим его подпись под антифашистским манифестом, выпущенным в Барселоне в 1935 году каталонской передовой интеллигенцией.

После победы Народного фронта Лорка вместе с Хосе Бергамином, Рафаэлем Альберти и Марией Тересой Леонвесной 1936 года организовал мадридский Союз антифашистской интеллигенции. Он входил также в мадридское Общество друзей Советского Союза, неизменно проявлял живой интерес к нашей стране и собирался приехать к нам, о чём он писал автору этих строк.

Приведенные факты дают достаточно ясное представление об антифашистской позиции Лорки. Потому-то с ним и расправились франкисты и их гитлеровские хозяева. Потому-то на заключительном заседании Второго

международного конгресса в защиту культуры, состоявшемся 18 июня 1937 года в Париже, писатели-антифашисты поклялись перед портретом Лорки не прекращать борьбу с мировым фашизмом вплоть до его полного и окончательного разгрома.

III

Антифашизм Лорки объясняется тем, что он сам был теснейшим образом связан с народом, что в своём творчестве он являлся одним из наиболее ярких выразителей великих идей испанской литературы — литературы глубоко народной и в силу этого передовой и прогрессивной. Чилийский поэт Пабло Неруда так охарактеризовал его в своей речи: «Федерико Гарсия Лорка, задумчивый, весёлый и любимый народом, как гитара, простодушный и отзывчивый, как ребёнок, как его народ! Он всю жизнь, шаг за шагом, искал, кому бы помочь, и обрёл в народе любовь стремительную и глубокую. Наметив Федерико своей жертвой, враги целились в самое сердце страны. Они хотели лишить Испанию её тончайшего аромата, прервать её страстное дыхание, срубить под корень цветущее дерево её смеха. Два непримиримых стана столкнулись здесь: мятежники, одетые в коричневый саван, униженные сверху донизу жесточайшими преступлениями, коварные и пресмыкающиеся, отравляющие смертоносным дыханием всё живое, всё, что движется, благоухает, цветёт, и жизнерадостная и жизнеспособная Испания, дерзновенная в своём творчестве, широко раскрытыми глазами смотрящая на мир, — Испания Федерико Гарсии Лорки».

«Искусство Федерико Гарсии Лорки — это торжество испанской самобытности, — пишет испанский литературовед Дамасо Алонсо в своей статье «Великий национальный поэт Испании». — Его искусство самобытно по форме и по содержанию... Испанская литература ждала Гарсию

Лорку. Он был ей необходим. Он должен был появиться. Порой испанская самобытность с особой настойчивостью начинает требовать своего раскрытия. Как бы в ответ на это требование в XIV веке появляется Хуан Руис, в XVII—Лопе де Вега, в XX—Лорка. Наши характерные особенности вновь слились, наша прерванная традиция возобновилась, рассыпанные там и сям крупинки нашего национального гения, шутки и прибаутки наших крестьян, ритм и мелодия наших песен — всё это было сконцентрировано, сгущено до предела. Так возникло искусство Федерико Гарсии Лорки.. Испания ещё раз отразилась в искусстве, как в зеркале».

«Он знал всю Испанию, — читаем мы в другом месте той же статьи. — Большую часть её он знал непосредственно, мгновенно угадывая тайный смысл народного творчества. Остальное он додумывал. Но додуманное оказывалось столь же органичным, подлинно народным».

Лорка явился продолжателем живых традиций испанской литературы, выразителем её бессмертных идей. Но воспринятое им он пропускал через свою поэтическую культуру, расцветивая всеми красками своего оригинального дарования.

Основная идея испанской литературы — это идея борьбы добра со злом, борьбы, в которой побеждает добро. Сцена смерти Дон-Кихота выдержана Сервантесом в светлых тонах: благородный безумец прозрел, окончились его странствования, добро в нём победило зло, и сама смерть становится для него как бы гармоническим завершением его жизненного пути.

В «Овечьем источнике» Лопе де Вега тема трагизма жизни, борьбы добра со злом облечена в форму спора о чести, о праве народа на честь. Спор идёт между феодальной властью и крестьянством. И здесь победа остаётся за добром. Угрозы и пытки не могут заставить крестьян отказаться от живущих в их душе идей правды, чести и добра. Эта сила народного духа, побеждающая смерть, находит

себе яркое выражение в знаменитом монологе Лауренсии. В финале пьесы феодальная власть в лице короля вынуждена подчиниться воле народа.

У Лорки мы не находим гармонического разрешения этих проблем. И понятно почему: он слишком рано ушёл из жизни, он был насильственно вырван из неё. Но сама постановка проблем, ряд коллизий и образов в произведениях Лорки указывают на органическую связь его творчества с великими традициями испанской классической литературы и фольклора. Так, образ смерти, который мы встречаем у него (вспомним, например, нищенку-смерть в «Кровавой свадьбе»), проходит через всю испанскую классическую литературу, начиная со знаменитых стансов поэта позднего испанского средневековья Хорхе Манрике «На смерть своего отца (XV век) и «Великой сцены мира» Кальдерона (XVII век) и кончая «Трагическим смыслом жизни» Мигеля де Унамуно и гротескными комедиями Валье-Инклана. В народной лирике смерть неизменно выступает вместе с любовью. Оттуда эти два неразрывно связанных между собой образа перешли в «Цыганский романсеро» Лорки с его мрачным и таинственным фоном и с его страстной напряжённостью. Оттуда же перешли они и в «Плач по Игнасио Санчес Мехиасу», где они достигают предельной яркости.

Столь же традиционен и поэтический пантеизм Лорки. В его стихах и драмах живут и действуют луна, ветер, горы, деревья, вода. Они создают музыкальный фон его поэзии и драматургии, они принимают активное участие в развивающихся событиях, нередко играют в них руководящую роль.

Глубокая связь Лорки с народной поэзией предопределила и его путь от поэзии к драме. Как бы ни была богата его культура, в которой скрестились влияния различных литературных школ и отдельных писателей — французских сюрреалистов, Габриэля Д'Аннунцио, Метерлинка, Уота Уитмена, латино-американских поэтов, — всё же основой этой культуры служили испанский

фольклор и великие испанские писатели Золотого Века.

«Гарсия Лорка создал драматический романс, полный леденящих душу загадок и кровавых тайн, — указывает Рафаэль Альберти. — «Земля Альваргонсалес» Антонио Мачадо — это романс повествовательный, это переложенное в стихи страшное кастильское предание... Гарсия Лорка создал свой особый жанр, уходящий корнями в древние кастильские песенные традиции и возрождающий их уже на новой основе».

Постепенно Лорка вырастал в большого, настоящего драматурга, драматурга-новатора. Благодаря ему испанский театр, по удачному выражению того же Альберти, «стал театром поэзии». Сам Лорка считал театр «одним из наиболее полезных и мощных орудий в руках страны», «барометром, который показывает её величие и падение». «Народ, который не способствует росту своего театра, если не мёртв, то близок к смерти, — писал он. — Точно так же театр, который не прислушивается к биению социально-политического пульса своей страны, не видит гармонии красок в её пейзажах, не откликается на горе своего народа, не проникает в его дух, не плачет его слезами и не смеётся его смехом, — такой театр не имеет права называться театром: это игорный дом или то место, где — что может быть ужасней этого? — убивают время».

Театр «Ла Баррака», которым руководил Лорка, дал ему возможность прислушаться к биению социально-исторического пульса своей страны. Кочуя из одной деревни в другую, этот театр, репертуар которого состоял из нескольких классических пьес Лопе де Руэда, Сервантеса и Лопе де Вега, — этот театр «бросал в сердце Испании доброе семя настоящего искусства» (Дамасо Алонсо).

«В самых отдалённых уголках Кастилии знали эти спектакли, — писал Пабло Неруда. — Благодаря Федерико, андалусцы, астурийцы, эстремадурцы снова полу-

чали возможность общаться со своими поэтами, чьи бессмертные песни лишь дремали до времени у них в сердцах. Федерико своими спектаклями их равбудил. Ни старинные одежды, ни архаический язык не смущали крестьян, не видавших автомобиля, не слыжавших граммофона, живших в землянках и питавшихся травой. Они смотрели на спектакль с восхищённым изумлением, как всякий раз изумляемся мы, перечитывая творения великих писателей. Но это было изумление, а не неожиданность».

«Поэт изо дня в день сталкивался с вопиющей нищетой, на которую привилегированные классы обрекали трудовой народ. Он страдал вместе со своими земляками-крестьянами. Перед его взором расстилались выжженные солнцем пастбища, где бродил призрак голода, и его нежное сердце мучительно сжималось».

Именно в драматургии Лорки, где с предельной полнотой раскрылся его творческий облик, получила наиболее отчётливое выражение та идея борьбы добра со злом, которая заложена во всех величайших созданиях испанского национального гения: в «Песне о моем Сиде», в романе Сервантеса, в пьесах Лопе де Вега и Кальдерона, в полотнах Мурильо, Веласкеса, Эль Греко, Гойи.

Героями или, точнее, героинями пьес Лорки, так как поэт явно отдавал предпочтение женским образам, руководят идеи правды, чести, добра. Ради этих идей они, подобно Лауренсии Лопе де Вега или Исавели Кальдерона, готовы пойти на смерть, на величайшее самопожертвование. Марьяна Пинеда может купить себе помилование, назвав участников заговора, бросивших её на произвол судьбы. Но она предпочитает умереть, она остаётся честной в высшем смысле этого слова. Башмачница своей сварливостью выживает горячо любимого мужа из дома. Вокруг неё увиваются поклонники, на каждом шагу её подстерегают соблазны, ополчившееся против неё село как бы толкает её на измену. Но она остаётся на высоте положения. В то время когда башмачник возвращается до-

мой, она готовится вступить в бой с ненавидящими её ханжами и сплетницами, но ей ни на минуту не приходит в голову нарушить закон чести.

В лучшей пьесе Лорки — «Кровавой свадьбе» — поэт позволяет злу одержать временную победу над добром. Невеста изменяет закону чести: в день свадьбы она бросает своего жениха и бежит с чужим мужем. Но против неё восстают не только люди, но и природа: луна, деревья, вода. Своей изменой невеста открывает путь смерти: соперники убивают друг друга. Она же остаётся жить в тоске и одиночестве, ибо одпосельчане, символизирующие в пьесе Лорки народ, от неё отшатнулись. Вот та страшная кара, которую обрушивает на неё драматург. В «Донье Росите», истории разорения и распада испанской буржуазной семьи, то зло, с которым борются героини Лорки, названо по имени: это — уродство определённого строя жизни, закрепощающего женщину и ведущего её к гибели. Здесь уже явственно слышится нота социального протеста. Ещё резче звучит она в «Иерме». Героиня пьесы, честная и добрая Иерма, вышла замуж за крестьянина-кулака. Боясь, что дети могут разорить его, этот отвратительный скряга и скопидом отказывает ей в радости материнства. Иерма не нарушает закона чести, но, доведённая до отчаяния насмешками соседок, сознанием, что всё окружающее дышит плодородием и лишь она одна — бесплодна, она убивает мужа. Этой драмой Лорка снова выразил свой протест против того уклада жизни, за который так цепко держались враги испанского народа. В пьесе ярко показан косный быт опутанной феодальными предрассудками испанской деревни, с её религиозным фанатизмом, принимающим в финале драмы характер древней языческой оргии.

* * *

Жизнь Федерико Гарсии Лорки окончилась трагически. Но в этой трагедии, главным действующим лицом которой пришлось быть ему самому, он оказался на высоте

своих бессмертных героинь. Ему, как Марьяне Пинеде предстояло сделать выбор между добром и злом. Он мог бы легко заслужить «прощение» и сохранить себе жизнь,— стоило ему только примкнуть к франкистам, поднявшим мятеж против испанского народа. Но это значило бы для него умереть духовно. И теперь, чем ближе окончательная победа добра над злом, тем чаще встаёт в нашей памяти светлый образ поэта, не изменившего своему народу ни в жизни, ни в смерти.

Ф. В. КЕЛЬИН

КНИГА СТИХОВ

(1918—1920)

АЛМАЗ

Острая звезда-алмаз,
Глубину небес пронзая,
Вылетела птицей света
Из неволи мирозданья.
Из огромного гнезда,
Где она томилась пленной,
Устремляется, не зная,
Что прикована к вселенной.

* *

Охотники неземные
Охотятся на планеты —
На лебедей серебристых
В водах молчанья и света.

Вслух малыши-топольки
Читают букварь, а ветхий
Тополь-учитель качает
В лад им иссохшую веткой.
Теперь на горе далёкой,
Наверно, играют в кости
Покойники: им так скучно
Весь век лежать на погосте!

Лягушка, пой свою песню!
Сверчок, вылезай из щели!
Пусть в тишине зазвучат
Тонкие ваши свирели!

Я возвращаюсь домой.
Во мне трепещут со стоном
Голубки — мои тревоги.
А на краю небосклона
Спускается день-бадьа
В колодезь ночей бездонный!

М О Р Е

Море, ты — Люцифер
Лазоревых высот,
За желанье стать светом
Свергнутый небосвод.

На вечное движенье
Бедный раб осуждён,
А когда-то, о, море,
Стыл спокойно твой сон.

Но от горьких уныний
Тебя любовь спасла,
Ты жизнь дало богине,
И глубь твоя поныне
Девственна и светла.

Страстны твои печали,
Море сладостных всхлипов,
Но ты полно не звёзд,
А цветущих полипов.

Боль твою перенёс
Сатана-великан,
По тебе шёл Христос,
Утешал тебя Пан.

Свет Венеры для нас—
Гармония вселенной.

Молчи, Экклезиаст!
Венера — сокровенный
Свет души...

Человек —
Падший ангел. Прощай,
О, земля: ты — навек
Потерянный рай!

ДОЖДЬ

Есть в дожде откровенье — потаённая нежность
И старинная сладость примирённой дремоты,
Пробуждается с ним безыскусная песня,
И трепещет душа усыпленной природы.

Это землю лобзают поцелуем лазурным,
Первобытное снова оживает поверье.
Сочетаются Небо и Земля, как впервые,
И великая кротость разлита в предвечерьи.

Дождь — заря для плодов. Он приносит цветы нам,
Овеивает священным дуновением моря,
Вызывает внезапно бытие на погостах,
А в душе сожаленье о немислимых зорях,

Роковое томленье по загубленной жизни,
Неотступную думу: «Всё напрасно, всё поздно!»
Или призрак тревожный невозможного утра
И страдание плоти, где таится угроза.

В этом сером звучаньи пробуждается нежность,
Небо нашего сердца просияет глубоко,
Но надежды неволью обращаются в скорби,
Созерцая погибель этих капель на стёклах.

Эти капли — глаза бесконечности — смотрят
В бесконечность родную, в материнское око.

И за каплею капля на стекле замутнённом,
Трепеща, остаётся, как алмазная рана,
Но поэты воды; эти капли провидят
То, что толпы потоков не узнают в туманах.

О, мой дождь молчаливый, без ветров, без нена-
стья,
Дождь спокойный и кроткий, колокольчик убогий,
Дождь хороший и мирный, только ты — настоя-
щий,
Ты с любовью и скорбью окропляешь дороги!

О, мой дождь францисканский, ты хранишь в
своих каплях
Души светлых ручьёв, незаметные росы.
Нисходя на равнины, ты медлительным звоном
Открываешь в груди сокровенные розы.

Тишине ты лепечешь первобытную песню
И листе повторяешь золотое преданье,
А пустынное сердце постигает их горько
В безысходной и чёрной пентаграмме страданья.

В сердце те же печали, что в дожде просветлён-
ном,
Примирённая скорбь о несбыточном часе.
Для меня в небесах возникает созвездье,
Но мешает мне сердце созерцать это счастье.

О, мой дождь молчаливый, ты — любимец расте-
ний,
Ты на клавишах звучных — утешение в боли,
И душе человека ты даришь тот же отзвук,
Ту же мглу, что душе усыпленного поля!

К ЛАВРУ

На край небосклона, туманный и скорбный,
Шла ночь, набухая звездами и тенью.
А я, бородатый волшебник преданий,
Я слушал наречья камней и растений.

Я понял признания — тайну печали
Плющей, кипарисов и жгучей крапивы,
Узнал сновиденья из повести нарда,
Пел светлые гимны среди лилий счастливых.

И в древнем лесу, исходя чернотой,
Открыли мне душу глухие глубины:
Сосняк, от звучаний и запахов пьяный,
Согбённые знаньем седые маслины,
И мох, оснежённый ночью фиалкой,
И высохший тополь — приют муравьиный.

И всё говорило так сладостно сердцу,
Дрожа в паутине, звенящей блаженно,
Ведь ею вода облекает дремоту,
Как некоей тканью гармоний вселенной.

И бредили пеньем тяжёлые розы,
И ткали дубы мне сказания древних,
И сдержанной скорби высоких платанов
Шептал можжевельник о страхах деревни.

Так я постигаю волнение леса:
Поэму листвы и поэму планеты.
Но, кедры, скажите; когда ж моё сердце
Утихнет в объятьях бессмертного света!

Я знаю любовь твою — лиру, о, роза:
Ведь струны я создал былым своим счастьем.
Скажи мне; в какой же затон его кинуть,
Как люди бросают постылые страсти!

Я знаю напевы твои, кипарис:
Я — брат твой по мраку, твой брат по мученьям.
Ведь в недрах у нас так глубоко гнездятся —
В тебе соловьи, а во мне сожаленья!

Я знаю твоё чародейство, маслина:
Ты кровь из земли добываешь для мира.
А я добываю биением сердца
Из мыслей и снов
Благодатное миро!

Вы все превзошли меня вашею песней,
Лишь я неуверенно пел перед вами.
О, если бы вы, наконец, погасили
Палящий мне грудь
Целомудренный пламень!

Божественный лавр с недоступной душою,
Немое навек,
Благородное диво!
Пролей же в мой слух неземное сказанье,
Глубокую мудрость, свой разум правдивый!

Волшебник оркестров и мастер лобзаний,
В расцвете молчанья, в обличии строгом
Возникший из розовой прелести Дафны
И мощного сока влюблённого бога!

Верховный служитель старинного знания!
Не внемлющий жалобам, важный молчальник!
Со мной говорят все лесные собратья,
Лишь ты не хотел моих песен печальных!

Быть может, о, мастер гармоний, ты знаешь
Бесплодную участь — стенанье поэта?
И листья твои под влиянием лунным
Не верят обманам весеннего света?..

Но вкрадчивой нежностью мрака оделась,
Как чёрной росой, дорога страданий
С высот балдахина к подножию ночи,
А ночь тяжело набухала звёздами.

БАЛЛАДА МОРСКОЙ ВОДЫ

Смеётся море
Вдалеке,
Здесь зубы пены,
Губы неба
Дрожат на утреннем песке...
«Что, дева, продаёшь в смущеньи?»
(Как грудь открытая тверда!)
«Сеньор, вот всё моё именье —
Морская свежая вода».

«Какого, юноша, ты роду?»
(Как чёрен лес твоих кудрей!)
«Сеньор мой, продаю я воду,
В ней свежесть горькая морей».

«Ты плачешь, мать. Что это значит?
Родились слёзы где, когда?» —
«Сеньор, со мною вместе плачет
Морская горькая вода».

«О, сердце, сердце, год от году
Ты всё становишься старей...» —
«Сеньор, я впитывало воду, —
Да, воду горькую морей...»

Смеётся море
Вдалеке,
Здесь зубы пены,
Губы неба
Дрожат на утреннем песке...

ПЕСНИ

(1921—1924)

НОКТЮРН

Я голову в окошко
Чуть высунул средь ночи
И вижу: нож ветров
Её отрезать хочет.

Тогда я незаметно
Под эту гильотину
Все головы слепые
Моих желаний кинул.

И вдруг лимонный запах
Наполнил миг безмерный,
А ветер превратился
В цветок вари бессмертной.

ЭТО ПРАВДА

Ах, какой же это подвиг —
Полюбить тебя, как я!
Всё теперь источник боли —
Воздух, сердце
И сомбреро — для меня.
Кто возьмёт и купит ленту
И моей печали пух,
Чтоб вернулась в мир платками
Пряжа белая моя?
Ах, какой же это подвиг —
Полюбить тебя, как я!

ИРЕНЕ ГАРСИЯ

(СЛУЖАНКЕ)

У реки
Пляшут вместе
Топольки.
А один,
Хоть на нём лишь три листочка
Пляшет, пляшет впереди.

Эй, Ирена! Выходи!
Скоро выпадут дожди.
Так скорей
Попляши в саду зелёном!
Попляши в саду зелёном!
Подыграю струнным звоном.

Ах, как несётся речка!
Ах ты, моё сердечко!

У реки
Пляшут вместе
Топольки.
А один,
Хоть на нём лишь три листочка,
Пляшет, пляшет впереди.

НА УШКО ДЕВУШКЕ

Тебе я ни слова
Сказать не думал.
Только в глаза заглянул
И увидел:
Там; хмельные от ветра, от света, от счастья,
Два золотых деревца качались.
Тебе я ни слова
Сказать не думал.

ЛУНА ВОСХОДИТ

Когда встаёт луна,
Колокола стихают,
И предстают тропинки
В непроходимых дебрях.

Когда встаёт луна,
Землёй владеет море,
И кажется, что сердце —
Забывший в даях остров.

Никто в ночь полнолуния
Не съел бы апельсина, —
Едят лишь ледяные
Зелёные плоды.

Когда встаёт луна
В однообразных ликах, —
Серебряные деньги
Рыдают в кошельках.

ПРОЩАНИЕ

Если умру я —
Оставьте балкон открытым.
Мальчик ест апельсины
(Я это вижу с балкона).
Жнец срезает колосья
(Я это слышу с балкона).
Если умру я —
Оставьте балкон открытым.

АЛЕНЬКИЙ МАДРИГАЛ

Четыре гранатовых дерева —
В твоём саду
(Возьми моё новое
сердце).

Четыре кипариса
Будет в твоём саду
(Возьми моё старое
сердце).

Солнце. Луна.
Потом —
Ни сердца,
ни сада.

ПЕСНЯ СУХОГО АПЕЛЬСИННОГО ДЕРЕВА

Отруби поскорей
Тень мою, дровосек,
Чтоб своей наготы
Мне не видеть вовек!

Я томлюсь меж зеркал:
День мне облик удвоил,
Ночь меня повторяет
В небе каждой звездой.

О, не видеть себя!
И тогда мне приснится:
Муравьи и пушинки —
Мои листья и птицы.

Отруби поскорей
Тень мою, дровосек,
Чтоб своей наготы
Мне не видеть вовек!

ПЕСНЯ РАЗЛУКИ

Сколько труда мне стоит,
День, отпустить тебя!
Уйдёшь ты, полный мною,
Придёшь, меня не зная.

Сколько труда мне стоит
В груди твоей оставить
Возможные блаженства
Мгновений невозможных!

По вечерам Персей
С тебя срывает цепи,
И ты несёшься в горы,
Себе изранив ноги.
Тебя не зачаруют
Ни плоть моя, ни стон мой,
Ни реки, где ты дремлешь
В покое золотистом.

С Восхода до Заката
Несу твой свет округлый.
Твой свет великий держит
Меня в томленьи жгучем.
Сколько труда мне стоит
С Восхода до Заката
Нести тебя, мой день,
И птиц твоих, и ветер!

НА ДРУГОЙ ЛАД

Костёр на это поле предвечерья
Отбрасывает тень — рога оленей.
Долина распласталась. Тихий ветер
Овеял в первый раз её колени.

Но воздух проясняется за дымом —
Кошачий глаз, желтеющий в томленьи.
Я в отражении плыву сквозь ветки,
А ветки по реке плывут в блаженной лени.

Всё главное моё возникло снова —
Припевы от припевов, сожаленья.
Меж тростниками и вечерней глушью
Как странно имя *Лорка* — отзвук тени!

СРУБИЛИ ТРИ ДЕРЕВА

Их было три
(День пришёл с топорами).
Их стало два
(Два поникших крыла).
Осталось одно.
И — ни одного.
И воды остались нагие.

КАНТЕ ХОНДО¹

(1 9 2 1)

БАЛАДИЛЬЯ О ТРЁХ РЕКАХ

Ты бежишь, Гвадалквивир,
В апельсинах и оливах.
Две реки твои, Гранада,
От снегов бегут к пшенице.

Ах, любовь!-

Ушла, не возвратилась...

У тебя, Гвадалквивир,
В бороде цветут гранаты.
Две реки твои, Гранада, —
Скорбь — одна, и кровь — другая.

Ах, любовь! Её нет

С нами...

Для тебя, о парус белый,
Путь широкий у Севильи,
Но для волн твоих, Гранада,
Песни — вёсла, песни — крылья.

Ах, любовь!

Ушла, не возвратилась...

Башня в роще апельсиновой —
Образ твой, Гвадалквивир;
Как две башенки над прудом,
Дремлют Дарро и Хениль.

Ах, любовь! Её нет

С нами...

Кто сказал бы мне, что волны

---

¹ Андалусские песни.

К морю катят пламя песен?
Ах, любви!
Ушла, не возвратилась...
Андалусия шлёт морю
Апельсины и оливки.
Ах, любви! Её нет
С нами...

П Е Р Е К Р Ё С Т О К

Восточный ветер.
Фонарь и дождь.
И прямо в сердце —
Нож.
Улица —
Дрожь
Натянутого
Провода,
Дрожь
Огромного овода.
Со всех сторон,
Куда ни пойдёшь,
Прямо в сердце —
Нож.

П Е Т Е Н Е Р Ы ¹

К О Л О К О Л

В башне спящей,
В башне жёлтой
Громок колокола звон.
Ветер спящий,
Ветер жёлтый
Этим звоном потрясён.

---

¹ Особый вид андалусских песен.

Звуки сталью заострённой
На лету пространства рвут,
Грудью девушки влюблённой
И трепещут и поют...
В башне спящей,
В башне жёлтой
Громкий колокол умолк.
Только ветер,
Жёлтый ветер
Устиляет по дороге
Серебром блестящей пыли
Развевающийся шёлк.

Д О Р О Г А

Сто всадников, одетых в траур,
Куда спешат
По апельсинным рощам неба
В закатный час?
Ни Кордовы и ни Севильи
Им не видать,
Ни той Гранады, что по морю
Грустит всегда.
Их кони, полны сонной дрёмы,
Несут туда,
Где лабиринт крестов склонённых,
Где песнь моя...
Куда, издав семь воплей скорбных,
Куда спешат
По апельсинным рощам неба
Сто этих андалусцев конных
В закатный час?

Ш Е С Т Ь С Т Р У Н

Звук гитары
заставляет
Плакать грёзы
в их тиши,

А из уст
её широких,
Словно птица, вылетает
Вздых задумчивый
души.

Как тарантул,
ткёт упорно
Сети звёзд
в углу своём,
Ищет вздохи,
ловит вздохи
И низводит
пастью чёрной
В свой певучий
водоём.

СЕЛЕНЬЕ

На темени горном,
На темени голом —
Часовня.
В жемчужные воды
Столетние никнут
Маслины.
Расходятся люди в плащах,
А на башне
Вращается флюгер.
Вращается денно,
Вращается ночью,
Вращается вечно.

О, где-то затерянное селенье
В моей Андалусии
Слёзной...

ГИТАРА

Начинается
Плач гитары.
Разбивается
Чаша утра.
Начинается
Плач гитары.
О, не жди от неё
Молчанья,
Не проси у неё
Молчанья!
Неустанно

Гитара плачет,
Как вода по каналам — плачет,
Как ветра над снегами — плачет,
Не моли её
О молчаньи!
Так плачет закат о рассвете,
Так плачет стрела без цели,
Так песок раскалённый плачет
О прохладной красе камелий.
Так прощается с жизнью птица
Под угрозой змеиного жала.
О, гитара,
Бедная жертва
Пяти проворных кинжалов!

ПЕЙЗАЖ

Масличная равнина
Распахивает веер,
Запахивает веер.

Над порослью масличной
Склонилось небо низко,
И льются тёмным ливнем
Холодные светила.

На берегу канала
Дрожат тростник и сумрак,
А третий — серый ветер.

Полным-полны маслины
Тоскливых птичьих криков.
О, бедных пленниц стая!
Играет тьма ночная
Их длинными хвостами.

ЦЫГАНСКИЙ РОМАНСЕРО

(1924—1927)

РОМАНС О ЛУНЕ, ЛУНЕ

Луна в наряде жасминном
Зашла в цыганскую кузню.
Мальчик глядит на неё,
Мальчик глядит, словно узник.
Луна шевелит руками
В затрепетавших туманах,
Открыв невинно твердыни
Своих грудей оловянных.
— Луна, луна, уходи!
Если вернутся цыганы,
Сердце твоё переплавят
В колечки и талисманы.
— Мальчик, давай-ка попляшем!
Когда вернутся цыганы,
Ты будешь спать и увидишь
Во сне чудесные страны.
— Луна, луна, уходи!
Конями полна дорога!
— Моей белизны крахмальной,
Мальчик, не трогай, не трогай!

Забил барабан равнины,
Всё ближе звенят копыта.
Мальчик лежит среди кузни,
Большие глаза закрыты.

Из рощи маслин выходят —
Бронза и грёза — цыганы.

Они в высокое небо
Смотрят с тоской несказанной.

Как закричала сова,
Как закричала в тревоге!
За ручку ведёт ребёнка
Луна по лунной дороге.

В кузнице, горько рыдая,
Вопят и стонут цыганы.
Ветер заваял следы
Луны и след мальчугана.

СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ РОМАНС

Взор лелеет зелень, зелень,
Зелень ветра, зелень сада,
Корабли в далёком море,
Конь на дальних горных скатах.
И она, в узоре тени,
Замерла у балюстрады, —
Зелень тела, зелень прядей,
Серебро в пучине взгляда.
Взор лелеет зелень, зелень,
Под серпом луны — цыганка,
На неё всё смотрит, смотрит,
А она всему чужая.

* *

Взор лелеет зелень, зелень,
Звёзды инеем сияют,
Сквозь смолу глубоких теней
Путь рассвету открывая.
Непоседа-ветер треплет
Лист смоковницы шершавый,
А предгорья дикой кошкой
Ощетинились в агавах.

Кто придёт? Когда? Откуда?
Ждёт она у балюстрады, —
Зелень тела, зелень прядей,
Горечь моря в бездне взгляда.
— Друг, давай с тобой меняться:
Дать за дом коня не жалко,
Дам за зеркало седло я,
А за плащ — свою наваху.
Шёл я, кровью истекая,
Из-за горных перевалов.
— Воля будь на то моя,
Мы поладили б с тобой,
Но ведь я теперь — не я,
И мой дом теперь — не мой.
— Друг, уж если умирать мне,
Пусть умру я на кровати,
На кровати на железной,
С полотняной простынёю.
Грудь распорота до сердца.
Разве ты не видишь раны?
— Триста смуглых роз пылают
На твоей сорочке рваной,
Пахнет кровью и сочится
Кровью твой кушак нарядный.
Но ведь я теперь — не я,
И мой дом теперь — не мой.
— Дайте ж мне тогда подняться
До высокой балюстрады,
Дайте, дайте мне подняться
До зелёной балюстрады;
Балюстрады этой лунной,
Где вода, шумя, струится!

* *

И пошли вдвоём цыганы,
Поднялись до балюстрады,

Оставляя след кровавый,
Оставляя слёзный след.
Лишь фонарики дрожали
Жестяные между крыш
Бубны ветра разрывали
Сна предутренного тишь.

* *

Взор лелеет зелень, зелень,
Зелень ветра, зелень сада;
Поднялися два цыгана,
Поднялися и стали рядом.
Ветер веет, сея горечь
Жёлчи, мяты и лаванды.
— Друг! Скажи, скажи мне, где же
Горькая твоя отрада?
Сколько раз она ждала ведь,
Сколько раз теряла даром
Свежесть щёк и прядей чёрных
У зелёной балюстрады!

* *

На поверхности бассейна
Колыхалася цыганка, —
Зелень прядей, зелень тела,
Серебро в пучине взгляда, —
И луна рогулькой белой
На воде её держала.
Ночи сдвинулись пределы,
Ночь как будто ближе стала.
Двое пьяных полицейских
В запертую дверь стучались...
Взор лелеет зелень, зелень,
Зелень ветра, зелень сада,
Корабли в далёком море,
Конь на дальних горных скатах!

СХВАТКА

В чёрных глубинах ущелья
Две альбасетских навахи,
Красуясь вражеской кровью,
Блестят, как рыбы во мраке.
Под острой иглою света
Из резкой листвы возникли
Морды коней иступлённых,
Профили всадников диких.
Горестно плачут старухи
Под сенью древней оливы.
Неистовый бык раздора
Кидается на обрывы.
Чёрные ангелы смерти
Приносят лёд и рубахи,
Ангелы, чьё оперенье —
Блеск альбасетской навахи.
Хуан Антонио Монтильский
Катится мёртвый по скатам.
Тело исполнено лилий,
Лоб расцветает гранатом.
Огненный крест пламенеет
Над этой дорогой ада.

* *

Судья и за ним жандармы
Проходят сквозь тень маслины.
Кровь, пробиваясь из раны,
Стонет напевом змеиным.
— Сеньоры жандармы, это
Обычные приключения.
Погибло четверо римлян
И пятеро карфагенян.

* *

Сойдя с ума от смоковниц,
От жгучих, странных звучаний,

Вечер упал, бездыханный,
Прикинув к смертельной ране.
Чёрные ангелы реют
В закатном небе укором,
Ангелы с ликом цыганок
И с бальзамическим взором.

РОМАНС О ЧЁРНОЙ ПЕЧАЛИ

Ищут зарю петухи,
Землю мучительно роя,
Когда спускается с гор
Во мрак Соледа¹ Монтойя,
Жёлтая медь — её тело —
Веет пустыней и тьмою.
Груди её — наковальни —
Круглыми песнями ноют.
— Что, Соледа, тебе нужно?
Одна ты? Время ночное.
— Мне нужно то, что мне нужно.
Оставь ты меня в покое!
Я знаю, чего искать мне:
Себя, веселье, бывшее.
— О, Соледа, моё горе!
Взбесившись, злая кобыла
Мчится и падает в море,
И море — её могила.
— Не говори мне о море!
Ведь травы чёрной печали
Растут на земле маслин,
Где листья шумят ночами.
— О, Соледа, ты печаль,
Сама печаль и страданье!
Ты плачешь лимонным соком,
Едим от дней ожиданья.

---

¹ Соледа — испанское женское имя; означает одиночество.

— Печаль? Бегу, обезумев,
В путь незнакомый и дальний.
По полу тянутся косы
От кухни до самой спальни.
Печаль? Я нынче оделась
Углем, и мглою, и мраком.
О, свежесть моих сорочек!
О, юбки мои из мака!
— Омойся водой голубок
И сердце оставь в покое,
Усни, моя Соледа,
Усни, Соледа Монтойя!

* *

Внизу напевают реки —
Качели листвы и ветра.
Вверху обновлённый месяц
Увенчан тыквенным цветом.
О, злая печаль цыганок,
Всегда заветные недра,
Печаль сокрытого русла
И медленного рассвета!

САН - МИГЕЛЬ¹

С подсолнухами в корзинах
Проходят шагом упорным
Мулы и тени от мулов
В горы, и в горы, и в горы.

Огромной тьмою в ущельях
У них окутаны взоры.
В глубинах воздуха тихо
Скрипят солёные зори.

---

¹ Святой Михаил.

Белея мулами, небо
Закрыло ртутные очи,
Даруя застывшей тени
Предсмертный вздох одиночеств.

Воды, безумные воды
У горных чёрных отрогов
Внезапно оделись в холод,
Чтобы никто их не трогал.

* *

Красуясь стройнейшим станом,
Сияющим фонарями,
В своём алькове на башне
Возник Сан-Мигель над нами.

Архистратиг приручённый,
Тешась притворством невинным,
Пылает сладостным гневом
В неистовстве соловьином.

Благоухая духами,
Чуждый цветущим жасминам,
Эфеб трёх тысяч ночей,
Поёт он в стекле старинном.

* *

Море на всем побережьи
Пляшет поэму балконов.
Заливы луны пустеют
И оглашаются звоном.

Грызя подсолнухи, входят
Работницы из округи.
Подобно медным планетам,
Крутые бёдра округлы.

Являются кавальеро
И дамы с профилем юным,
Темнеющие в томленьи
По соловьиным канунам.

И сам епископ манильский,
Слепой, шафранный и хворый,
В изнеможении служит
Мессу для дам и сеньоров.

* *

Сверкая шелками юбок,
Усыпанных жемчугами,
В своём алькове на башне
Мигель почует над нами, —
Мигель, король гемисферы,
Властитель нечётных чисел,
В берберском великолепьи
Взываний, террас и высей.

АРЕСТ АНТОНЬИТО ЭЛЬ КАМБОРЬО НА СЕВИЛЬСКОЙ ДОРОГЕ

Антоньо Торрес Эредья —
Камборьо по росту и виду —
Шагает с ивовой палкой
В Севилью, где нынче коррида².

Смуглее луны зелёной,
Он чинно и важно шагает,
Его воронёные кудри
Глаза ему закрывают.

---

¹ Цыганская семья Камборьо, широко известная в Испании своей удалью.

² К о р р и д а — бой быков.

Беспечный, на полдороге
Нарезав лимонов спелых,
Он ими швырялся в воду,
Её золотою сделав.

Беспечный, на полдороге
Он взят был почти задаром;
Ему закрутили руки
Крест-накрест назад жандармы.

* *

День медленно отступает:
Как тореадор, небрежно
Плащом перебросил вечер
И машет им над побережьем.

Оливы давно томятся
И жаждут ночной прохлады,
И бриз к ним летит, как всадник,
И горы ему — не преграды.

Антоньо Торрес Эредья —
Камборьо по росту и виду —
Среди пяти треуголок
Идёт, стерпевши обиду.

— Антоньо, тебя подменили?
Ведь, будь ты Камборьо вправду,
Здесь сразу б пять струй кровавых
Фонтаном брызнули кряду!

Нет, не цыганский сын ты,
Не настоящий Камборьо,
Видно, цыган не стало —
А знали бесстрашных горы!

Ножи их покрыты пылью,
Ненужные год от года.

Его под вечер, в девять,
Встречают тюремные своды.

Меж тем лимонад жандармы
Пьют и вкушают отдых.
Его под вечер, в девять,
Скрывают тюремные своды.

Меж тем отливает небо,
Как конский круп после бега.

РОМАНС ОБ ИСПАНСКОЙ ЖАНДАРМЕРНИИ

Чёрные, чёрные кони,
Чёрная, чёрная сила.
Плащи закапаны воском,
Плащи жандармов в чернилах.
Жандармы не могут плакать:
У них свинцовые рыла,
Их сердце покрыто лаком.
Они заезжают с тыла.
Горбатые и ночные!
От них возникает стужа,
Резиновое молчанье,
Песчаный, пустынный ужас.
Они проезжают всюду,
И рвётся из них наружу
Астрономический бред —
Призраки сабель и ружей.

* *

О, цыганская столица!
За углом столпотворенье.
Жёлтая луна, и тыква,
И вишнёвое варенье.

О, цыганская столица!
Не забыть тебя в разлуке,
Город башен из корпцы,
Город мускуса и мўки!

* *

Спустились потёмки ночи
(Ночи, о, ночи, ночеры!) ¹.
Цыганы в кузницах чёрных
Ковали солнца и стрелы.
Израненный конь заржал,
Стучась в ворота и двери.
Стеклянный петух запел
В Хересе де ла Фронтера.
Из-за угла нагишом
Внезапно явились ветры
Ночи, серебряной ночи
(Ночи, о, ночи, ночеры!).

* *

Мария и Сан-Хосè ²
Ищут свои кастаньеты.
Скорей, скорее к цыганам!
У наших цыган их нет ли?
В пышном серебряном платье,
С подвесками из миндалин,
Нарядней жены алькальда,
Мария идёт в печали.
Хосè в атласной одежде
Машет рукою цыганам,
А сзади Педро Домèк ³
И три персидских султана.

---

¹ Словообразование автора. По-испански ночь — посхе; в оригинале — посхега.

² Святой Иосиф.

³ Известный винодел.

Впал в забытьё полумесяц,
Застыв, как дремлющий аист.
Знамёна и фонари
Над кровлями заметались.
Тени бескостных танцовщиц
Рыдают пред зеркалами.
В Хересе де ла Фронтера
Тени, и влага, и пламя.

* *

О, цыганская столица!
Запирай скорее двери,
Погаси огонь зелёный —
Едет, едет жандармерия!
О, цыганская столица!
Ты мне счастье, ты мне горе!
Без гребней для чёрных косм
Ты лежишь вдали от моря!

* *

Они въезжают попарно
В город, средь праздничных шумов.
Бессмертниками шуршит
Каждый жандармский подсумок.
Они въезжают попарно —
Ноктюрны из парусины.
А в небе сверкают шпоры —
Блистательная витрина.

* *

Город, не ведая страха,
Раскинулся беззаботно.
Сорок жандармов внезапно
Врезались клином в ворота.
Остановились часы.
Под испытующим взглядом

Старые крепкие вина
Прикинулись лимонадом.
От взлёта протяжных воплей
Все флюгера завертелись.
Кони и сабли срезают
И топчут летнюю прелесть.
По улицам, в полумраке,
Мчатся цыганки и ветры,
Несутся сонные кони,
Бренчат мониста, монеты.
В горных проулках возникли
Плащи неистовых конниц,
И за беглянками хлещут
Вихри безжалостных ножиц.

* *

У Вифлеемских ворот
Толпой собрались цыганы.
Хосè хоронит смуглянку,
А сам измучен, изранен.
Всю ночь винтовки жандармов,
Всю ночь упрямо звенят там.
Мария даёт лекарство —
Слюну звезды — цыганятам.
Но дальше скачут жандармы.
От них костры и сожженье,
И в юной своей красе
Сгорает воображенье.
У Рóсы де лос Камборьос
Отрезаны обе груди,
Они лежат на подносе,
Взывая к небу и к людям.
Других беглянок жандармы
Ловят за длинные косы,
И вспыхивают повсюду
Выстрелы — чёрные розы.

Все черепичные крыши
Уже зацветают в даях,
И плечи зари прохладной
Каменным профилем встали.

* *

О, цыганская столица!
Удаляются жандармы
Сквозь туннели тишины,
А вокруг тебя пожары.
Кто хоть раз тебя увидел,
По тебе всегда томится.
Ты во мне живое сердце,
О, цыганская столица!

ПЛАЧ ПО ИГНАСЬО САНЧЕС МЕХИАС¹

I

УДАР БЫКА И СМЕРТЬ

Било пять часов пополудни.
Было точно пять часов пополудни.
Приёс простыню крахмальную мальчик
в пятом часу пополудни.
И корзину с известью негашёной —
в пятом часу пополудни.
А над всем этим — смерть, одна только
смерть
в пятом часу пополудни.
Вата взлетела, подхвачена ветром,
в пятом часу пополудни.
Стекло и никель посеяла окись
в пятом часу пополудни.
Голубка вступила в бой с леопардом
в пятом часу пополудни.
И было бедро пропорото рогом
в пятом часу пополудни.
И гулко ударил большой колокол
в пятом часу пополудни.
Трезвон хлороформа и дымной крови
в пятом часу пополудни.
В трауре улиц безмолвные толпы
в пятом часу пополудни.
А сердце быка так яростно билось
в пятом часу пополудни.

---

¹ Мехиас — знаменитый испанский тореадор.

Когда заморозились капли пота
в пятом часу пополудни
И стала арена желтее иода
в пятом часу пополудни,
То смерть положила личинки в рану
в пятом часу пополудни.
Било пять часов пополудни,
Было точно пять часов по-
полудни.

Помост катафалка, вместо кровати,
в пятом часу пополудни.
Могилой флейты ему зазвучали
в пятом часу пополудни.
Наполнился мозг его рёвом бычьим
в пятом часу пополудни.
Агония радугой расцветилась
в пятом часу пополудни.
Гангрена выткала траурный бархат
в пятом часу пополудни.
Хоботы ириса в зелени паха —
в пятом часу пополудни.
От давки народной звенели стёкла
в пятом часу пополудни.
В пятом часу пополудни.
О мрачные пять часов пополудни!
Было мрачно в пять часов пополудни!

II

ПРОЛИТАЯ КРОВЬ

Не хочу её я видеть!
Пусть луна взойдёт багровей.
О, засыпьте лужи крови,
На песке, где пал Игнасьо!
Не хочу её я видеть!

Пусть луна открыта настезь,
Кони облачные серы,
Тускло светится арена,
Лозы воткнуты в барьеры.
Не хочу её я видеть!
Пусть воспоминанье меркнет.
Детской белизне жасминной
Дайте знать об этой смерти!
Не хочу её я видеть!

Грустным языком оближет
Мира старого корова
На песке арены лужу
Проливой горячей крови.
Дикие быки Гисандо¹ —
Полусмерть и полукамень —
Промычат с тоски, что надо
Землю попирать веками.
Нет.
Не хочу её я видеть!

По ступеням вверх Игнасьо
С ношей смерти шёл устало,
Он искал рассвет, но тщетно —
В эту ночь не рассветало.
Он искал свой образ твёрдый,
Тело, полное здоровья,
А нашёл он — распростёртый —
Только бред свой, смытый кровью.
На неё смотреть не стану!
Не хочу я видеть струйки,
Бьющие, как из фонтана,
Льющиеся алым светом

---

¹ Остовы диких быков, найденные при раскопках в Гисандо.

На зелёный плющ, на руки
Жаждающей толпы под тентом.
Кто там крикнул, чтоб взглянул я?
Всё равно, смотреть не стану!

Он не дрогнул пред рогами,
Не закрыл он глаз, не крикнул,
Только ужас материнский
Встал окаменелым ликом,
И донёлся зов потайный
С ветром пастбищ бесконечных
К облачным быкам небесным,
К пастухам туманов млечных!

Гранда не было в Севилье,
Кто б сравнился с ним в отваге,
Не было такого сердца,
Нет другой подобной шпаги!
В нём текла рекою львиной
Чудодейственная сила
И его картинный облик
Торсом мраморным вносила.
Андалусский дивный воздух
Облекал его в сиянье,
Смех его струился нардом
Остроумья, обаянья.
Он великий был тореро!
Горец, как любил он горы!
Как с колюсьями был нежен!
Как вонзал он твёрдо шпоры!
Как он ласков был с росой!
Как прекрасен на арене!
Пред последней бандерильей
Тьмы не пал он на колени!

Сном заснул он бесконечным.
Мхи зелёные и травы

Раздвигают, словно пальцы,
Черепа цветок кровавый.
По лугам, холмам зелёным
Льётся кровь его, как песня,
Льётся по рогам склонённым
И душою не воскреснет,
Тысячью копыт топочет,
Разливается всё шире,
Лужею сравняться хочет
С звёздной тьмой в Гвадалквивире.
О, средь белых стен испанских
Чёрные быки печали!
Вены вскрытые Игнасьо
Соловьями зазвучали!
Нет.
Не хочу её я видеть!
Не вместить её в потире,
Ласточек таких нет в мире,
Чтоб её по капле выпить,
Инея, чтоб заморозить,
Песен нет таких и лилий,
Хрусталай нет, чтоб закрыли
Серебром кровавость розы.
Нет.
Не хочу её я видеть!

III

ПРИСУТСТВУЮЩЕЕ ТЕЛО

Камень — это лоб, где стонут сонмы сновидений
Без змеистых вод, без льдистых мрачных кипарисов.
Камень — как спина, что носит вечным грузом
И деревья слёз и ленты млечные созвездий.

Серые дожди сбегают торопливо к рекам,
Изрешеченные руки нежно поднимая,

Чтоб дорогой не поймал их камень распостёртый,
Не сломал их членов хрупких, не впитал их крови!

Камень жадно собирает семена и капли,
Ласточек костяк летучий и скелеты волчьи;
Он не даст певучих звуков, пламени, кристаллов,
Он даёт одни арены, серые арены.

Благородный наш Игнасьо распостёрт на камне.
Он скончался. Что с ним стало? На лицо взгля-
ните:
Словно смерть его натёрла бледножёлтой серой,
Голова его темнеет, как у минотавра.

Он скончался. Дождь проникнул в рот его от-
крытый.
Вылетел из сжатых лёгких воздух, как безумный,
А любовь его, питаюсь снежными слезами,
Греется в лазури горной отдалённых пастбищ.

Что там шепчут? Здесь почило тленье и безмолвье,
Перед нами только тело в тяжком испареньи.
Прежде в этой чёткой форме соловьи звучали,
А теперь она покрыта синью дыр бездонных.

Кто наморщил саван? Лживы все слова и реч.
Здесь, в углу, никто не плачет, не заводит песн
Шпорами коня не колет и змеи не гонит.
Я хочу увидеть взглядом широко открытым
Пред собою это тело, только не в покое.

Я хочу людей увидеть с голосом, как трубы.
Укрощающих уздою лошадей и реки;
Я хочу людей увидеть с костяком звенящим
И с певучим ртом, где солнце искрится кремнями.

Здесь хочу я их увидеть. Перед этим камнем.
Перед этим торсом бледным с тросом перебитым.
Я хочу, чтоб эти люди указали выход
Для Игнасьо — паладина, связанного смертью.

Пусть укажут эти люди плач такой широкий,
Чтоб он тёк в туманах нежных светлою рекою,
Чтоб без бычьего пыхтенья яростно-двойного
По реке той плыл Игнасьо охладелым телом.

Чтоб река та затерялась на арене круглой,
На луне, что притворилась светлым кротким агн-
цем;
Чтоб река исчезла в ночи рыбьего безмолвья,
Затерялась в белой чаще дымов отвердевших.

Нет, лица его платками вы не закрывайте,
Чтобы не привык он к смерти, в нём самом со-
крытой.
Спи, Игнасьо, и не чувствуй жаркого мычанья.
Мчись, лети, покойся с миром. Так умрёт и море.

IV

ОТСУТСТВУЮЩАЯ ДУША

Ты чужд быку, смоковнице и коням,
и муравьям у твоего порога.
Тебя не знает вечер и ребёнок, —
ушёл ты навсегда, навеки умер.

Ты чужд хребту иссеченному камня,
атласу чёрному, в котором тлеешь.
Ты чужд своим немым воспоминаньям —
ушёл ты навсегда, навеки умер.

Придёт к нам осень с гроздьями тумана,
с улитками и снежными горами.
Никто в твой взор не взглянет светлым взором, —
ушёл ты навсегда, навеки умер.

Да, потому что ты навеки умер,
как мёртвые, оставившие землю,
как мёртвые, которых забывают
среди кучи мусора и псов издохших.

Пусть чужд ты всем. Тебя я воспеваю.
Я сохраню твой мужественный облик,
и зрелость опыта, и жадность к смерти,
вкус терпкий губ твоих и привкус грусти
в весёлой смелости твоих порывов.

Родится ли когда, — да и родится ль, —
с судьбой такую бурной андалусец?
О красоте твоей пою со стоном,
и грустно шелестит в оливах ветер.

П Ь Е С Ы

МАРЬЯНА ПИНЕДА

Народный романс в трёх эстампах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Марьяна Пинеда.
Исавель ла Клавела.
Донья Ангустьяс.
Ампаро.
Лусия.
Мальчик.
Девочка.
Мать Кáрмен.
1-я послушница.
2-я послушница.
Монахиня.
Фернандо.
Дон Педро де Сотомайор.
Педроса.
Алегрито.
1-й заговорщик.
2-й   »
3-й   »
4-й   »
Женщина со свечой, девочка,
монахини.

ПРОЛОГ

Занавес представляет собой ныне уже не существующую арку де лас Кучарас. В перспективе площадь Бибаррамбла в Гранаде. Декорация заключена в рамку желтоватого цвета и напоминает старый эстамп, раскрашенный синей, зелёной, жёлтой, розовой и небесно-голубой краской. Один из домов расписан сценами из морской жизни и гирляндами плодов. Лунная ночь. В глубине сцены девочки поют под аккомпанемент гитары народный романс о Марьяне Пинеде.

О, как грустен твой день, Гранада,
Даже камни твои в слезах!
Марьянита взошла на плаху,
Ничего не сказала она,
Марьянита, когда вышивала,
Про себя повторяла не раз:
«Если б видел Педроса, как знамя
Вышиваю Свободе я!»

В одном из окон появляется женщина с зажжённой свечой. Пенье смолкает.

Ж е н щ и н а. Что ж ты, дочка, не слышишь?
Д е в о ч к а (*издали*). Бегу я...

Под аркой появляется д е в о ч к а, одетая по моде 1830 года
Она поёт:

Словно с лилии срезали лилию,
Словно с розы сорвали цветок,
Словно с лилии срезали лилию,
Но душа тем прекрасней её...

Она медленно входит в дом. В глубине хор продолжает:

О, как грустен твой день, Гранада,
Даже камни твои в слезах!

Занавес медленно спускается.

ПЕРВЫЙ ЭСТАМП

Дом Марьяны. Белые стены. На столе хрустальная ваза, доверху наполненная плодами айвы. Ими же увешан весь потолок. Над комодом большие ветки искусственных роз.

Осенний вечер. Д о н ь я А н г у с т ь я с, приёмная мать Марьяны, сидит и читает. Она одета в тёмное. Взгляд у неё несколько суровый, но в то же время это взгляд матери. Входит И с а в е л ь л а К л а в е л а. На ней костюм мадридской простолоюдинки. Ей тридцать семь лет.

К л а в е л а (входя).

А где же дочка?

Д о н ь я А н г у с т ь я с.

Шьёт себе да шьёт.

Я в скважину замочную взглянула,
И показалось мне, что воздух ранен
Был красной ниткой в этих белых пальцах.

К л а в е л а.

Мне страшно.

Д о н ь я А н г у с т ь я с

И не говори.

К л а в е л а (заинтересованная).

Скажи,

Об этом знают?

Д о н ь я А н г у с т ь я с.

Нет, пока в Гранаде

Никто не знает.

К л а в е л а.

Вышивает знамя,

А для кого?

Д о н ь я   А н г у с т ь я с .

Да, говорит она,
друзья её просили, «либералы»,
(значительно)
Особенно дон Педро. Как для них
Она рискует!.. Страшно и подумать.

К л а в е л а .

Да, в старину сказали бы: она
Испорчена.

Д о н ь я   А н г у с т ь я с   (быстро).

Нет, влюблена.

К л а в е л а .

Возможно ль?

Д о н ь я   А н г у с т ь я с   (загадочно).

Кто знает! (Переходя в лирический тон.)

У неё теперь улыбка
Такою стала белой, как цветок,
На кружеве раскрывшийся старинном.
Оставить нужно ей безумства эти, —
Что нужды ей до уличных волнений?
Уж если вышивать, пусть вышивает
Наряд для дочери своей, — ведь скоро
Та подрастёт. А плох король иль нет —
Не женщинам тревожиться об этом.

К л а в е л а .

Прошедшей ночью вовсе не спала.

Д о н ь я   А н г у с т ь я с .

Да разве так живут! Намедни, вспомни...

Слышен весёлый звон колокольчика.

А, дочки аудитора! Ни слова!

Клавела поспешно уходит. Ангустьяс направляется к двери направо и стучит.

Эй, Марьянита, здесь к тебе пришли!

Входят с громким смехом дочери аудитора канцелярии. На них мантильи, в волосах красные гвоздики. Л у с и я — тёмная шатенка, А м п а р о — жгучая брюнетка с большими глазами, очень живая; говорит быстро и сопровождает свою речь жестами.

Д о н ь я А н г у с т ь я с (*широко раскрыв объятия, идёт к ним навстречу*).

Красавицы Кампильо в нашем доме!

А м п а р о (*целует донью Ангустьяс, а затем обращается к Клавеле*).

Клавела, милая моя Гвоздика!¹
Как твой, Гвоздика, муж?

К л а в е л а (*недовольная, уходит, видимо, боясь новых шуток*).

Завял.

Л у с и я (*строго, сестре*).

Ампаро! (*Целует донью Ангустьяс*).

А м п а р о (*смеясь*).

Наберись терпенья.

А ту гвоздику, что не пахнет, —
Её с стебля ножом срезают.

Л у с и я (*донье Ангустьяс*).

Ну, как вам нравится Ампаро?

Д о н ь я А н г у с т ь я с (*улыбаясь*).

Весёлая!

---

¹ К л а в е л а — по-испански — гвоздика.

А м п а р о .

Пока сестра
И старые и новые романы
Читает — каждый по сто раз,
Иль вышивает по канве
Цветы и птиц и разные девизы, —
Пою, танцую я халёо,
Что в Хересе танцуют, вито,
А также ôле и болёро.
Ах, только б никогда меня
Охота петь не оставляла!

Д о н ь я А н г у с ь т ь я с *(смеясь)*.
Совсем дитя!

Ампаро берёт айву и откусывает.

Л у с и я *(сердито)*.

Ну, посиди спокойно!

А м п а р о *(говорит с трудом — так кисла айва, которую она держит во рту)*.

Какая вкусная!

Д о н ь я А н г у с ь т ь я с *(закрыв лицо рукой)*.

Глядеть мне страшно.

Л у с и я *(возмущённая)*.

Тебе не стыдно?

А м п а р о .

Почему

Так долго не идёт Марьяна?
Я постучу к ней в дверь сейчас.
(Подбегает к двери и стучит.)
Марьяна милая, ты скоро?

Л у с и я.

Простите ей, сеньора!

Д о н ь я А н г у с т ь я с (*мягко*).

Что вы!

Дверь отворяется, появляется Марьяна в платье цвета светлой мальвы; у неё бунли, высокая гребёнка и большая красная роза за ухом. Никаких драгоценностей, только на левой руке одно кольцо с алмазом. Она чем-то встревожена; по мере развития диалога растёт и её волнение. Увидав Марьяну, обе девушки бегут к ней навстречу.

А м п а р о (*целует её*).

Как долго ты!

М а р ь я н а (*ласково*).

Ах, душики!

Л у с и я (*целует её*).

Марьянита!

А м п а р о.

Ещё раз... крепче!

Л у с и я.

А теперь меня!

М а р ь я н а.

Ах, милые! (*Донье Ангустьяс.*) Скажи, не приносили

Письма мне?

Д о н ь я А н г у с т ь я с.

Нет. (*Задумывается.*)

А м п а р о (*ласкаясь к Марьяне*).

Ах, как ты молода

И хороша!

М а р ь я н а *(с горькой улыбкой)*.

Увы, уж мне за тридцать!

А м п а р о.

А кажется, что ей пятнадцать лет.

Садятся на широкую софу — Марьяна посредине, обе госты по бокам. Донья Ангустьяс прячет книгу и приводит в порядок шкаф.

М а р ь я н а *(всё ещё во власти своей тоски)*.

Ампаро! Я вдова с двумя детьми.

Л у с и я.

А как они?

М а р ь я н а.

Сейчас пришли из школы,
Играют, верно, на дворе.

Д о н ь я   А н г у с т ь я с

Пойду

Взгляну на них. Не дай-то бог, в фонтане
Они измокнут. До свиданья, дочки!

Л у с и я *(всё с той же изысканной учтивостью)*.

Ах, до свиданья!

Донья Ангустьяс уходит.

М а р ь я н а.

Что ваш брат Фернандо?

Л у с и я.

Он обещал зайти сюда за нами,
Чтоб повидать тебя. *(Смеётся.)* Он надевал
Свой новый голубой сюртук. Ты знаешь:
Всё, что надето на тебе, ему

Так нравится, он хочет, чтоб и мы
Так одевались, и ещё вчера...

А м п а р о (*перебивает сестру*).

Да, да, вчера сказал, что у тебя,
В твоих глазах... Как дальше, я забыла.

Л у с и я (*сердито*).

Ты дашь мне говорить?..

(*Хочет продолжать.*)

А м п а р о.

Сейчас... сама

Я вспомнила: сказал — в твоих глазах
Как будто вечно пролетают птицы...

(*Беря Марьяну за подбородок и глядя ей в глаза.*)

И трепет дивный, как в воде той тёмной,
Что миртами навек полонена,
Иль лунный столб, играющий в пруду,
Где алый сон сребристой снится рыбке.

Л у с и я (*дёргает Марьяну за рукав*).

Ты слышала? Придуманно всё ловко!

(*Смеётся.*)

А м п а р о.

Да нет же, это он...

М а р ь я н а.

Как хорошо

Мне рядом с вами, милые мои!
Ваш детский смех мне согревает душу.
Так, вероятно, весело встречает
Большой подсолнечник зарю на небе,
Когда на стебле ночи расцветает
Подсолнечник светила золотого.

(*Берёт их за руки.*)

И так же весело старушке дряхлой,
Когда ей кажется порой, что солнце
Заснуло на руках её и тихо
Она его ласкает и не видит,
Что ночь в звездах уже встаёт над домом.

Л у с и я.

Как ты грустна сегодня!

А м п а р о.

Что с тобою?

Входит Клавела.

М а р ь я н а (*быстро встаёт*).

Клавела, он не приходил, скажи?

К л а в е л а (*с грустью*).

Сеньора, нет, никто не появлялся.

(*Уходит.*)

Л у с и я.

Ты ждёшь гостей? Ну, мы тогда уйдём.

А м п а р о.

Скажи нам прямо, мы мешать не станем.

М а р ь я н а (*нервно*).

Смотрите, девочки, я рассержусь!

А м п а р о.

А ты меня совсем и не спросила
О том, как в Ронде я жила.

М а р ь я н а.

Да, правда,
Ты ездила туда. Ну как, довольна?

А м п а р о.

Да, очень, очень. Там весь день танцуют.

(Видя, что Марьяна чем-то встревожена, она вдруг становится серьёзной, смотрит на дверь и не слушает, что ей говорят.)

Л у с и я *(настойчиво)*.

Пойдём, - Ампаро!

М а р ь я н а *(взволнованная чем-то происходящим вне дома)*.

Ты расскажешь мне,
Как ты жила там. Если бы ты знала,
Как нужен мне сейчас твой свежий смех!

Л у с и я.

Марьяна, принести тебе роман?

А м п а р о.

Ты лучше опиши ей бой быков
И блеск арены знаменитой Ронды.

(Смеются. Ампаро встаёт и направляется к Марьяне.)

Садись.

Марьяна садится и целует её.

М а р ь я н а *(покорно)*.

Была на бое ты быков?

Л у с и я.

Была.

А м п а р о.

Корриды пышней не запомнят
Под сводами Ронды старинной:

Пять чёрных, как смоль, быков
С девизом зелёным и чёрным.
Я думала всё о тебе,
Я думала: если б со мною
Был друг мой печальный теперь,
Моя Марьянита Пинеда!
Как весел был девичий крик!
В колясках, расписанных ярко,
У девушки каждой в руках
Был вышитый блёстками веер.
И юноши с разных концов,
В широких и серых сомбреро,
Надвинутых низко на лоб,
Верхом на лошадках потешных
Съезжались на эту корриду.
А в цирке повсюду мелькали
Высокие шляпы и гребни,
И весь он кружился, кружился
В раскатах нестройного смеха.
Когда ж Каэтано великий
В костюме зелёного цвета,
В шелку, в серебре, выделяясь
Средь прочего люда квадрильи,
Прошёл бледно-жёлтой ареной
И стал против хитрых быков,
Что вскормлены нашей землёю,
Испанией нашей, — казалось,
Стал вечер как будто смуглее.
Ах, если б вы видеть могли,
Как был он изящен в движеньях,
Как твёрдо стоял он, когда
То плащ поднимал, то мулету!
Сам Педро Ромеро едва ль
Затмил бы его своим блеском.
Пять чёрных убил он быков
С девизом зелёным и чёрным.
Им шпагою острой своюю

Пять алых раскрыл он цветков.
Всё время, как будто нарочно,
Он морд их касался свирепых,
Совсем как большой мотылёк,
Весь в золоте крыльев червлёных.
И цирк и спустившийся вечер
В порыве одном трепетали,
И с запахом крови мешался
Волнующий запах Сиерры.
Я думала всё о тебе.
Я думала: если б со мною
Был друг мой печальный теперь,
Моя Марьянита Пинеда!..

М а р ь я н а (*растроганная, встаёт*).
Тебя любить всегда я так же буду,
Как ты меня.

Л у с и я (*тоже встаёт*).
Ну, мы теперь пойдём.
Дай волю ты моей торере —
Корриде и конца не будет.

А м п а р о.
Скажи: я всё-таки сумела
Тебя развеселить? Ведь эта шейка
(*целует Марьяну в шею*), —
Ах, что за шейка! — для страданий
Не создана она...

Л у с и я.
Сошлись
Над Парапандой тучи. Дождик,
Не дай бог, соберётся.

А м п а р о.
Видно,

Дождливая зима нам предстоит, —
Блеснуть я не смогу...

Л у с и я.

Кокетка!

А м п а р о.

Прощай, Марьяна!

М а р ь я н а.

Девочки, прощайте! (*Целуются.*)

Л у с и я.

Смотри, развеселись!

М а р ь я н а.

Уж поздно.

Хотите, я пошлю Клавелу

Вас проводить?

А м п а р о.

Ах нет, спасибо!

К тебе придём мы скоро!

Л у с и я.

Ты

Не провожай.

М а р ь я н а.

Ну, до свиданья.

Девушки уходят.

Марьяна быстро проходит по комнате, смотрит на большие
волочёные часы, где словно грезит вся утонченная поэзия
той эпохи. Затем подходит к окну. Сумерки.

М а р ь я н а.

О, если б этот вечер был

Большою птицей! Сколько стрел,

Жестоких стрел, в него бы я вонзила,
Чтобы его сомкнулись крылья!
Как этот круглый тёмный час
Мне давит на ресницы! Скорбь
Звезды той древней на моём
Застыла горле. Уж пора
Проснуться звёздам, заглянуть
В моё окно и тихим шагом
Пройти по улицам безмолвным.
С каким трудом вечерний свет
Сейчас прощается с Гранадой!
Он пробует запутаться в ветвях
Высоких кипарисов, под водою
Он хочет скрыться гостем незаметным.

(С тоской.)

О, что же медлит эта ночь,
Ночь грёз моих и опасений!
Меня издалека она
Своею острой ранит шпагой.

Ф е р н а н д о *(в дверях)*.

Марьяна, здравствуй!

М а р ь я н а *(испуганно)*.

Ах! *(Приходит в себя.)*

Ф е р н а н д о.

Тебя

Я испугал?

М а р ь я н а.

Я не ждала
Тебя увидеть здесь *(улыбаясь)*, твой голос
Меня смутил немного.

Ф е р н а н д о.

Сёстры

Мои ушли?

М а р ь я н а .

Да, только что; забыли,
Что ты за ними обещал зайти.

Фернандо одет весьма элегантно, по моде той эпохи. У него страстный взгляд и голос. Ему восемнадцать лет.

Ф е р н а н д о .

Я помешал тебе?

М а р ь я н а .

Садись.

(Садятся.)

Ф е р н а н д о *(мягко)*.

Как я люблю твой тихий дом!
Как сладко пахнет в нём айвою!

(Вдыхает в себя воздух.)

Он весь расписан яркой краской,
Везде кораблики, гирлянды!

М а р ь я н а *(прерывает его)*.

На улице народу много?

Ф е р н а н д о *(улыбаясь)*.

Чем вызван твой вопрос?

М а р ь я н а *(смутившись)*.

Ничем,

Ф е р н а н д о .

Да, много.

М а р ь я н а *(быстро)*.

Что ты говоришь?..

Ф е р н а н д о .

Да, проходя по Бибаррамбле,
Две или три я группы видел
Людей, закутанных в плащи.
Они стояли на ветру,
Между собою обсуждая
Большую новость.

М а р ь я н а (*со страстным нетерпением*).

Что за новость?

Ф е р н а н д о .

Ты знаешь что-нибудь?

М а р ь я н а .

Масоны?

Ф е р н а н д о .

Нет, капитан один...

Марьяна в сильнейшей тревоге.

Зовут

Его... Не помню... Либерал
И важный узник... Из тюрьмы
Аудиенсии бежал...
Но что с тобой?

М а р ь я н а .

Я за него

Молю творца. Его, конечно, ищут?

Ф е р н а н д о .

Когда к тебе я направлялся,
Я видел, как войска прошли
К Хенилю и мостам. Конечно,
Им по дороге в Альпухару
Его поймать нетрудно будет.
Как это грустно всё!

М а р ь я н а (с тоской).

Создатель!

Ф е р н а н д о .

А узник ускользнул, как призрак.
Но я уверен, что Педроса
Ему сдавить сумеет горло...
Да ведь Педроса — твой знакомый?

На сцене постепенно темнеет.

М а р ь я н а .

Я встретила с ним здесь, в Гранаде.

Ф е р н а н д о (улыбаясь).

Вот друг надёжный, Марьянита!

М а р ь я н а .

Я на несчастье своё
С ним познакомилась. Со мною
Всегда любезен он и даже
Вхож в этот дом: я не могу
Избегнуть этих посещений.
Кто может запретить ему?

Ф е р н а н д о .

Он следовательно знаменитый.

М а р ь я н а .

Я не решаюсь поглядеть
Ему в лицо.

Ф е р н а н д о .

Так, значит, очень
Его боишься ты? (Улыбается.)

М а р ь я н а.

Да, очень.

Однажды вечером спокойно
Из церкви возвращалась я,
И вдруг ко мне он подошёл,
С двумя судейскими, безмолвный
И важный. Как я задрожала!..
И эту дрожь заметил он.

Сцена погружается в мягкий полумрак.

Ф е р н а н д о.

Да, знал король, кого послать
К нам, в беспокойную Гранаду.

М а р ь я н а *(вставая)*.

Но вот и ночь. Клавела! Свет!

Ф е р н а н д о.

Теперь в Испании и реки —
Уже не реки, а оковы.

М а р ь я н а.

Вот потому-то и должны
Мы голову держать высоко.

К л а в е л а *(входя с двумя канделябрами)*.

Вот свет.

М а р ь я н а *(очень бледная, прислушивается к тому, что делается на улице)*.

Поставь сюда! Стучат!

Клавела ставит канделябры.

Ф е р н а н д о *(замечив, что Марьяна не может совладать с собой)*.

Марьяна, почему дрожишь ты?

М а р ь я н а (*Клавеле вполголоса*).

Иди, открой! Скорее, ради бога!

Клавела убегает. Марьяна стоит в выжидательной позе у двери.

Ф е р н а н д о .

Мне грустно думать, что тебе сейчас
Мешаю я. Послушай, Марьянита,
Чем ты встревожена?

М а р ь я н а (*оставаясь прекрасной и в тоске*).

Когда мы ждём,
Секунды нам напоминают вечность,
И трудно с ними спорить...

Ф е р н а н д о (*с тревогой в голосе*).

Я уйду?

М а р ь я н а .

Промчался конь по улице. Всё дальше
И дальше топот... Слышишь?

Ф е р н а н д о .

Поскакал
Ездок незримый за город, к равнине.

Пауза.

М а р ь я н а .

Клавела дверь захлопнула.

Ф е р н а н д о .

Скажи,

Кто это был?

М а р ь я н а (*смущённо, подавляя сильную тревогу*).

А право, я не знаю!
(*В сторону.*) И думать не хочу о том.

Сеньора, вам.

Марьяна порывисто хватает письмо.

Ф е р н а н д о (в сторону).

Что скрыто в нём такое?

К л а в е л а.

Мне всадник передал его; закутан
Он был плащом по самые глаза.
Я испугалась очень; тут, коню
Поводья дав, умчался он, как ветер,
В густую тьму соседней пласолеты.

Ф е р н а н д о.

Нам был отсюда слышен конский топот.

М а р ь я н а.

Ты говорила с ним?

К л а в е л а.

Ни я, ни он

Друг другу не промолвили мы слова.
В таких делах молчать всегда вернее.

Фернандо рукавом смахивает пыль с сомбреро; лицо его принимает озабоченное выражение.

М а р ь я н а (с письмом в руке).

Нет, не могу я вскрыть его. О, если б
Все это мне привиделось во сне!
Создатель мой, не отнимай, молю,
Того, кто мне милей всего на свете!

(Разрывает конверт и читает письмо).

Ф е р н а н д о (Клавеле, с тревогой в голосе).

Я так смущён, так странно это всё!
Ты, может, знаешь, что случилось с нею?

К л а в е л а .

Да нет же, нет, ведь я сказала вам!

Ф е р н а н д о .

Тогда молчу, и всё же...

К л а в е л а (договаривает за него).

Как несчастна
Бедняжка — наша донья Мариана!

М а р ь я н а (в сильной тревоге).

Клавела, пододвинь мне канделябр.

Клавела поспешно исполняет её просьбу. Фернандо медленно накидывает на плечи плащ.

К л а в е л а (Марьяне).

Спаси нас бог, сеньора, жизнь моя!

Ф е р н а н д о (смущённый и встревоженный).

Ты разрешишь мне...

М а р ь я н а (пробуя взять себя в руки).

Ты уходишь?

Ф е р н а н д о .

Да,

Пойду в Кафе Звезды.

М а р ь я н а (с нежной мольбой).

Прости, мой друг,
Что я тебя невольно огорчила!

Ф е р н а н д о (с достоинством).

Тебе не нужно ничего?

М а р ь я н а *(сдерживая себя)*.

Спасибо...

Тут важные семейные дела...

Итак, самой мне их решать придётся.

Ф е р н а н д о .

Я хотел бы видеть тебя счастливой. Скажу сестрицам, чтобы они зашли к тебе. Ах, если бы они могли тебе чем-нибудь помочь! Прощай, отдохни!

(Жмёт ей руку.)

М а р ь я н а .

Прощай!

К л а в е л а .

Идите, я вас провожу. *(Уходят)*.

М а р ь я н а *(после ухода Фернандо и Клавелы даёт простор охватившим её чувствам)*.

О Педро, жизнь моя! Но кто ж поймёт?

Дни горькие сошлись над этим домом.

Куда, скажи, меня ведёшь ты, сердце?

Своих детей, и тех я позабыла.

Уж близок час, а между тем со мною

Нет никого. Сама я удивляюсь,

Как сильно я люблю его... А если

Сказать ему... Он, может быть, поймёт?

(Со слезами.)

Создатель мой! Я заклинаю раной,

Что нанесли копьем тебе в ребро,

Сладчайшей кровью я молю твоей,

Подобной алым лепесткам гвоздики:

Пусть эта ночь с пути собьёт солдат!

(С тоской, глядя на часы.)

Пора, пора. На всё решаться надо.

(Бежит к двери.)

Фернандо!

К л а в е л а *(входя)*.

Он на улице, сеньора.

М а р ь я н а *(высовывается в окно)*.

Фернандо!

К л а в е л а *(скрестив руки)*.

Ах, как, донья Мариана,
Вы побледнели с той поры, когда
Руками нежными впервой коснулись
Вы знамени проклятых либералов!
У вас с лица совсем сбежала краска,
А прежде были вы цветком граната.

М а р ь я н а *(приходит в себя)*.

Иди открой, и больше никогда
Не говори о знамени со мною.

К л а в е л а *(уходя)*.

Ах, дай-то бог, чтоб всё переменилось!
Ах, дай-то бог терпенья нам набраться!

(Уходит.)

М а р ь я н а.

И всё же я должна быть совсем спокойной,
совсем спокойной. Хотя бы мне казалось,
что моя одежда соткана из трепетных слёз.

В дверях появляется Фернандо. В руке, затянутой
в перчатку, он держит высокую шляпу с лентами. К л а
в е л а вводит его в комнату.

Ф е р н а н д о *(входя, страстно)*.

Я здесь!

М а р ь я н а (*твёрдо*).

Поговорить с тобой
Хочу. (*Клавеле.*) Ступай!

К л а в е л а (*покорно*).

Приду я рано.

Ф е р н а н д о.

Я жду.

М а р ь я н а.

Скажи, ты друг ведь мой?

Ф е р н а н д о.

Тебе ли спрашивать, Марьяна!

Марьяна садится на стул, в профиль к публике. Фернандо занимает место рядом с ней, лицо его видно в пол-оборота. Вместе они образуют классический старинный эстамп.]

Я другом был твоим всегда.

М а р ь я н а.

И будешь им?

Ф е р н а н д о.

Побольше веры!

М а р ь я н а.

О, если б так...

Ф е р н а н д о.

Тебе тогда

Напомню я: я — кавальеро.

(*Кладёт руку на белую манишку.*)

М а р ь я н а (*уверенно*).

Я знаю...

Ф е р н а н д о.

В чём твоя беда?

М а р ь я н а.

Ты слишком многого не знаешь...
Хочу просить я... подожди...

Ф е р н а н д о.

Зачем ты сердце огорчаешь,
Что бьётся молодо в груди?
Я счастлив, что тебе служу я!

М а р ь я н а (*волнуясь*).

Но если...

Ф е р н а н д о (*в тревоге*).

Что?

М а р ь я н а.

Тебя там ждёт

Опасность?

Ф е р н а н д о (*решительно*).

Всё равно пойду я.

Меня надежда поведёт...
Но успокойся, бога ради,
Мы оба грезим наяву.

М а р ь я н а.

Ах, нет, недаром я слышу
Безумной женщиной в Гранаде!

Ф е р н а н д о (*нежно*).

Марьяна...

М а р ь я н а.

Где найти мне силу?

Ф е р н а н д о.

Тебе я нужен? Ты должна
Открыться мне.

М а р ь я н а (в порыве страсти).

Мой мальчик милый,
Я умереть боюсь одна.

Ф е р н а н д о.

Ты — умереть?

М а р ь я н а.

И вот нуждаюсь,
Чтоб жить, я в помощи твоей.
О, без тебя я задыхаюсь!

Ф е р н а н д о.

Я не свожу с тебя очей.
К чему сомненья и тревога?

М а р ь я н а.

Уж не во мне вся жизнь моя, —
В морях, в ветрах её дорога
И там, где б не хотела я!

Ф е р н а н д о.

О, если б кровью я своею
Мог облегчить твою печаль!

М а р ь я н а.

Нет, кровь твою пролить мне жаль.
С ней цепь лишь станет тяжелее.

(Подносит руки к груди и достаёт конверт.)

Фернандо тронут. Он выжидает.

Я верю сердцу твоему.

(Вынимает письмо. Колеблется.)

Гранада спит. Сквозь тьму ночную
Чей за балконом взор я чую?
Скажи, что нужно здесь ему?

Ф е р н а н д о (*удивлённо*).

В чём смысл нежданного вопроса?

М а р ь я н а.

Он молча смотрит, не спеша...

(*Встаёт.*)

Нет, я сильнее тебя, Педроса,
Смотри, как шея хороша! (*Твёрдо.*)

Фернандо, может объяснением
Письмо вот это послужить.

Что дальше: жить или не жить?

Прочти и стань моим спасеньем.

Фернандо берёт письмо. В эту минуту часы медленно роняют восемь ударов. Топазовый и аметистовый свет зажжённых канделябров нежным сиянием озаряет комнату. Марьяна в волнении ходит по сцене, всматриваясь в юношу, — тот, прочтя про себя начало письма, изящным и сдержанным жестом выражает свою печаль.

Ф е р н а н д о (*читает вслух письмо. Он пора-
жён; с недоумением и затаённой грустью смотрит
на Марьяну*).

«Моя богиня, Марьянита...»

М а р ь я н а.

Читай же дальше всё письмо.

Средь букв его ничто не скрыто,

И сердце молит в нём само.

Ф е р н а н д о (*читает письмо*); *он очень печален,
но сдержан*).

«Моя богиня, Марьянита! Благодаря платью

Капуцина, которое ты так ловко сумела мне переслать, я бежал из башни. Санта Каталина, замешавшись в толпу монахов, приходивших напутствовать смертника. Сегодня ночью мне крайне необходимо выехать в Кадьяр, где я рассчитываю получить известия от друзей. До девяти часов я должен получить паспорт, который я оставил у тебя, и встретиться с человеком, которому я мог бы вполне довериться. Этот человек должен ждать меня с конём за Хенильским шлюзом. Доехав до верховья реки, я попытаюсь укрыться в Сьерре. Педроса, конечно, постарается искусно оплести меня сетью, и если сегодня ночью я не смогу выехать, то гибель моя неизбежна. Прощай, Марьяна! Тебя целует и тебе вручает свою душу твой возлюбленный Педро де Сотомайор».

Ф е р н а н д о *(страсно)*.

Марьяна!

М а р ь я н а *(закрывает рукой глаза; быстро)*.

О! Я так и знала!
Молчи, Фернандо, и забудь.

Ф е р н а н д о .

О, как внезапно ты прервала
Моих надежд счастливый путь!
Ты не виновна, нет, обидеть
Могу ль тебя в такую ночь!
И должен я тому помочь,
Кого готов возненавидеть.
Я по тебе давно вздыхал,
Любил я тайно, без ответа,
Пока дон Педро не украл
У чувств моих сердечко это.

О, кто бы мог тебя одну
В тоске оставить, будь он камень!
Пусть больно мне, пусть жжёт мой пламень,
Но ревность я свою согну.

М а р ь я н а (гордо).

О, если так, одна пойду я!

(Смущённо.)

О боже, ждать я не могу!

Ф е р н а н д о.

Он там, на дальнем берегу,
Любовник твой... его найду я.

М а р ь я н а (с гордостью, отвечая на грустную иронию, которую вложил Фернандо в слово «любовник»).

Нет, я стыдиться не должна.
Знай, я горжусь своей любовью.
Моей душою, мыслью, кровью
Владеет он, — я им полна.
Я знаю: любит он свободу,
И я люблю её вдвойне,
Мне горечь правды слаще мёда,
И уст других не надо мне!
Что нужды, если затуманит
Ночь этот день? Беды в том нет.
О, верю я: струить свой свет
Его душа не перестанет.
Любви моей он властелин,
Простой любви, — пусть я слабею
От этой страсти и бледнею,
Как твой цветок, о, розмарин!

Ф е р н а н д о (горячо).

Ты видишь, я даю, Марьяна,

Тебе вздыхать... Но погляди
На рану, что вот здесь, в груди:
Она открылась, эта рана.

М а р ь я н а (*жалобно причитает*).

Когда бы окна из стекла
Имело сердце в муке вечной, —
Ах, капли крови без числа
Ты в них увидел бы, конечно!

Ф е р н а н д о.

Довольно! Паспорт!

Марьяна быстрыми шагами подходит к комоду.

Конь?

М а р ь я н а (*доставая бумаги*).

В саду.

И если принял ты решение,
Нельзя ни одного мгновенья
Терять нам больше.

Ф е р н а н д о (*быстро и нервно*).

Я иду.

Марьяна передаёт ему бумаги.

Ф е р н а н д о.

Здесь всё?

М а р ь я н а (*с горечью*).

Да, всё.

Ф е р н а н д о (*прячет документы в карман
сюртука*).

Ну что ж, прекрасно.

М а р ь я н а.

Прости мне, друг печальный мой,
И пусть сам бог идёт с тобой!

Ф е р н а н д о (*спокойно, медленно, с достоинством накидывает свой плащ*).

Я в это верю не напрасно.
Безлунна ночь, во тьме земля,
Но если б даже и светили
Лучи луны, меня б укрыли
В тени прибрежной тополя.
Прощай! Пусть больше не тревожит
Тебя печаль, твой сон губя,
И знай, никто другой тебя
Сильней меня любить не сможет.
Твоим гонцом я поскачу,
Чтоб не видать твоих мучений,
Гонцом мне чуждых поручений,
Но прежде сердце растолчу.

М а р ь я н а.

Ты избегай солдат...

Ф е р н а н д о.

Не сложен
Мой будет путь... безлюден край.

(*С горькой иронией.*)

Ну, что ещё?

М а р ь я н а (*в смущении, едва слышно*).

Будь осторожен...

Ф е р н а н д о.

К чему слова твои? Прощай!

(*В дверях, надевая сомбреро.*)

Да, плен души не разорву я.
Ты страх ненужный изживи.
Я — пленник роковой любви
И буду им, пока живу я!

М а р ь я н а.

Прощай. (*Берёт канделябр.*)

Ф е р н а н д о.

Марьяна, мне пора!
Пожалуй, к Педро я проеду
Мостом, чтоб сбить врагов со следу.
Итак... до нового утра!

(*Уходит.*)

Сцена в течение нескольких секунд остаётся пустой. Не успели Марьяна и Фернандо выйти, как в противоположную дверь входит д о н ь я А н г у с т ь я с с канделябром в руке. Тонкий осенний запах айвы наполняет всю комнату.

Д о н ь я А н г у с т ь я с.

Марьяна, где ты? Отзовись же, дочка!
Создатель мой! Да что ж это такое!
Где ты была?

М а р ь я н а (*входит, также с канделябром.*)

Я провожала
Фернандо.

Д о н ь я А н г у с т ь я с.

Побрани детей:
Придумали игру какую!

М а р ь я н а (*ставя канделябр.*)
Что за игра?

Д о н ь я   А н г у с т ь я с .

Марьяна,
То знамя, что, скрываясь
От всех, ты вышиваешь...

М а р ь я н а (*властно её прерывает*).
Что с ним?

Д о н ь я   А н г у с т ь я с .

Они нашли
Его в шкафу случайно,
И вздумалось сбоим
В покойников играть.
Накрылись им, легли
И шепчут мне чуть слышно:
«Пусть принесёт священник
Из церкви орифламмы
И розмаринный цвет.
Пусть принесут из сада
Букет гвоздичек алых...
Епископы подходят...»
И тут глаза закрыли
Они с серьёзным видом.
Ты скажешь: «Это шутка.
Играют дети». Правда,
Но, знаешь, тяжело мне
Так стало! Я боюсь:
А вдруг беду накличет
На дом наш это знамя?

М а р ь я н а (*в ужасе*).
Они его нашли?

Д о н ь я   А н г у с т ь я с .

Марьяна, как всё грустно
Здесь, в этом старом доме!

Он рушится. Мужчины
Не вижу в нём, повсюду
Безмолвье, запустенье.
Сама ты...

М а р ь я н а (*в замешательстве, тоном, полным трагизма*).

Ради бога!

Д о н ь я А н г у с т ь я с.

Марьяна, что, скажи мне,
Ты сделала? Зачем
Нас окружает стража
Незримо, день и ночь?

М а р ь я н а.

Моё безумно сердце.
Не знаю, что хочу я.

Д о н ь я А н г у с т ь я с.

Забудь его, Марьяна.

М а р ь я н а (*страстно*).

Забуть я не могу!

Слышен детский смех.

Д о н ь я А н г у с т ь я с (*знаком показывает Марьяне, что нужно молчать*).

Тсс! Дети!..

М а р ь я н а.

Так идём скорее!
Должны мы спрятать это знамя.

Д о н ь я А н г у с т ь я с.
Марьяна, ты о них подумай!

(*Берёт канделябр.*)

М а р ь я н а .

Да, да, конечно, ты права.
Права! О них мне помнить нужно.

Уходят.

Занавес

ВТОРОЙ ЭСТАМП

Гостиная в доме Марьяны. Общие тона — серые, белые и цвета слоновой кости, как на старинной гравюре. Белая мебель. В глубине дверь с серым занавесом и две боковые двери. Консоль с урной и большими цветами из лилового и зелёного шёлка. Посреди комнаты фортепьяно и хрустальные канделябры. Ночь... На сцене К л а в е л а и д е т и М а р ь я н ы . На детях прелестные модные костюмы той эпохи. Клавела сидит посредине, дети рядом с ней, на низеньких табуретках. Комната чистая и скромная, хотя в ней встречаются и дорогие вещи, полученные Марьяной в наследство.

К л а в е л а .

Довольно сказок. (*Встаёт.*)

М а л ь ч и к (*теребя её платье*).

Расскажи ещё

О чём-нибудь.

К л а в е л а .

Ты разорвёшь мне платье.

М а л ь ч и к (*продолжая теревить*).

Оно плохое.

К л а в е л а (*набрасывая платье на мальчика*).

Мне его купила

Твоя же мать.

М а л ь ч и к (*смеясь и хватая Клавелу за платье, заставляет её сесть*).

Клавела!

К л а в е л а *(делая вид, что уступает силе, тоже смеясь, садится)*.

Д е т и !

Д е в о ч к а .

Сказку

Ты расскажи нам о цыганском принце.

К л а в е л а .

Цыганы сроду принцев не имели.

Д е в о ч к а .

А почему?

М а л ь ч и к .

Терпеть их не могу!

От ведьмы родились они.

Д е в о ч к а *(с сердцем)*.

Лгунишка!

К л а в е л а *(останавливает её)*.

Чего ты разозлилась?

Д е в о ч к а .

Да вчера

Я видела, как двое их молились...

У них большие ножницы... и тут же

Стояла пара осликов лохматых.

Ослы в глаза мне ласково глядели

И двигали хвостом наперебой.

Вот мне б такого...

М а л ь ч и к *(с важностью)*.

Ну, они, наверно,

Украли их.

К л а в е л а .

Вот это ты напрасно.
Почём ты знаешь?

Дети показывают ей язык.

Стыдно, дети, так!
М а л ь ч и к .

Ты романсильо обещала нам!

Д е в о ч к а .

О герцоге Лусенском. Как начало?

М а л ь ч и к (как бы вспоминая).

Средь олив, олив зелёных...

К л а в е л а .

Ну, хорошо! Но лишь с одним условием:
Как кончу — спать!

М а л ь ч и к .

Ну, ладно.

Д е в о ч к а .

Мы согласны.

К л а в е л а (*медленно крестится; дети, не сводя с неё глаз, повторяют за ней этот жест*).

Будь на земле благословенна
Святая троица всегда!
Храни прохожих в дикой Сьерре
И в море бурном — моряка...
Средь олив, олив зелёных
Друга девушка ждала.

Д е в о ч к а (*закрыв Клавеле рот рукой, продолжает*).

Что, девица, вышиваешь?
Мать, скажи, что шьёт она?

К л а в е л а (крайне довольная тем, что девочка знает наизусть стихи).

Шьёт серебряной иглою,
Пяльцы тонкие — хрусталь...
Вышивает шёлком знамя
И поёт, поёт она
Средь олив, олив зелёных.
Мать, как песнь её звучна!

М а л ь ч и к (продолжает).

К ней подходит андалусец,
Он и статен и румян...

В среднюю дверь входит Марьяна. На ней светло-жёлтое платье, напоминающее листы старой книги. Она прислушивается к романсу, жестами подчёркивая те чувства, которые вызывают в ней образы знамени и смерти.

К л а в е л а .

Что ты шьёшь, душа-девица?
Шить ты больше не должна!
Знай, что спит Лусенский герцог,
Спит — и вечно будет спать!

Д е в о ч к а .

А девица отвечает:
— Ты неправду мне сказал,
Мне велел Лусенский герцог
Это знамя вышивать:
Чтобы алым было, алым, —
С ним пойдёт он на врага.

М а л ь ч и к .

Вот по Кóрдове печальной
Гроб проносят на плечах.
Он в гробу одет монахом,
Гроб его — морской коралл.

Д е в о ч к а (как бы во сне).

И лаванда, и гвоздика
На гробу его лежат,
И щегол над ним унылый
Распеваёт: «Пио-па».

К л а в е л а (с чувством).

Герцог, герцог мой далёкий,
Не увижу я тебя!
Знамя то, что вышиваю,
Больше мне не вышивать...
Здесь, в пустынной этой роще,
Я останусь навсегда:
Буду я глядеть, как ветер
Кружит листья вокруг меня!

М а л ь ч и к.

О, прощай, краса-девица!
Хоть с тобой расстаться жаль,
Я пойду к себе в Севилью,—
Я в Севилье капитан!

К л а в е л а.

Средь олив, олив зелёных
Как безмолвна, как бледна
Чернокудрая девица —
Вся в тоске и вся в слезах!

Дети жестом выражают удовольствие. Они жадно слушали сказку-романс.

М а р ь я н а (подходит к ним).

Пора вам спать.

К л а в е л а (встаёт; детям).

Вы слышали?

Девочка (*целует Марьяну*).

Ты, мама,

Сама сегодня уложи нас.

Марьяна.

Дочка,

Я не могу, — хочу я сшить тебе

Сегодня шапочку.

Мальчик.

А мне?

Клавела (*улыбаясь*).

Сошьёт!

Марьяна.

Тебе — сомbrero с лентою зелёной,

К ней две серебряных пришью я кисти.

(*Целует его.*)

Клавела.

Ну, дети, спать!

Мальчик (*матери*).

Хочу я — как у взрослых:

Высокую-высокую, ты знаешь!

Марьяна.

Да, мальчик мой!

Девочка.

И приходи потом:

Так сладко быть с тобою. Нынче ночью

Ни зги не видно, ветер страшно воет!

Марьяна (*тихо Клавеле*).

Как только кончишь, так спускайся к двери.

Клавела.

Управляюсь скоро: дети спать хотят.

М а р ь я н а.

И за молитвой не смеяться!

К л а в е л а.

Знаем!

Клавела и дети уходят. Пауза.

М а р ь я н а *(в дверях)*.

Спокойно спите, милые мои!
А я меж тем в безумии глубоком.
Я чувствую, как собственным огнём,
Живым огнём пылает роза сердца.
Мечтать о празднике, мечтать о роще
Прохладной, свежей в дальней Картахене,
Мечтать о пёстрой птице, что, качаясь,
Поёт на ветви сочного лимона...
О, дети милые! Я тоже сплю,
И я несусь в своём тяжёлом сне,
Как нити те, что гонит быстрый ветер:
Куда, зачем, — увы! они не знают!

Входит донья Ангустьяс.

Д о н ь я А н г у с ь т ь я с *(в сторону)*.
О, старый, честный дом! Что за безумье!
(Марьяне.)

К тебе пришли...

М а р ь я н а.

Кто мог притти?

Д о н ь я А н г у с ь т ь я с.

Дон Педро.

Марьяна бежит к двери.

Спокойней, дочка, он тебе не муж.

М а р ь я н а *(внутренно соглашаясь с ней)*.
Да, ты всегда права, но я не в силах...

Марьяна подбегает к двери и сталкивается с д о н о м П е д р о. Ему двадцать шесть лет. Это сильный, искренний, располагающий к себе человек. Он одет с изящной простотой. Речи его свойственна мягкость. Марьяна протягивает ему руки, затем сама берёт его за руки. Донья Ангустьяс принимает грустную выжидательную позу.
Минутное молчанье.

Д о н П е д р о *(с чувством)*.

Благодарю тебя, моя Марьяна!

М а р ь я н а *(едва слышно)*.

Я долг исполнила.

(Во время этой сцены Марьяна проявляет все признаки глубокой и очень сильной страсти.)

Д о н П е д р о *(донья Ангустьяс)*.

И вам спасибо,

Сеньора!

Д о н ь я А н г у с ь т ь я с.

Не за что. Спокойной ночи!

(Марьяне.)

Пойду я к детям. Бедная моя
Ты, Марьянита! Бедная моя!

(Уходит.)

Дон Педро порывисто обнимает Марьяну.

Д о н П е д р о *(страстно)*.

О, чем бы мог я заплатить тебе!
Как будто в жилах стало больше крови,—
Ты мне дала её, когда подвергла
Опасностям сердечко ты своё.
Как за него боялся я, Марьяна!

М а р ь я н а *(прильнув к нему в порыве чувства)*.

К чему мне кровь, когда б ты умер; Педро?

Без воздуха летать не может птица.
Вот так и я... Я только не умею
Сказать тебе, как я тебя люблю!
С тобой я все слова позабываю.

Д о н П е д р о .

Как ты себя бесстрашно подвергаешь
Опасностям, окружена людьми
Коварными, одна!

М а р ь я н а (*припав головой к его плечу, словно
грезит*).

Вот так. Пускай
Мне лоб обвеет чистое дыханье.
Тоску прогонишь ты и горький вкус, —
Тоску пути, неведомого мне,
И вкус любви, сжигающей мне губы.

*Пауза. Вдруг она отстраняется от кавальеро и
берёт его за локоть.*

А за тобой не гонятся? Скажи,
Никто не видел, как сюда вошёл ты?

Д о н П е д р о .

Никто. (*Садится.*) Живёшь на улице ты сон-
ной.

Здесь ночью чорт себе ломает ногу.

М а р ь я н а .

А мне всё страшно.

Д о н П е д р о (*беря её за руки*).

Подойди ко мне.

М а р ь я н а (*садится*).

Мне очень страшно, что тебя узнают.

И вдруг тебя негодный роялист
Убьёт...

Д о н П е д р о (*страстно*).

О, нет, не бойся, Марьянита,
Моя жена, вся жизнь моя! Храним
Мы в тайне заговор. Итак, не бойся.
То знамя, что сейчас ты вышиваешь,
Уверен я; уж затрепещет скоро
В сердцах восторженных пригромких криках
На улицах: желанная Свобода
Благодаря тебе поставит скоро
Могучие серебряные ноги
На грудь земли суровой и жестокой.
Когда ж не так... когда Педроса...

М а р ь я н а (*испуганно*).

Лучше

Не продолжай!

Д о н П е д р о.

...Настигнет наш отряд
И нам придётся умереть...

М а р ь я н а.

Молчи!

Д о н П е д р о.

Марьяна! Что такое человек,
Когда лишён желанной он Свободы?
Без света этой музыки сердечной,
Не чувствуя в себе её, — скажи,
Как мог бы я любить тебя и сердце
Отдать тебе, когда б свободным не был,
Или его не чувствовал своим?
Не бойся же, Марьяна, жизнь моя!
Сумел Педросу обмануть в горах я
И верю: мне удастся победить

С тобою вместе, и тогда ты мне
Отдашь любовь, и дом, и эти пальцы...

(Целует ей пальцы.)

М а р ь я н а.

И то, что выразить я не умею,
Но что вот здесь... Как хорошо с тобой!
Но, и счастливую, меня гнетёт,
Меня тревожит странная тоска.
За занавесками повсюду лица
Мне чудятся, как будто ясно слышны
На улице слова мои.

Д о н П е д р о *(горячо)*.

— Да, правда,
Что за тоска, какая в сердце горечь,
Какой вопрос всегда к минуте дальней!
Как бесконечно в Сьерре я страдал!
Всю эту осень! Ты себе не можешь
Представить!

М а р ь я н а.

Так ты рисковал?

Д о н П е д р о.

Почти

В руках полиции я был, меня
Спас конь и паспорт тот, что мне прислала
Ты с юношей, не проронившим слова.

М а р ь я н а *(встревоженно и как бы не
желая вспоминать)*.

Постой...

Пауза.

Д о н П е д р о.
Дрожишь ты?

М а р ь я н а (*нервно*).

Нет. Потом?

Д о н П е д р о .

Потом блуждал я в Альпухаре,
А тут узнал, что карантин
Введён властями в Гибралтаре
От жёлтой лихорадки. Значит,
Въезд запрещён туда, и стал
Я ждать минуты подходящей,
В горах скрываясь. И она
Теперь настала... Победим
С твоей мы помощью. О, верь, моя Марьяна,
Марьяна, жизнь моя: стучится в наши двери
Кровавая, но милая Свобода!

М а р ь я н а (*вся просияв*).

Моя победа в том, чтобы всегда
Ты был со мной, смотреть в твои глаза
В тот миг, когда ты на меня не смотришь.
Когда ты рядом, я позабываю
Всё, что я чувствую, люблю весь мир,
И короля, и самого Педросу,
И злых, и добрых. Педро, если любишь,
То время словно над тобой не властно,
Нет дня и ночи, только я и ты!

Д о н П е д р о (*целует её*).

Марьяна, словно два потока белых,
Безмолвных и стыдливых, эти руки
Мне обвивают утомлённый стан.

М а р ь я н а (*обхватив руками его голову*).

Мне страшно потерять тебя! Невестой
Безумного я стала моряка:

Всё плаваешь на корабле ты ветхом,
А я вослед блуждаю в тёмном море,
Без дна, без волн высоких, ожидая,
Что принесут утопленника мне.

Д о н П е д р о .

Не время думать о химерах; время
Открыть нам сердце близким и прекрасным
Грядущим дням Испании, покрытой
Колосьями и тучными стадами,
Где человеку сладок будет хлеб
В потоке нашей вечности широком,
В безмолвьи страстном наших горизонтов.
Пришла пора: Испания хоронит
И попирает древнее своё
Израненное сердце. Полуостров
Бродячий! Мы спасти тебя должны,
Спасти скорей — руками и зубами!

М а р ь я н а (со страстной верой).

И первая об этом я молю.
Хочу открыть я свой балкон навстречу
Лучам горячим солнца, чтоб цвели
Здесь на полу цветами золотыми,
Хочу любить тебя и твёрдо верить
В твою любовь и так, чтобы никто
Нас не выслеживал, как здесь, вот в эту
Минуту роковую. (*Горючо.*)
Я готова,
На всё готова! (*Встаёт.*)

Д о н П е д р о (*тоже встаёт, восторженно*).

И такой тебя
Рад видеть я, прелестная Марьяна!
Друзья придут к нам: веру ты вдохни
В лицо своё и в пламенные очи.

(*Нежно.*)

На шее, озарённой лунным светом...

За сценой шум дождя и вой ветра.

К л а в е л а (*входит*).

Сеньора... Мне слышалось, стучат.

Дон Педро и Марьяна принимают бесстрастную позу.

К л а в е л а (*дону Педро*).

Дон Педро...

Д о н П е д р о .

Бог храни тебя.

М а р ь я н а .

Ты знаешь,

Кто к нам придёт?

К л а в е л а .

О да, сеньора, знаю!

М а р ь я н а .

Пароль ты помнишь?

К л а в е л а .

Помню, не забыла.

М а р ь я н а .

Не отворяй, пока не поглядишь

В дверную щель.

К л а в е л а .

Я так и поступлю,

Сеньора.

М а р ь я н а .

Свет не зажигай пока,

Но в патьо приготовь ночник

И в сад окно закрой.

К л а в е л а (уходя).

Сейчас.

М а р ь я н а.

А сколько их придёт?

Д о н П е д р о.

Не много,

Лишь главари.

М а р ь я н а.

С вестями?

Д о н П е д р о.

Мы должны

Их получить с минуты на минуту.

И если, наконец, восстать

Нам разрешат, тогда сейчас же

Мы обо всём условимся.

М а р ь я н а.

Молчи!

*(Жестом предлагает дону Педро замолчать;
прислушивается.)*

За сценой шум дождя и ветра.

Д о н П е д р о.

Вот и они! Точны, как подобает

Всем верным патриотам. Вот увидишь:

Решительные люди!

М а р ь я н а.

Помоги

Нам всем, господь!

Д о н П е д р о.

Поможет!

Он правит миром.

Марьяна подходит к двери и приподнимает большой занавес в глубине сцены.

Просим вас, сеньоры!

Входят три кавальеро в широких серых плащах. Марьяна и дон Педро приветливо их встречают. Кавальеро подают руку Марьяне и дону Педро.

М а р ь я н а (*протягивает руку первому заговорщику*).

Рука у вас холодная!

1-й заговорщик (*у него открытый взгляд*).

Да, холод

Такой, что режет. Я забыл перчатки.

У вас здесь хорошо, тепло!

М а р ь я н а.

А дождь,

Как из ведра.

3-й заговорщик.

Наверно, Сакатин

Совсем непроходим.

Заговорщики снимают плащи и стряхивают с них капли дождя.

2-й заговорщик (*меланхолично*).

Роняет дождь

Хрустальной ивой на дома Гранады

Свои прозрачные живые ветви.

3-й заговорщик.

И Дарро катит мутную волну.

М а р ь я н а.

Вас видели?

2-й заговорщик.

О нет, сюда пришли мы
Поодиночке! Мы сошлись в начале
Безмолвной этой улицы.

1-й заговорщик.

Ну как:

Известья есть, чтоб нам принять решенье?

Д о н П е д р о.

Даст бог, придут они сегодня ночью.

М а р ь я н а.

Потише говорите.

1-й заговорщик.

Почему,

Донья Марьяна? Всё кругом спокойно
Спит в этот час.

Д о н П е д р о.

Мне кажется, что здесь
Мы в безопасности.

3-й заговорщик.

Не говори:

Педросу всё не прекращает слезку
За мной; хоть я провёл его искусно,
Он всё же на-чеку и, видно, что-то
Подозревает.

Один заговорщик садится, другие продолжают стоять,
образуя красивый эстамп.

М а р ь я н а.

Здесь он был вчера.

Кавальеро жестом выражают недоумение.

В приёме я ему не отказала,
И он повёл учтивый разговор:
Хвалил наш город, дружбу предлагал мне,
Но на меня смотрел таким он взглядом...
Таким пронзительным... как будто всё
Ему давно уже известно стало.

(Значительно.)

И так весь вечер вёл борьбу глухую
С моими он глазами. О, я знаю,
Что он на всё способен... да, на всё.

Д о н П е д р о .

Не может быть, чтоб он подозревал...

М а р ь я н а .

Я неспокойна. Говорю всё это
Я для того, чтобы с большой опаской
Вы здесь вели себя, друзья мои.
Когда я ночью закрываю окна,
Мне кажется, что он стоит и смотрит.

Д о н П е д р о *(смотрит на часы)*.

Двенадцатый в начале. Эмиссар
Теперь, наверное, уж близко.

3-й заговорщик *(тоже смотрит на часы)*.

Да,

Недолго ждать осталось.

2-й заговорщик.

Дай-то бог!

За целый век мне кажется мгновенье.

Входит К л а в е л а с подносом, на котором стоят высокие бокалы из гранёного хрусталя и графин с красным вином. Всё это она ставит на столик. Марьяна о чём-то говорит с нею.

Д о н П е д р о .

Друзей, конечно, всех предупредили?

1-й заговорщик.

Ну да, конечно. Соберутся все.
И всё зависит от того, что скажут
Нам нынче.

Дон Педро.

Положеньё создалось
Серьёзное, но всё ж его прекрасно
Использовать мы можем...

Клавела уходит; Марьяна задёргивает занавес.

Надо всё

Нам до мельчайших изучить деталей.
Народ откликнется, не сомневаюсь:
В Андалусии даже самый ветер
Сейчас свободой дышит; это слово
Благоухает в сердце городов,
От старых жёлтых башен до стволов
Масличных роц... А в Малаге весь берег
Людьми усеян, что решили твёрдо
Поднять восстанье: рыбаки из Пало,
Матросы и дворянство родовое.
Примкнут такие города, как Нерха
И Велес, где, дрожа от нетерпенья,
Все ждут вестей. Примкнёт к нам люд скалистых
Утёсов и морей открытых,—вольный,
Как ветер. Альхесирас ждёт давно
Лишь случая, в Гранаде много знатных
Дворян, как мы, готовых жизнь отдать
За счастье родины и за свободу.
Ах, я горю от нетерпенья!

3-й заговорщик.

Так же

Горят все истинные либералы.

Марьяна (робко).

И к вам примкнут другие?

Д о н П е д р о (*убеждённо*).

Целый мир!

М а р ь я н а.

А страх не помешает им?

Д о н П е д р о (*сухо*).

О нет!

М а р ь я н а.

На Аламеде дель Салон
Сейчас не встретишь никого,
Кафе Звезды давно пустоет...

Д о н П е д р о (*восторженно*).

Марьяна! Знамени, тому,
Что ты нам вышила, король
Фернандо сам — почёт окажет,
Как ни беснуйся Каламарде.

3-й заговорщик.

Исчерпав средства все, конечно, сдастся
Войскам он либералов. Хоть и любит
Он притворяться, будто слаб и хил,
А все дела решает сам...

2-й заговорщик.

Куда же

Пропал гонец?

Д о н П е д р о (*с тревогой*).

И я не понимаю.

3-й заговорщик.

Скажи, его, быть может, задержали?

1-й заговорщик.

Нет, мало верить. Дождь и тьма

Ему защитой служат, да к тому же
Он малый ловкий.

М а р ь я н а.

К счастью, вот и он!

Д о н П е д р о.

И наконец мы что-нибудь узнаем.

Все встают и направляются к двери.

3-й з а г о в о р щ и к.

Добро пожаловать, коли приносишь
Ты вести добрые.

М а р ь я н а (*страстно — дону Педро*).

О, хоть немного

Подумай, Педро, обо мне! Ты видишь,
Я говорить не в силах от волнения.

В дверях появляется 4-й з а г о в о р щ и к. Это рослый мужчина, повидимому, из богатых крестьян. На нём остроконечная шапка с бархатными полями и шёлковыми кистями, куртка с вышивками и аппликациями из разноцветного сукна на локтях, рукавах и воротнике, брюки для верховой езды с филигранными пуговицами и кожаные гетры, открытые с боков так, что видны голые ноги. На лице отпечаток молодой тихой грусти. Все действующие лица толпятся около входной двери. Марьяна не может скрыть своей тревоги. Она смотрит то на вновь прибывшего, то на дону Педро встревоженно и пытливо.

4-й з а г о в о р щ и к.

Привет вам, кавальеро. Вам привет,
Донья Марьяна!

Д о н П е д р о (*нетерпеливо*).

Что с тобой случилось?

1-й з а г о в о р щ и к (*гневно*).

Я угада л почти.

М а р ь я н а (*Педро*).

Ты опечален?

Д о н П е д р о .

А где ж отряд из Кадикса?

4-й заговорщик.

Не ждите.

Нам нужно на-чеку быть: власти
Повсюду ищут нас, придётся
Теперь нам отложить восстанье
Или в бою кровавом пасть.

Д о н П е д р о (*в отчаянии*).

Не знаю, что и думать; рана
Открылась у меня в груди,
И ждать не в силах я, сеньоры.

3-й заговорщик (*твёрдо*).

Дон Педро, победим мы выжидая.

Д о н П е д р о (*также твёрдо*).

Мне это стоит тяжкого страданья.

М а р ь я н а (*испуганно*).

Прошу вас, тише! (*Ходит по комнате.*)

4-й заговорщик.

Вся теперь Испанья
Молчит, и что ж? Взгляни: она жива.
Храни, как прежде, наше знамя.

М а р ь я н а .

Я

Решилась отослать его к старинной
Подруге, что живет в Альбасаине,
И вот; дрожу: пожалуй, здесь оно
Сохранней было б.

Д о н П е д р о .
В Малаге что слышно?

4-й заговорщик.

Ах, в Малаге — там просто ужас!
Позор Гонсалесу Морено!

Не описать всего, что там случилось...

Мучительное ожидание. Марьяна, сев на софу рядом с дон-
ом Педро, с напряжённым вниманием слушает рассказ
4-го заговорщика.

4-й заговорщик.

Горрихос — храбрый генерал
С челом возвышенным и чистым,
Где мог, как в зеркале, себя
Узреть народ Андалусии,
Отважнейший, честнейший рыцарь,
С душой из серебра — убит
В полночный час на берегу
Близ Малаги глухой и дикой.
Его обманом завлекли:
Он, на беду свою, явился
Туда, поверив обещаньям,
И корабли привёл свои.
О, горе доблестным сердцам,
Готовым верить злобе низкой!
Едва на берег он ступил,
Его схватили роялисты.
Виконт презренный де ла Барт,
Ты был над ними командиром,
Зачем ты не отрезал руку
Себе, зачем так вероломно
Ты у героя отнял шпагу?
(Такой не сыщешь в целом мире:
Из хрусталя её эфес,
Две ленты вокруг него обвиты.)
В тот миг на небе встали тучи

И шумным пролились дождём.
На море ветер поднял бурю,
И в даль уплыли корабли,
Спеша волну веслом разрезать
И паруса поднять свои.
Как глухо залпы прозвучали
Средь воя волн, седых, сердитых!
И мёртвым на землю он пал...
О, храбрый рыцарь! Вместе с ним
Вся полегла его дружина!
На кораблях в тот час рыдали,
На вантах стоя, моряки,
И много женщин в траур черный
Красу печально облекли
И в горы рощею лимонной,
Рыдая, горе понесли.

Д о н П е д р о (*выслушав рассказ, встаёт*).

Опасность эта силу придаёт мне.
Сеньоры, будем продолжать борьбу!
Торрихос мёртв, но смерть его
Зовёт меня к борьбе...

1-й заговорщик.

И мне

Так кажется.

4-й заговорщик.

Но только надо
Немного выждать. Знаю я,
Придёт другое время...

2-й заговорщик (*с тихой грустью*).

Ах,

Как далеко оно!

Д о н П е д р о.

Уверен

В одном я: не иссякнут силы
Во мне...

М а р ь я н а (*тихо дону Педро*).

Клянусь тебе я, Педро,
Пока жива я...

1-й заговорщик.

А теперь идём?

3-й заговорщик.

Нам спорить больше не о чем. Ты прав.

4-й заговорщик.

Я только это должен был сказать вам,
И больше ничего.

1-й заговорщик.

Нельзя никак

Нам падать духом.

М а р ь я н а.

Может, вы хотите
Бокал вина?

4-й заговорщик.

Вот это очень кстати.

1-й заговорщик.

Охотно принимаем предложение.

Заговорщики встают и поднимают бокалы.

М а р ь я н а (*наливая вино*).

Ужасный дождь!

За окном слышен шум дождя.

1-й заговорщик.

Дон Педро так печален!

4-й заговорщик.

Как все мы здесь.

Д о н П е д р о .

Да, правда, и, признаться,
Есть от чего!

М а р ь я н а .

И всё же, несмотря
На тяжкие гоненья и на то,
Что есть причины для такой печали, —

(Поднимая бокал.)

«По лунной дороге — на вахту, матрос!» —
Такая существует поговорка
У моряков на Средиземном море, —
Теперь на вахту станем также мы.

(Как бы во сне.)

«По лунной дороге — на вахту, моряк!..»

Д о н П е д р о *(с бокалом в руке)*.

Дома пусть наши станут кораблями.

Пьют. Пауза. Раздаются негромкие удары дверного молотка. Все, с бокалами в руках, застывают на месте.

М а р ь я н а .

Окно захлопнул ветер.

Новый удар молотка.

Д о н П е д р о .

Нет, Марьяна,
Ты слышишь?

4-й заговорщик.

Что за поздний гость?

М а р ь я н а (в сильном волнении).
Создатель!

Д о н П е д р о (ласково, утешая её).
Не бойся. Вот увидишь — пустыки!

Встревоженные заговорщики стоят, закутавшись в плащи.

К л а в е л а (почти задохнувшись от быстрого бега).

Сеньора, у дверей Педроса, с ним
Ещё каких-то двое, все — в плащах...

М а р ь я н а (властно).

Спасайся, Педро... и вы все! О, дева
Пречистая! Скорей!

Д о н П е д р о (в смущении).
Идём?

Клавела убирает бокалы и гасит канделябры.

4-й заговорщик.

Нам стыдно

Её оставить!

М а р ь я н а (Педро).
Уходи.

Д о н П е д р о.
Но как...

М а р ь я н а (в отчаянии).
Да, как!

К л а в е л а.

Опять стучат.

М а р ь я н а (вдруг просияв).
Сюда! Сюда!

Через окно ты на площадку эту
Свободно прыгнешь. Рядом кровля:
По ней ты спустишься.

2-й заговорщик.

Нельзя

Её одну оставить нам.

Дон Педро (*решительно*).

Так надо!

Что скажем мы, когда нас здесь найдут?

Марьяна.

Да, да, ступай скорей, спасайся!

Дон Педро (*страстно*).

Прощай, Марьяна!

Марьяна.

Бог храни вас всех,

Друзья мои!

Заговорщики быстро уходят в дверь направо. Клавела
припала к щели в балконном жалюзи.

Марьяна (*в дверях*).

Ты, Педро, и вы все:

Смотрите, будьте осторожны!

*(Затворяет дверь, через которую прошли заговор-
щики, и задергивает занавес. С большим подъя-
мом.)*

Открой, Клавела! К конскому хвосту

Меня теперь на муку привязали!

*(Клавела уходит. Марьяна быстро направляется
к фортепьяно.)*

Создатель мой! Ты вспомни путь свой
крестный
И кровь, что капала из ран твоих!

(Садится за фортепьяно и запекает романс о контрабандисте: оригинальная музыка Мануэля Гарсия, 1808 г.)

Я весёлый контрабандист,
Избалованный вечной удачей.
Вызываю на бой я весь мир,
И никто мне не страшен на свете.
Притомился ретивый мой конь,
Но вдали я слышу погоню, —
Уноси ж меня, верный мой друг,
Облекаться мне в саван не время.
А погоня всё ближе, и вот —
Завязалась в ночи перестрелка.
Что с тобою, любимый мой конь,
Конь мой быстрый, лихой и верный?

(Марьяна поёт этот романс с подлинным трагизмом, прислушиваясь к шагам Педрасы на лестнице.)

Занавес в глубине сцены поднимается, входит насмерть перепуганная К л а в е л а. В одной руке у неё канделябр, другая рука прижата к сердцу. За ней идёт закутаный в чёрный плащ Педраса. Он сухощав, поражает своей бледностью и невозмутимым спокойствием. Он произносит свои реплики с хорошо затаённой иронией и зорко оглядывается по сторонам, сохраняя, однако, внешнюю корректность. Производит явно неприятное впечатление. Актёр, исполняющий эту роль, должен, однако, всячески избегать шаржа. При появлении Педрасы Марьяна встаёт из-за фортепьяно. Пауза.

М а р ь я н а.

Войдите!

П е д р о с а *(приближаясь к ней)*.

Я прошу мою сеньору

Не прерывать из-за меня весёлой
Той песенки, что слышал я, входя.

М а р ь я н а (*силясь улыбнуться*).

Мне показалась ночь такой печальной...
Я стала петь...

П е д р о с а.

А я заметил свет
В окне балконном и решил зайти.
Простите, если вам я помешал...

М а р ь я н а.

Сеньор, напротив, я вам очень рада!

П е д р о с а.

Ужасный дождь!

Пауза. Вообще эта сцена должна прерываться паузами и внезапным длительным молчанием, когда действующие лица вступают между собой в отчаянную борьбу. В ней много тонких переходов: актёры, исполняя её, должны всячески избегать утрировки, способной повредить искренности переживаний. Надо сделать так, чтобы зрители особенно живо воспринимали подтекст. Удачно воспроизведённый и не слишком шумный дождь время от времени должен заполнять драматические паузы.

М а р ь я н а (*значительно*).

Наверно, очень поздно?

Пауза.

П е д р о с а (*пристально смотрит на нее; также значительно*).

Да, очень поздно. Только что часы
Одиннадцать пробили.

Марьяна *(спокойно, жестом предлагая Педросе сесть)*.

Не слыхала.

Педроса *(сидясь)*.

Их бой донёлся до меня, когда
Я улицы ночные обходил.
Промок я до костей; бороться трудно
С холодным ветром, веющим с Альгамбры.

Марьяна *(вполне овладев собой, значительно)*.

Да, ветер ледяной вонзает иглы
Нам в лёгкие, а иногда и в сердце.

Педроса *(парирует удар)*.

Вот именно. Я должен был исполнить
Обязанность тяжёлую свою...

А вы меж тем, прелестная Марьяна,
Вы у себя, укрытая от ветра,
Плетёте кружево... иль вышиваньем
Вы заняты?... *(Как бы припоминая.)*

Мне говорили, вы...

Прекрасно вышиваете.

Марьяна *(испугана, но всё же сохраняет спокойствие)*.

А разве

Большой в том грех?

Педроса *(делает отрицательный жест рукой)*.

О нет! Король, сеньор наш —
Храни господь его! — так развлекался
В те дни, когда в плену жил, в Валансэ.
Занятье превосходное.

Марьяна *(в сторону)*.

Создатель!

П е д р о с а.

Вас удивляет мой визит?

М а р ь я н а (*силясь улыбнуться*).

О нет!

П е д р о с а (*сурово*).

Марьяна!

Пауза.

Женщине такой прекрасной,
Как вы, ужель не страшно жить одной?

М а р ь я н а.

Не страшно, нет!

П е д р о с а (*значительно*).

Так много либералов
И анархистов здесь у вас в Гранаде,
Что людям честным трудно стало жить.
Уж вы-то знаете!

М а р ь я н а (*с достоинством*).

Сеньор Педроса,
ать семейства — больше ничего.

П е д р о с а (*улыбаясь*).

А я — судья. Вот почему тревожит
Меня всё это. И меня, Марьяна,
Должны простить вы. Месяца уж три
Как голову я потерял совсем:
Всё не могу поймать я вожака
Одной из групп...

Пауза. Марьяна играет своим кольцом, едва сдерживая тревогу и негодование.

П е д р о с а (*как бы припоминая*).

Его зовут дон Педро...

Сотемайор.

М а р ь я н а.

Уехал, вероятно,
Давно он из Испании.

П е д р о с а.

О нет!

Но я схватить его надеюсь скоро.

При этих словах Марьяна едва не лишается чувств. Она роняет кольцо: точнее, она сама его бросает, чтобы дать другое направление разговору.

М а р ь я н а (*приподнимаясь*).

Моё кольцо!

П е д р о с а.

Упало? (*Значительно*).

Осторожней!

М а р ь я н а (*нервно*).

Да, обручальное моё кольцо.
Не двигайтесь, не то его ногою
Раздавите. (*Ищет*.)

П е д р о с а.

Вот это хорошо.

М а р ь я н а.

Незримая рука его как будто
Сняла и на пол бросила.

П е д р о с а (*холодно*).

Глядите.

(*Указывает на то место, где лежит кольцо.*
Оба подходят к авансцене.)

Вот где оно!

Марьяна наклоняется за кольцом раньше, чем Педроса; последний становится рядом с ней и, когда она выпрямляется, вдруг сжимает её в своих объятиях и целует.

М а р ь я н а (*вскрикивает и вырывается*).

Педроса!

(*Пауза. Марьяна плачет гневными слезами.*)

Педроса.

Успокойтесь,

Моя сеньора Мариана!

М а р ь я н а (*продолжая отчаянную борьбу, хватает Педросу за край одежды*).

Что

Подумали вы обо мне, скажите?

Педроса (*невозмутимо*).

Я? Многое.

М а р ь я н а.

Разубедить мне вас

Легко. Зачем вы шли сюда, скажите?

О знайте, никого я не боюсь,

И, как вода, чиста я от рожденья.

Могу я загрязниться, если только

Ко мне вы прикоснётесь. Защититься

Сумею я. Ступайте прочь отсюда!

Педроса (*властно и гневно*).

Молчите. (*Пауза. Холодно.*)

Я хочу быть вашим другом,

За посещение это вы должны

Меня благодарить.

М а р ь я н а (*вне себя от негодования*).

Могу ли я

Позволить, чтоб меня вы оскорбляли,

Чтоб в дом ко мне врывались поздно ночью?

И для чего ж? Вы негодяй!.. Не знаю...

(*Другим тоном.*)

Меня хотите погубить вы?

П е д р о с а (мягче).

Нет.

Узнайте всё. Я жизнь пришёл спасти вам.

М а р ь я н а (резко).

Я не нуждаюсь в вас.

Пауза.

П е д р о с а (подходит к ней; властно, с злой усмешкой).

Марьяна, слушай,

А знамя?

М а р ь я н а (смущённо).

Знамя...

П е д р о с а.

То, что ты сама

Рукою белою своею вышивала,

(Берёт её за руки.)

Нарушив верность королю, законам...

М а р ь я н а.

Какой наглец налгал вам так?

П е д р о с а (с деланным равнодушием).

Прекрасно

Так вышито! Вдоль по тафте лиловой

Из букв зелёных надпись. Мы нашли

Его в одном доме в Альбасаине.

Оно теперь в моих руках, а с ним

И жизнь твоя. Но не страшись и знай:

Тебе я друг.

М а р ь я н а (*потрясена. Она близка к обмороку*).

О, это ложь! Налгали,
Налгали вам.

П е д р о с а (*глухим голосом, с нарастающей страстностью*).

Хочу, чтоб ты мою
Была... Моей! Ты слышишь?.. Или мёртвой.
Меня всегда ты отвергала. Вспомни.
Теперь могу твою сдавить я шею
Рукою сильной — хрупкой туберозе
Она подобна... но я знаю, ты
Меня полюбишь — жизнь тебе дарю я.

М а р ь я н а (*с нежной мольбой, в порыве отчаяния обнимая Педросу*).

О, сжальтесь надо мной! Когда б вы знали...
И дайте мне бежать... Я сохраню
В глазах моих о вас живую память...
Иль вам детей моих не жаль?

П е д р о с а (*страстно обнимает её*).

Ты знамя

Не вышивала, милая Марьяна,
И ты свободна, да, я так хочу.

Марьяна, видя, что Педросу собирается её поцеловать, с силой отталкивает его.

М а р ь я н а.

Нет. Никогда! По каплям кровь возьмите,
Пусть лучше боль, но я останусь честной.
Подите прочь!

П е д р о с а (*стараясь убедить её*).

Марьяна!

М а р ь я н а.

Прочь отсюда!

П е д р о с а (*холодно и сдержанно*).

Ну, хорошо! Так делу дам я ход.
Себя вы сами губите.

М а р ь я н а.

Что нужды!

Своими вышивала я руками
То знамя, — вот, Педросу, эти руки.
Я знаю много смелых кавальеро,
Его поднять сбиравшихся в Гранаде,
Но я не выдам имена их.

П е д р о с а.

Силой

Заставят вас. О, причиняют боль
Недаром цепи тяжкие! К тому же,
Вы — женщина, а женщины всегда
Себе верны. Когда сочтёте нужным,
Меня вы известите.

М а р ь я н а - (*решительно*).

Подлый трус!

Хотя бы в сердце мне стекло вонзили,
Ни слова не скажу.

Вот мой ответ,

Педросу.

П е д р о с а.

Это мы ещё посмотрим!

М а р ь я н а.

Клавела, канделябр!

Входит перепуганная К л а в е л а, скрестив на груди
руки.

П е д р о с а .

Сеньора, я
Вас арестую именем закона.

М а р ь я н а .

Да, именем законá, но какого?

П е д р о с а (*холодно и церемонно*).
Покойной ночи. (*Уходит.*)

К л а в е л а (*в отчаянии*).

Ах, сеньора! Детка,
Цветочек мой, сокровище моё!

М а р ь я н а (*полна тоски и ужаса*).
Я, Исавель, должна уйти сейчас же.
Подай мне шаль.

К л а в е л а .

Скорей бежать вам надо.

(*Выглядывает в окно. Шум дождя.*)

М а р ь я н а .

Мне дон Луис поможет. Береги
Моих детей...

К л а в е л а .

Они стоят у двери,
Через неё — нельзя вам.

М а р ь я н а .

Да, всё ясно.

(*Указывая туда, где прошли заговорщики.*)
Сюда, скорей сюда!

К л а в е л а .

Нельзя!

Марьяна делает несколько шагов по комнате; в дверях появляется донья Ангустьяс.

Д о н ь я   А н г у с т ь я с .

Марьяна!

Куда ты? Девочка твоя рыдает!

Она боится ветра и дождя.

М а р ь я н а .

Мне не уйти, мне не уйти, Клавелела!

Д о н ь я   А н г у с т ь я с (обнимает её).

Ах, Марьянита!

М а р ь я н а (бросаясь на софу).

Вот когда, глядите,

Ко мне моя подходит смерть. Глядите

Обе женщины обнимают её.

И плачьте. Плачьте — умираю я.

Занавес быстро опускается

ТРЕТИЙ ЭСТАМП

Монастырь святой Марии Египетской в Гранаде. Следы арабского Востока. Арки, кипарисы, водоёмы, мирты. Скамьи и старинные кожаные кресла. При поднятии занавеса сцена пуста. Вдалеке слышны звуки органа и голоса монахинь. На цыпочках выбегают, оглядываясь, две послушницы. Они с величайшей осторожностью приближаются к левой двери и смотрят в замочную скважину.

1-я   п о с л у ш н и ц а .

Ну, что она?

2-я послушница (*заглядывая в замочную скважину*).

Потише говори.

Всё молится.

1-я послушница.

Оставь её молиться.

(*Заглядывая в замочную скважину.*)

О, как бела она, о, как бела!

Её сияет голова

В печальном сумраке покоя.

2-я послушница.

Её сияет голова...

Я ничего не понимаю.

Я вижу, добрая она,

А между тем её хотят казнить.

А ты что скажешь?

1-я послушница.

Заглянуть ей в сердце

Хотела б я надолго, близко, близко

Стать от него.

2-я послушница.

И храбрая какая!

Когда вчера они пришли прочесть

Ей смертный приговор, она не скрыла

Своей улыбки...

1-я послушница.

Позже, в церкви,

Её я видела в слезах.

Она рыдала так, как будто сердце

Всё поместилось в горле у неё.

Не знаешь ты, что сделала она?

2-я послушница.

Да знамя вышила.

1-я послушница.

А разве вышивать

Такой уж грех?

2-я послушница.

И, говорят, она —

Масонка...

1-я послушница.

Это что за люди?

2-я послушница.

Вот, видишь ли... да я сама не знаю.

1-я послушница.

Ну, так за что её схватили?

2-я послушница.

Будто

Она не любит короля...

1-я послушница.

Подумаешь, беда какая!

Ведь не она одна.

2-я послушница.

И королеву

Она не любит.

1-я послушница.

Да и я обонх

Их не люблю... Ах, бедная Марьяна
Пинеда, уж раскрылись те цветы,

Что с мёртвою тобой сойдут в могилу!

Входит мать Кáрмен де Борха.

М а т ь К á р м е н .

Как, что я вижу, девочки? Куда
Вы смотрите?

1-я послушница (*испуганно*).

Сестра...

М а т ь К á р м е н .

И вам не стыдно!

Немедля прочь! В трапезную ступайте.
Создатель мой! Кто мог вас научить
За ней подглядывать? Ещё я с вами
Поговорю.

1-я послушница.

Прости, сестра.

2-я послушница.

Прости.

Уходят. Мать Кáрмен, убедившись, что послушницы ушли, осторожно подходит к двери и тоже припадает к за-
мочной скважине.

М а т ь К á р м е н .

Она невинна, в этом нет сомненья.
И всё ж она молчит, с таким упорством!
Но отчего? Никак я не пойму.

(*Испуганно.*)

Вот и она!

(*Поспешно удаляется.*)

Входит М а р ь я н а . На ней белое платье. Сама она
очень бледна.

М а р ь я н а .

Сестра!

М а т ь - К а р м е н (оборачивается к ней).

Что вам угодно?

М а р ь я н а .

Так, ничего.

М а т ь К а р м е н .

Скажите мне, сеньора.

М а р ь я н а .

Я думала...

М а т ь К а р м е н .

О чём?

М а р ь я н а .

Когда б могла

Остаться здесь, у вас, я навсегда,

В обители...

М а т ь К а р м е н .

А мы как были б рады!

М а р ь я н а .

Но не могу.

М а т ь К а р м е н .

А почему?

М а р ь я н а (улыбаясь).

Да я

Уже мертва.

М а т ь К а р м е н .

Донья Марьяна, что вы!

Избави бог!

М а р ь я н а.

А между тем, как прежде,
С улыбкой мир идёт навстречу мне:
Вот эти камни, и вода, и ветер.
Я понимаю — я была слепа.

М а т ь К а р м е н.

Но вас помилуют...

М а р ь я н а (*спокойно*).

Что ж, подождём.
Каким-то волшебством ложится
На душу мне безмолвье — шире, шире,
Благоуханной кровлею фиалок.

(*Страстно.*)

А иногда мне кажется, что кудри
Раскинуло безмолвье надо мной.
Как сладко было грезить мне!

М а т ь К а р м е н (*берёт её за руку*).

Марьяна!

М а р ь я н а.

Какой я вам кажусь?

М а т ь К а р м е н.

Вы? Очень доброй.

М а р ь я н а.

Здесь грешница великая пред вами.
Но я любила — бог меня простит,
Как он простил Марию Магдалину.

М а т ь К а р м е н.

Вне мира ты теперь и всё же — в нём.
Прости ему.

М а р ь я н а.

Ах, если бы вы знали!

Сестра моя, изранена я вся
Земными ранами.

М а т ь К а р м е н.

И наш спаситель

Весь полон ран любви неизреченной:
Они не заживают никогда.

М а р ь я н а.

Лишь тот родится, кто умрёт страдая.
Теперь я знаю: я была слепа.

М а т ь К а р м е н (*огорчена тем состоянием, в
котором она застала Марьяну*).

Так до свиданья! Вы придёте нынче
К вечерне?

М а р ь я н а.

Как всегда, сестра. Прощайте.

Мать Кармен уходит.

Марьяна быстрыми шагами направляется в глубь сцены, не забывая, однако, принять все необходимые меры предосторожности. Входит А л е г р и т о, монастырский садовник. Он всё время улыбается кроткой и не лишённой приятности улыбкой. Одет в костюм привратника той эпохи.

М а р ь я н а.

Что, Алегрито?

А л е г р и т о.

Терпеливо

Вы мой прослушайте рассказ.

М а р ь я н а.

Скорей, пока никто не видит,
Скорей ответь, ты был у дона
Луиса? Что тебе сказали?

А л е г р и т о .

Они велели передать вам,
Что невозможно им никак
Спасти вас: всякая попытка
Грозит им гибелью, и ждёт
Их смерть, но что они для вас
Готовы сделать всё, что смогут.

М а р ь я н а (уверенно).

Конечно, сделают. Я знаю:
Они отважные дворяне.
И я дворянка, Алегрито.
Взгляни! Ты видишь? Я спокойна.

А л е г р и т о .

Повсюду страх такой царит,
Что сердцу делается таякко.
Пустынны улицы. Лишь ветер
Один и входит и выходит,
А люди заперлись в домах.
Я только девочку у старых
Ворот Алькайсерии встретил,
И больше никого, она
О чём-то плакала...

М а р ь я н а .

Да разве
Они позволят умереть
Той, чья вина всех меньше!

А л е г р и т о .

Право,
Что думают они, не знаю.

М а р ь я н а .

И это всё?

А л е г р и т о (в смущении).

Ах нет, сеньора!

М а р ь я н а .

Что ж, продолжай!

А л е г р и т о .

Я не хотел бы

Вас огорчать... но кавальеро
Дон Педро де Сотомайор,
Коль верить им, теперь далёко:
На-днях он в Англию отплыл.

М а р ь я н а (*улыбается недоверчивой и вместе с тем скорбной улыбкой, так как в глубине души сознаёт, что это правда*).

Тот, кто сказал тебе об этом,
Хотел, конечно, увеличить
Мои страданья, Алегрито.
Ведь, правда, ты ему не веришь?

(*Мечется в тоске.*)

А л е г р и т о (*смущённо*).

Как вы прикажете, сеньора.

М а р ь я н а .

Дон Педро на коне своём
Сюда примчится, как безумный,
Узнав, что я томлюсь в тюрьме
За то, что знамя вышивала
Я для него — его же знамя.
А захотят меня убить —
Примчится он, чтоб умереть
Со мною рядом: обещал он
Мне это сделать как-то ночью,
Целуя голову мою...

Примчится, как святой Георгий,
В алмазах весь и в чёрных брызгах,
Цветком червлёного плаща
Весенний ветер ослепляя.
Как скромн он, как благороден!
И, чтоб никто не мог увидеть,
Сюда придёт он на рассвете,
Омытом свежую росою,
Когда ещё так тёмн воздух
И еле видно в нём сиянье
Лимонной рощи, и заря
На небе создаёт фрегаты
Из тени и живого шёлка.
Что можешь знать ты? Погляди,
Я не боюсь. Ах, как я рада!

А л е г р и т о.

Сеньора...

М а р ь я н а.

Кто тебе сказал
Об этом?

А л е г р и т о.

Дон Луис.

М а р ь я н а.

Он знает

Мой приговор?

А л е г р и т о.

Он с недоверьем
К нему относится.

М а р ь я н а.

Увы!

Нет большей правды.

А л е г р и т о .

Тяжело мне
Вам приносить дурные вести.

М а р ь я н а .

Ты к ним вернёшься?

А л е г р и т о .

Как угодно
Вам будет.

М а р ь я н а .

И, вернувшись, скажешь,
Что я ответом их довольна;
Я знаю, все они придут
Меня спасти, а их не мало.
Бог наградит тебя.

А л е г р и т о .

Прощайте. (*Уходит.*)

М а р ь я н а .

И вот осталась я одна.
А между тем сейчас в саду,
В цветущем сумраке акаций,
Уж смерть меня подстерегает.

(*Громко — в сторону сада.*)

Но жизнь моя — ещё во мне,
И кровь моя ещё трепещет,
Подобно нежному кораллу
Под тёплой ласкою прилива.
Я знаю: из камней твой конь
Четыре высекает светлых
Луны и пламенем своим
Тревожит ветерок зелёной

Весны... Лети скорей, спеши,
Спаси меня, я чую близко
Над головой своею ласку
И пальцев костяных и моха.

(Всё так же в сторону сада, словно говоря с кем-то.)

Не можешь ты войти! То Педро
Ей путь внезапно преградил.
Со скрипкой белою в руках
Она сидит у водоёма.

Марьяна садится на скамью и подпирает голову руками.
В саду слышны звуки гитары.

Г о л о с.

Ах, никто из друзей не видел,
Как у тихого водоёма
Умирала моя надежда.

Марьяна повторяет эту песню с нежной тоской.

М а р ь я н а.

Ах, никто из друзей не видел,
Как у тихого водоёма
Умирала моя надежда!

В глубине сцены появляются две монахини. За
ними идёт Педро са. Марьяна их не видит.

М а р ь я н а.

Мне песня эта говорит,
О чём забыть бы я хотела.
О, сердце без надежд! Теперь
Пускай земля тебя поглотит.

М а т ь К а р м е н.

Сеньора, к вам пришёл Педроса.

М а р ь я н а *(в страхе встаёт; как бы отну-*
вшись).

Кто здесь?

П е д р о с а.

Сеньора!

Марьяна поражена, из уст её вырывается восклицание:
Монахини идут к выходу.

М а р ь я н а (*монахиням*).

Нас одних

Вы оставляете?

М а т ь К а р м е н.

Есть дело

У нас...

Уходит. На сцене с этой минуты царит сильная тревога. Педроса, холодный и сдержанный, пристально смотрит на Марьяну. Она с мужественной печалью выдерживает его взгляд.

М а р ь я н а.

Мне сердце подсказало:

Идёт Педроса.

П е д р о с а.

Да, вы правы.

И, как всегда, от вас он ждёт

Простого знака. Уж пора.

Не так ли?

М а р ь я н а.

Да, всегда пора

Молчать и быть в душе весёлой.

Марьяна садится на скамью. С этой минуты и до конца действия она как бы находится в страстном бреду, с особой силой проявляющемся в финале.

П е д р о с а.

Вам приговор известен?

М а р ь я н а.

Да.

П е д р о с а.

И что ж?

М а р ь я н а (*светясь внутренним светом*).

Я думаю, что ложен
Ваш приговор. Для топора
Едва ль моя годится шея.
Взгляните, как она прекрасна!
Кто на неё поднимет руку?

П е д р о с а.

Марьяна...

М а р ь я н а (*твёрдо*).

Видно, позабыли вы,
Что если я умру, умрёт со мною
Гранада в с я, что знатные дворяне
Сюда придут меня спасти от смерти.
Я — благородной крови: мой отец
Был капитаном корабля, имел
Он орден Калатравы. Вы должны
Меня оставить, наконец, в покое!

П е д р о с а.

В Гранаде не найдётся никого,
Кто б выглянул в окно своё, когда
Вас поведут на казнь. Да, андалусцы
Все храбры на словах, а как до дела...

М а р ь я н а.

Меня покинут? Пусть! Зато один
Придёт, чтоб умереть со мной. И в этом —
Моя отрада... Знаю, знаю: он
Спасёт мне жизнь... притти он должен скоро.

П е д р о с а *(горячо)*.

Я не хочу, чтоб умерла ты. Нет!
Ты не умрёшь, о заговоре нам
Ты всё расскажешь. Я уверен в этом!

М а р ь я н а *(так же)*.

Я ничего вам не скажу. Напрасны
Усилья ваши. Ведь в печальном сердце
Нет больше места для смертельных ран:
Глухой останусь к этой речи льстивой.
Ваш взгляд меня страшил ещё недавно,
Теперь я смело вам гляжу в лицо.

(Подходит к Педросе.)

Глаза я ваши победить сумею.
Пускай следят они неумоимо
За сердцем, что навек сокрыло тайну,—
Я вам её, поверьте, не открою.
Я стала храброй, да, Педроса, храброй!

П е д р о с а.

Я вас хвалю.

Пауза.

А знаете ли вы,
Что подписью своею я могу
Навек стереть сиянье ваших глаз?
Концом пера, окунутым в чернила,
На вас нагнать могу я долгий сон.

М а р ь я н а *(с достоинством)*.

О, только бы скорей случилось это!

П е д р о с а *(холодно)*.

Сегодня вечером придут за вами.

М а р ь я н а *(вникнув в смысл слов Педросы,
с ужасом)*.

Ужели?..

П е д р о с а.

Да, имеется приказ:
Вас перед смертью отвести в часовню.

М а р ь я н а (*в сильном возбуждении*).

Не может быть! Вы лжёте! Чьею властью
В Испании творят такую низость?
Какое преступленье я свершила?
За что убьют меня? Какое право
Имеет суд? Да, в знамени Свободы
Я вышила великую любовь
Моей всей жизни. Долго ль мне ещё
Томиться в заключении? О, если б
На крыльях взвиться я могла хрустальных,
Чтоб отыскать далёкого — тебя!

Педроса с удовлетворением следил за этим внезапным порывом отчаяния. Постепенно смеркается.

П е д р о с а (*подходит к Марьяне*).

Скорее говорите. Вас король
Помилует, Марьяна. Назовите
Нам заговорщиков. Я точно знаю:
Вы в дружбе с ними. Каждая минута
Вас к смерти приближает, и едва
Померкнет день, как стража схватит вас
И отведёт в часовню. Кто они?
Их имена? Скорей! Что ж вы молчите?
Не подобает так шутить с законом...
И скоро будет поздно.

М а р ь я н а (*твёрдо*).

Не открою

Я ничего.

П е д р о с а (*берёт её за руки*).

Ну, кто они?

М а р ь я н а.

Теперь
Ты от меня ни слова не добьёшься.

(Презрительно.)

Пусти, Педроса, уходи... Мать Кàрмен!

П е д р о с а.

Ты хочешь умереть?

Входит сильно испуганная мать Кàрмен. Две
монахини скрываются в глубине сцены.

М а т ь К à р м е н.

Что здесь такое?

Вы звали, Марьянита?

М а р ь я н а.

Ничего.

М а т ь К à р м е н *(Педросе)*.

Не подобает вам...

П е д р о с а *(бросив холодный и властный
взгляд на монахиню, направляется к выходу)*.

Спокойной ночи.

(Марьяне.)

Я буду рад, когда сама сеньора
Надумает поговорить со мной.

М а т ь К à р м е н.

Ах, это ангел во плоти, сеньор мой!

П е д р о с а *(высокомерно)*.

Я вашим мнением не интересуюсь.

(Уходит вместе с матерью Кàрмен.)

Марьяна (*сидит на скамье. Свой монолог она произносит очень выразительно, с чисто андалусской нежностью*).

На память мне сейчас пришли стихи,
Что я читала средь олив Гранады:
«Фрегат, фрегат любимый,
О, где ж твоя отвага,
Где бег твой быстрый?
Смотри, коварный бригантин
Уж на тебя наводит пушки!»

(Задумчиво.)

Как охотно б я бродила
Между морем и звездами,
Опершись на бриз летучий,
Как на прочные перила!

(С тоскою в голосе.)

Педро, отыщи коня,
Иль день тебе конём пусть служит!
Скорей, скорей! Они придут,
Чтоб жизнь мою похитить!
Пришпорь коня, примчись, как вихрь!

(Плачет.)

Фрегат, фрегат любимый,
О, где ж твоя отвага,
Где бег твой быстрый?
Смотри, коварный бригантин
Уж на тебя наводит пушки!

Входят две монахини.

1-я монахиня.

Мужайся, бог тебе поможет!

М а т ь К а р м е н .
Приляг, голубка Марьянита.

Монахини уводят Марьяну.
Слышен перезвон монастырских колоколов. В глубине сцены появляются м о н а х и н и . Проходя мимо изваяния Мадонны всех скорбей, они крестятся. Среди монахинь — 1-я и 2-я послушницы. Кипарисы мало-помалу окрашиваются в золотистый цвет.

1-я п о с л у ш н и ц а .

Кричат! Ты слышишь?

2-я п о с л у ш н и ц а .

Да, в саду.

Иль этот крик вдали раздался?

Инес, мне страшно...

1-я п о с л у ш н и ц а .

Марьянита,

Ты — роза и жасмин Гранады!

2-я п о с л у ш н и ц а .

Ей не дожидаться жениха.

1-я п о с л у ш н и ц а .

С дороги сбился он, быть может.

2-я п о с л у ш н и ц а .

Когда б ты видела её!

Она от окон не отходит.

Всё говорит: не будь здесь Сьерры,

Его б я издали узнала.

1-я п о с л у ш н и ц а .

И твёрдо верит: он придёт.

2-я п о с л у ш н и ц а .

Напрасно ждёт его, бедняжка.

1-я послушница.

Но что за странный свет кругом?

2-я послушница.

А сколько птиц! А сколько птиц!
Взгляни. В саду пустой нет ветви,
И больше места нет на кровлях.
Вот так они, зарю встречая,
Поют, поют...

1-я послушница.

И будят тучи
И ветер, спящий крепким сном
В ветвях.

2-я послушница.

И пред зарёй, на месте
Тех звёзд, что умирают в небе,
Родятся крошечные флейты.

1-я послушница.

Когда в своей одежде белой
Она идёт по переходам,
Мне кажется, что это саван
Облёк её прекрасный стан.

2-я послушница.

Как мир несправедлив! Была
Она обманута, наверно.

1-я послушница.

Какая шея у неё!

2-я послушница (*неволью поднося руку
к шее*).

Да, но...

1-я послушница.

Когда она рыдала,
Казалось мне: вот-вот одежда
Спадёт с неё, как лепесток.

Подходят две монахини.

Монахиня.

Идём на спевку: разучить
Нам нужно «Сальве».

1-я послушница.

Как я рада!

2-я послушница.

А мне не хочется...

Монахиня.

Увидишь:

Красиво очень.

1-я послушница (*делает знак остальным
и все быстро направляются к выходу*).

Да, и трудно.

В левую дверь входит М а р ь я н а. При виде её все
стараются уйти незаметно.

М а р ь я н а (*с грустной улыбкой*).

Вы от меня бежите?

1-я послушница (*испуганно*).

Нет...

2-я послушница.

Как можно, что вы!.. Просто я...

Уж поздно...

М а р ь я н а (с доброй иронией).

Разве я такая

Плохая?

1-я послушница (в сильном смущении)

Нет, сеньора, нет!

Кто вам сказал!

М а р ь я н а.

Дитя моё,

Что можешь знать ты!

2-я послушница (указывая на первую).

Ничего.

1-я послушница.

Но вас мы любим все! (Нервно.) Вы сами
Прекрасно знаете.

М а р ь я н а (с горечью).

Спасибо.

Марьяна садится на скамью, скрестив руки и низко опустив голову.

1-я послушница.

Идём же, ну!..

2-я послушница.

О, Марьянита,

О, роза и жасмин Гранады!

Напрасно милого ты ждёшь,

Наверно, сбился он с дороги.

(Уходят.)

М а р ь я н а.

И всё ж я жду его...

М а т ь К а р м е н (*входит*).

Марьяна,

Здесь, с разрешения судьи,
Пришёл к вам кто-то на свиданье.

М а р ь я н а (*встаёт; лицо её сияет*).

Пусть он войдёт. О, наконец-то!

Монахиня уходит. Марьяна направляется к стоящему у стены трюмо и, попрежнему действуя словно во сне, изящным жестом поправляет волосы и вырез платья.

Скорее: я ждала не даром!
Переменить мне надо платье,
Я в этом так бледна...

Садится на скамью спиной к двери; вся её фигура выражает ожидание. Появляется м а т ь К а р м е н. Марьяна невольно оглядывается. Пауза. Входит Ф е р н а н д о.
Марьяна крайне поражена.

М а р ь я н а (*в отчаянии, не веря своим глазам*).
Не он!..

Ф е р н а н д о (*печально*).

Марьяна, ты не хочешь, чтоб с тобою
Я говорил? Скажи мне...

М а р ь я н а.

Педро, Педро!

Где Педро? Дайте, ради бога,
Ему войти сюда. Я знаю:
У двери он, внизу остался.
Он там, я знаю, пусть войдёт он.
Ты с ним пришёл сюда, не правда ль?
Ты очень добр. Ах, он с дороги
Устал, конечно, но сейчас придёт он?

Ф е р н а н д о.

Марьяна, я пришёл один. Что знать
Могу о доне Педро я?

М а р ь я н а.

Должны

Все знать о нём, и всё ж никто не знает.
Когда придёт он, чтоб спасти мне жизнь,
Иль, если смерть меня подстерегает,
Здесь умереть со мной? Фернандо,
Скажи, придёт он? Что ж молчишь ты?
Пора!

Ф е р н а н д о (*с решимостью отчаяния*).

Дон Педро не придёт!
Знай, Марьянита, никогда
Он не любил тебя. С другими
Он либералами теперь
Укрылся в Англии. Одну
Тебя на произвол судьбы
Твои оставили друзья,
И только сердце юное моё
В твоей беде тебя сопровождает.
Марьяна, видишь, как тебя люблю я?

М а р ь я н а (*в сильном волнении*).

Зачем ты мне сказал об этом? Знала
Я всё сама, но ни за что б на свете
Свою надежду я не оскорбила.
Теперь мне всё равно: моя надежда
Узнала всё и, Педро моему
Безмолвно в очи глядя, умерла.
Я знамя вышивала для него,
Я в заговор вступила, чтобы жить
Его мечтой, любить её. Я больше
Его любила, чем детей своих,
Чем самоё себя... Тебе ж Свобода
Милей, дороже бедной Марьяниты?
Что ж, хорошо. Отныне я — Свобода,
Которую ты так боготворишь!

Ф е р н а н д о.

Я знаю, ты умрёшь, Марьяна. Скоро
Сюда придут. Спаси себя, открой
Их имена. Тебя я заклинаю
Детьми твоими и собой. Я жизнь
Тебе свою, Марьяна, предлагаю.

М а р ь я н а.

Я не хочу, чтоб дети презирали
Меня потом. Светло их будет имя,
Как в этом небе полная луна.
На лицах их светиться будет отблеск
Моей судьбы, и не сотрут его
Ни годы, ни дыханье бурь холодных.
А если назову я имена —
Во всей Гранаде с ужасом, с презреньем
Моё произноситься будет имя.

Ф е р н а н д о (*горячо*).

Не может быть. Я не хочу, чтоб это
Случилось, не хочу... Должна ты жить.
Марьяна, верь в мою любовь... Марьяна...

М а р ь я н а (*словно в бреду*).

Любовь? Увы, я это слово
Вдруг перестала понимать.

Ф е р н а н д о (*подходит к ней вплотную*).

О, Марьянита, знай: на этом свете
Никто так не любил тебя!

М а р ь я н а (*растрогана*).

И я —

Должна бы я любить тебя всех больше,
Но сердце — враг. Зачем, скажи мне, сердце,
Ты нам свою навязываешь власть?

Ф е р н а н д о.

Увы, теперь оставлена ты всеми,
Открой же всё, люби меня, живи!

М а р ь я н а (*отступая*).

Мой мальчик, я уже мертва. Чуть слышно
Слова твои доходят до меня —
Сквозь шум реки огромной, что зовём
Мы этим миром. Я звезде подобна,
Встающей над глубокою водой.
Закатный ветерок, я затерялась
Средь тополей, в их шуме заунывном.

В глубине сцены, скрестив руки, проходит монахиня; с выражением крайней тревоги она смотрит на Фернандо и Марьяну.

Ф е р н а н д о.

Что делать, я не знаю! Ах, как больно!
Сейчас придут, чтоб взять тебя. О, если б
Мог умереть я, чтобы ты жила!

М а р ь я н а.

Да, умереть: забыться долгим сном,
Без смутных грёз, без тайных сновидений.
Я, Педро, умереть хочу за то,
Чему ты более не служишь:

За идеал, что прежде так светился
В твоих глазах. Свобода! Чтобы вечно
Не угасал твой гордый пламень,
Тебе я отдаю себя.

Да, всю себя. Смелее, сердце!
Теперь ты, Педро, можешь видеть,
Куда взяла я, повинуюсь
Твоей любви. Ты мёртвую меня

Полюбишь так, что жить не сможешь больше.

Входят две монахини, скрестив руки, с тем же выражением крайней тревоги; они не осмеливаются подойти к Марьяне.

Теперь тебя я не люблю:
Ты — тень безумья моего!

М а т ь К а р м е н (*входит*).

Марьяна...

(*К Фернандо.*)

Вас, кавальеро, попрошу уйти я.
Скорей!

Ф е р н а н д о (*в тоске*).

Остаться я хочу!

М а р ь я н а (*как бы обезумев*).

Ступай, иди! Кто ты такой?

Я никого теперь не знаю.

Я скоро буду сладко спать.

Быстро входит ещё одна монахиня. Она вне себя от страха и волнения. В глубине сцены, схватившись за голову, поспешно проходит третья монахиня.

Ф е р н а н д о (*потрясённый*).

Прощай, Марьяна!

М а р ь я н а.

Уходи.

Они сейчас придут за мною.

Фернандо уходит в сопровождении монахинь.

Песчинкою меж тонких пальцев

Я ощущаю этот мир...

Входит ещё одна монахиня.

Да... смерть. Но что такое смерть?

(*Монахиням.*)

А вы, зачем вы здесь? Как странно!
Вы от меня теперь далёко.

М а т ь К а р м е н *(входит, вся в слезах).*
Марьяна!

М а р ь я н а.

Что? О чём ты плачешь?

М а т ь К а р м е н.

Они внизу, дитя моё!

М о н а х и н я.

Они по лестнице уж всходят.

В глубине сцены появляются все монахини, ранее бывшие на сцене. Их лица печальны. Впереди идут 1-я и 2-я п о с л у ш н и ц ы. Сцена постепенно окрашивается в яркие цвета, свойственные, как это ни странно, гранадским сумеркам. Розовый и зелёный свет просачивается через арки. Кипарисы приобретают очаровательные тона и становятся похожими на драгоценные камни. Сверху льётся нежный оранжевый свет, который становится особенно ярким в финале.

М а р ь я н а.

О, сердце, ты меня не покидай!
Молчи. Куда с одним крылом летишь ты?
Ты тоже, сердце, отдохнуть должно.
Нас ждёт с тобой великое безумье
Светил небесных за вратами смерти.
О, сердце, сердце! Не слабей в пути!

М а т ь К а р м е н.

Забудь про мир, голубка Марьянита.

М а р ь я н а.

Ах, как далёк теперь он от меня!

М а т ь К а р м е н.

Они пришли уж за тобой.

М а р ь я н а.

Как хорошо теперь я понимаю,
Что значит этот свет! Любовь,
Любовь, любовь — и вечное безмолвье.

В левую дверь входит с у д ь я.

1-я п о с л у ш н и ц а.

Судья.

2-я п о с л у ш н и ц а.

Они её уводят.

С у д ь я.

Сеньора, жду приказов ваших.
Стоит карета у порога.

М а р ь я н а.

Я вас благодарю бессчётно.
Мать Кáрмен, я спасаю многих:
Они мою оплачут смерть, я знаю.
Детей моих заботой не оставьте.

М а т ь К á р м е н.

Пусть защитит пречистая тебѧ.

М а р ь я н а.

Я сердце отдаю вам. Вы мне дайте
Взамен цветы. Хочу в свой час предсмертный
Себя убрать я ими. Скорбной лаской
Утешиться заветного кольца.
А к волосам накидку кружевную
Вновь приколю... Я знаю, что Свобода
Тебе всего дороже в этом мире...
Но я — сама Свобода. Отдаю
Я кровь свою, но знай: она — твоя,
В ней кровь всего живущего на свете.

Монахиня помогает Марьяне надеть мантилью. Марьяна
направляется к выходу; громко:

Теперь я поняла, о чём поют
И соловей и дерево: свободным
Не может стать пленённый человек.
Но ты — иная; высшая Свобода —
Зажги мне звёзды дальние свои.
Прощайте! Осушите эти слёзы.

(Судье.)

Идём скорей!

М а т ь К а р м е н.

Прощай, голубка наша!

М а р ь я н а.

Вы грустную историю мою
Расскажете всем детям по дороге.

М а т ь К а р м е н.

Любила ты, и бог тебе откроет
Свои врата. Бедняжка Марьянита!
О, роза, лучшая среди испанских роз!

1-я п о с л у ш н и ц а (*опускаясь на колени*).

Твои глаза уж не увидят больше,
Как вечер золотые апельсины
Рассыпет щедро по верхам Гранады.

За сценой начинается перезвон колоколов.

2-я м о н а х и н я (*становится на колени*).

И не повеет больше восток
Тебе в лицо своим дыханьем сладким,
Припав на зорьке к твоему стеклу.

2-я п о с л у ш н и ц а (*становится на колени и касается губами края одежды Марьяны*).

Луна Андалусьи, майский цвет,
Гвоздика милая, тебя твой ждёт жених.
Он оперся на горние перила.

М а т ь К а р м е н.

Марьяна, Марьянита! Как прекрасно
И, вместе, как печально это имя!
Пусть смерть твою везде оплачут дети!

М а р ь я н а *(уходя)*.

Да, я — Свобода: так любовь хотела.
Я — та Свобода, для кого покинул
Меня ты, Педро. Ранена людьми я.
И всё же я — Свобода. О, любовь!
Любовь, любовь — и вечное безмолвье!

Частый и вместе с тем торжественный звон колоколов наполняет сцену. Вдалеке хор детей запекает романс о Марьяне Пинедо. Марьяна медленно уходит, опираясь на плечо матери Кармен. Другие монахини продолжают стоять на коленях. Всю сцену озаряет необычайный свет, какой бывает только в сновидениях. Вдали дети поют:

О, как грустен твой день, Гранада!
Даже камни твои в слезах.
Марьянита взошла на плаху,
Ничего не сказала она.

Долгий перезвон колоколов.

Занавес медленно опускается

ВОЛШЕБНАЯ БАШМАЧНИЦА

Жестокий фарс в двух актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Башмачница.
Соседка в красном.
Соседка в темнофиолетовом.
Соседка в чёрном
Соседка в зелёном.
Соседка в жёлтом.
Первая святоша.
Вторая святоша.
Пономариха.
Автор.
Башмачник.
Малыш.
Алькальд.
Дон Дроздильо.
Парень, подпоясанный кушаком.
Парень в шляпе.
Соседки, святоши, попы и народ.

ПРОЛОГ

идёт на фоне серого занавеса.

Появляется Автор. Быстро проходит на авансцену.
В руках у него письмо.

Автор. Почтеннейшая публика... (Пауза.)
Впрочем; нет, не почтеннейшая, а просто публика:
не подумайте; что автор не испытывает к публике
почтения, напротив, но за этим словом кроется

чуть заметная дрожь боязни, что-то вроде просьбы к публике быть снисходительной к игре актёров и дарованию автора. Как только поэт перешагнул через колючую изгородь страха, который в нём всегда вызывает зрительный зал, он уже просит не благосклонности, а только внимания. Этот нелепый страх, а также то обстоятельство; что театр часто превращается в торговый дом, заставляют поэзию отойти от театра в поисках иной среды, где публике не кажется странным, что дерево, например, превращается в облако дыма, а из трёх рыб; ловкостью рук и слова; становится три миллиона; и толпа утоляет ими голод. Автор решил сделать своей героиней простую башмачницу с пылким нравом. Всюду живёт и дышит поэтический образ: на этот раз автор облёк его в костюм башмачницы, придав своей пьесе характер народной побасенки или романса. Пусть не удивляет публику вспыльчивость башмачницы и её дикие выходки, — ведь она вечно воюет: воюет с той действительностью; что её окружает; и с фантазией, когда она становится действительностью. (*Слышны крики Башмачницы: «Пустите! Иду!»*) Запасись терпением. Ведь не в платье же с длинным шлейфом и невероятными перьями выйдешь ты на сцену, а в тряпье; слышишь? В костюме башмачницы. (*За сценой голос Башмачницы: «Пустите!»*) Замолчи! (*Занавес раздвигается. Сцена слабо освещена.*) Вот так каждое утро занимается заря над городами, и те; что собрались сейчас в этом зале, покидают полуреальный мир сна; чтобы итти на рынок, а ты, волшебная башмачница; идёшь к себе домой; на сцену. (*Свет становится ярче.*) Начинаем! Ты выходишь со стороны улицы. (*За сценой бранятся. К публике.*) Всего хорошего. (*Снимает цилиндр который начинает светиться изнутри зелёным светом, затем переворачивает его, и оттуда вы-*

ливается струя воды. Автор несколько смущённо смотрит на публику и; пятясь, уходит за кулисы. Насмешиливо.) Прошу прощения. *(Уходит.)*

АКТ ПЕРВЫЙ

Комната Башмачника. Верстак и инструменты. Стены комнаты — ослепительной белизны. В глубине большое окно и дверь. В окно видна улица: два ряда белых домов с серыми дверцами и оконными рамами. Справа и слева двери. Сцена залита мягким оранжевым предзакатным светом. Весь акт должен идти весело; оформление, вплоть до мельчайших деталей, должно быть выдержано в светлых тонах.

С улицы входит разъярённая *Б а ш м а ч н и ц а* и останавливается на пороге. На ней ярко-зелёное платье. В зачёсанных назад волосах две большие розы. У неё вид дикарки, и в то же время она очень женственна.

Б а ш м а ч н и ц а. Попридержи свой длинный язык; старая сплетница. Если я так поступила... если я так поступила; то по своей доброй воле... Если б ты во-время не шмыгнула в дверь, я бы тебя; змея напудренная; оттаскала за волосы... И пусть это слышат вон те, что трусливо жмутся у окон. Лучше выйти замуж за старика, чем как ты вышла — за кривого. И не хочу я больше говорить ни с тобой, ни с другими... ни с кем, ни с кем. *(Входит, с силой хлопнув дверью.)* Ведь знала же я, что с этим народом нельзя разговаривать... я, я, я сама во всём виновата... мне надо было остаться дома с моим... до сих пор не могу привыкнуть... с моим мужем. Если б мне, блондинке с чёрными глазами, — а ведь это что-нибудь да значит, — с такой талией и с таким изумительным цветом лица, сказали, что я выйду замуж за этого... я бы себе волосы вырвала. *(Плачет. Стук в дверь.)* Кто это? *(Молчание. Стук повторяется. Сердито.)* Кто это?

М а л ы ш (боязливо). Мир дому сему.

Башмачница (*отворяя дверь*). Ах, это ты? (*Она умилена и растрогана.*)

Малыш. Да, сеньора башмачница. Вы плакали?

Башмачница. Нет. Это комар, — знаешь, который пищит: «пи-и-и-и», — укусил меня в глаз.

Малыш. Хочешь, я подую?

Башмачница. Нет, сынок, уже прошло... (*Ласкает его.*) А зачем ты пришёл?

Малыш. Эти лакированные туфельки стоят пять дуро; меня послали отдать их твоему мужу в починку. Это туфли моей старшей сестры, той, у которой нежный цвет лица и которая прикалывает к поясу то один бант, то другой, — у неё их два.

Башмачница. Положи туфли вон туда, починим.

Малыш. Мама велела, чтобы вы с ними обращались осторожно и не так сильно били молотком; потому что на них очень тонкий лак и он может потрескаться.

Башмачница. Скажи матери, что мой муж без неё знает, как обращаться с обувью; хорошо, если б она так умела приготовить жаркое с перцем и лавровым листом; как мой муж умеет чинить обувь.

Малыш (*плакливо*). Не сердитесь на меня, я не виноват; я каждый день учу уроки.

Башмачница (*нежно*). Сыночек мой! Сокровище ты моё! На тебя я не сержусь! (*Целует его.*) На, возьми эту куколку, она тебе нравится? Так бери!

Малыш. Я возьму, потому что раз у вас никогда не будет детей...

Башмачница. Кто это тебе сказал?

Малыш. Моя мать вчера сказала: «У баш-

мачницы никогда не будет детей», а мои сёстры и кума Рафаэла засмеялись.

Башмачница (*вскипела*). А может, у меня ещё скорей родятся дети, чем у твоих сестёр, и покрасивей, чем у них, и от законного мужа, а не то, что у твоей матери... ты вот ничего не знаешь...

Малыш. Возьмите свою куколку, она мне не нужна!

Башмачница (*успокоившись*). Нет, нет, возьми её, сыночек... На тебя я нисколько не сержусь!

В левую дверь входит **Башмачник**. На нем бархатный костюм с серебряными пуговицами, короткие штаны и красный галстук. Он направляется к верстаку.

Башмачница (*Малышу*). Ну, господь с тобой!

Малыш (*испуганно*). Будьте здоровы! До свиданья! Счастливо оставаться! Deo gratias! (*Убегает.*)

Башмачница. До свиданья, деточка... Если б я сдохла раньше, чем родилась, на меня бы не посыпалось столько бед и напастей. Ах, эти деньги, деньги! Пусть бы отсохли руки и ослепли глаза у того, кто вас выдумал.

Башмачник (*за верстаком*). Жена, ты о чём?..

Башмачница. Это тебя не касается!

Башмачник. Меня ничто не касается. Я знаю, что должен всё терпеть.

Башмачница. Я тоже всё терплю... а ведь мне только восемнадцать лет.

Башмачник. А мне... пятьдесят три. Поэтому я молчу и не ссорюсь с тобой... Я всё понимаю!.. Пока буду работать для тебя... а там— что господь даст...

Башмачница (*всё время стояла спиной*

к мужу, но тут она оборачивается и, расстроенная, идёт к нему. С нежностью в голосе). Не надо; мой милый... не говори так!..

Башмачник. Эх; если б мне было сорок или даже сорок пять лет!.. (*Яростно бьёт молотком по ботинку.*)

Башмачница (*вспыхнув*). Тогда я была бы твоей служанкой; ты это хочешь сказать?.. А я; что ж; по-твоему; я ничего не стою?

Башмачник. Жена!.. Успокойся!..

Башмачница. Разве моя молодость и красота не стоят всех сокровищ мира?

Башмачник. Жена!.. Соседи услышат!

Башмачница. Будь проклят тот час, будь проклят тот час, когда я послушалась кума Мануэля!

Башмачник. Хочешь лимонной воды?

Башмачница. Дура я; дура; дура! (*Бьёт себя по лбу.*) Какие у меня были женихи!

Башмачник (*желая угодить ей*). Да; мне твои односельчане рассказывали.

Башмачница. Односельчане! Об этом все знают. Женихи у меня были как на подбор! Но больше всех мне нравился Эмельяно... ты его знал... Он примчался на вороном коне; убранном кистями и стекляшками, в руке ивовый прут, шпоры медные, таки блестят. А какой плащ он носил зимой! Отвороты из синего сукна, шнуры золотые!

Башмачник. Точно такой же был и у меня... это дорогие плащи.

Башмачница. У тебя? У тебя был такой плащ?.. Ну что ты городишь! Ни один башмачник во сне не видал такого плаща...

Башмачник. Да что с тобой; жена?..

Башмачница (*перебивает его*). Сватался ко мне ещё один жених...

Башмачник с силой стучит молотком.

Этот был, можно сказать, сеньорито... ему тогда минуло восемнадцать лет. Подумать только: восемнадцать лет!

Башмачник (беспокойно ёрзает на скамейке). Когда-то и мне было столько же.

Башмачница. Тебе никогда не было восемнадцать лет; а тому правда было восемнадцать, и какие он мне слова говорил!.. Послушай...

Башмачник (яростно стучит молотком). Да замолчишь ты, наконец? Хочешь не хочешь — ты моя жена; а я твой муж. Я подобрал тебя, голодную; холодную; раздетую. Для чего ты за меня пошла? Сумасбродка ты, сумасбродка; сумасбродка!

Башмачница (встаёт). Молчи! Не выводи меня из себя и занимайся своим делом. Какой нашёлся!

Две соседки в мантильях, смеясь, проходят мимо окна. Кто бы мог подумать, что этот старый хрыч так мне отплатит! Ну на, бей меня, бей, огрей молотком!

Башмачник. Эх, жена... не заводи ты скандала, ведь под окном люди ходят! Ах ты, господи!

Соседки опять показываются в окне.

Башмачница. Срам-то какой! Дура я, дура, дура! Будь проклят кум Мануэль, будь прокляты все соседки! Дура я, дура, дура! (*Бьёт себя по голове и уходит.*)

Башмачник (смотрится в зеркальце и считает морщины на лице). Одна, две, три, четыре... тысяча. (*Прячет зеркальце.*) Да, сеньор, так вам и надо. Зачем, спрашивается; я женился? Прочитав столько романов, я бы должен был знать, что мужчинам все женщины нравятся, но не все женщины нравятся мужчинам. А как хорошо мне

жилсь! Моя сестра, моя сестра, вот кто во всём виноват! Заладила: «Останешься один на старости лет»; да то, да другое! Вот я и погиб. Чтоб её гром разразил, мою покойную сестру!

За сценой слышны голоса.

Что это?

В окне появляется воинственно настроенная Соседка в красном с двумя дочерьми. На них тоже красные платья.

Соседка. Добрый день!

Башмачник (*почёсывая затылок*). Добрый день!

Соседка. Позовите-ка свою жену. (*Дочкам.*) Перестанете вы реветь? Пусть выйдет и скажет мне в лицо то, что она болтает за спиной.

Башмачник. Ах, дорогая соседка, не устраивайте вы мне, ради самого Христа, скандалов! Что я с ней могу поделаться? Войдите в моё положение: я долго не решался жениться, потому что это дело серьёзное, а теперь вот — сами видите...

Соседка. Как мне вас жалко! Уж лучше бы вы женились на своей городской! А эти деревенские...

Башмачник. В доме у меня ад. Бог знает что!

Соседка. Душа разрывается на части. Такой почтенный человек!

Башмачник (*оглядываясь, не идёт ли жена*). Третьего дня... разрезала окорок, который я берёг на пасху, и мы его целиком съели. А вчера весь день пробавлялись супом с петрушкой. Так вот, зато, что я позволил себе сделать ей замечание, она заставила меня выпить подряд три стакана сырого молока.

Соседка. Ведьма!

Башмачник. Так-то, соседушка. Я был бы вам очень благодарен, если б вы удалились.

Соседка. Эх, была бы жива ваша сестра! Уж она...

Башмачник. Что делать... Кстати, вот ваши туфли, я их починил.

В левую дверь заглядывает Башмачница. Оставаясь незамеченной, она следит за происходящим на сцене.

Соседка (*заискивающе*). Сколько ж вы с меня возьмёте? Сами знаете, какое нынче время, — день ото дня всё хуже и хуже.

Башмачник. Сколько дадите... Чтоб ни мне, ни вам не обидно было...

Соседка (*толкая локтями дочерей*). Две песеты хватит?

Башмачник. Да ладно!

Соседка. Ну, так я дам одну...

Башмачница (*разъярённая, входит на сцену*). Разбойница! (*Мать и дочери в испуге визжат.*) Хватает у тебя совести так грабить человека? (*Мужу.*) А ты позволяешь; чтобы тебя грабили? Отдай туфли. Пока не заплатишь десять песет, ты их не получишь.

Соседка. Скрыга! Скрыга!

Башмачница. Ну-ну, осторожней!

Девочки. Мама, мама, идём отсюда!

Соседка. Слабую же ты себе жену нашёл, вот теперь и няньч сь с ней. (*Быстро уходит с дочками. Башмачница закрывает окно и дверь.*)

Башмачник. Послушай...

Башмачница (*рассеянно*). Скрыга... скрыга... А? Что? Что тебе надо?

Башмачник. Слушай; доченька. Всю свою жизнь я старался избегать скандалов. (*Глокает слюну.*)

Башмачница. И ты смеешь называть меня

скандалисткой за то, что я защищала твои же интересы?

Б а ш м а ч н и к. Я тебе только сказал, что боюсь скандалов, как саламанкские женщины — холодной воды.

Б а ш м а ч н и ц а (*быстро*). Саламанкские женщины? Терпеть я их не могу!

Б а ш м а ч н и к (*собравшись с духом*). Сколько раз меня подуськивали, когда и ругнут; но я хоть и не робкого десятка; а всё; бывало; отмалчиваюсь: боюсь, как бы не собралась толпа бездельников да разные кумушки не стали бы судачить и по всему городу трепать моё имя. Поняла? Ну так вот; запомни, это моё последнее слово.

Б а ш м а ч н и ц а. Постой; постой; а мне-то что до этого? Я вышла за тебя замуж; и что ж; разве у тебя в доме грязно? Разве я тебя плохо кормлю? Разве ты когда-нибудь носил такие белоснежные воротнички и манжеты? А разве я не завожу каждую ночь твои красивые часы с серебряной цепочкой и брелками? Чего ж тебе ещё надо? Я на всё согласна — только не быть рабой! Пусть никто меня не неволит.

Б а ш м а ч н и к. Перестань... три месяца, как мы с тобой женаты, я с тебя пылинки сдуваю... а ты всё стараешься вывести меня из терпения... Или ты не видишь, что я уже стар для таких шуток?

Б а ш м а ч н и ц а (*сразу стала серьёзной; задумчиво*). Пылинки сдуваешь... (*Резко.*) А что мне от этого? Что мне от твоей любви?

Б а ш м а ч н и к. Ты думаешь, я слепой, а я всё вижу. Я знаю, что ты для-меня делаешь и чего не делаешь. Я сыт по горло.

Б а ш м а ч н и ц а (*в ярости*). Мне всё равно, сыт ты или не сыт; мне на тебя наплевать, вот тебе! (*Плачет.*)

Башмачник. А ты не можешь потише?

Башмачница. С таким дураком закричишь на всю улицу.

Башмачник. Скоро этому придёт конец. Не понимаю; как у меня ещё хватает терпения.

Башмачница. Сегодня обеда не будет... поди ещё где-нибудь пообедай. (*Уходит в бешенстве.*)

Башмачник (*улыбаясь*). Завтра... завтра, может; и тебе придётся поискать обед. (*Направляется к верстаку.*)

С улицы входит Алькальд. Он в тёмносинем. На плечи накинута длинный плащ. В руке жезл с серебряным набалдашником. Говорит медленно и важно.

Алькальд. Всё работаешь?

Башмачник. Работаю, сеньор алькальд.

Алькальд. Много зарабатываешь?

Башмачник. На жизнь хватает. (*Продолжает работать.*)

Алькальд с любопытством оглядывается по сторонам.

Алькальд. У тебя плохой вид.

Башмачник (*не поднимая головы*). Нет, ничего.

Алькальд. Жена?

Башмачник (*утвердительно кивает головой*). Жена!

Алькальд (*садится*). Вот что значит жениться в твои годы. В твои годы надо уже быть вдовцом... по крайней мере хоть одну жену похоронить. Вот я похоронил четырёх: Росу, Мануэлу, Виситасьон и последнюю — Энрикету Гомес. Хорошие всё были женщины, любили танцы и чистую воду. Все до одной не раз попробовали этого жезла. В моём доме... в моём доме надо шить и петь.

Башмачник. А теперь послушайте, ка-

кая у меня жизнь. Моя жена... меня не любит, только и знает; что переговариваться с мужчинами через окно. Даже с доном Дроздильо... А у меня кровь так и кипит.

А л ь к а л ь д (*смеясь*). Она ещё ребёнок, ей хочется повеселиться; в её возрасте это естественно.

Б а ш м а ч н и к. Да, как же! Я уверен... я убеждён; что всё это она делает для того; чтобы меня мучить; я... я уверен; что она меня ненавидит. Сперва я надеялся на свой мягкий характер и старался задобрить её подарками: коралловыми ожерельями; лентами; роговыми гребнями... даже подвязки ей купил! А она... всё такая же.

А л ь к а л ь д. И ты всё такой же. Что за чорт! Гляжу я на тебя и глазам не верю: да такой молодец, такой мужчина, как ты, не то что с одной, с сотней баб справится. Если твоя жена со всеми переговаривается через окошко; если она с тобой груба; так в этом виноват ты: значит, ты не умеешь держать её в руках. Женщины любят; чтобы их крепко обнимали; чтобы у мужчины была твёрдая поступь и зычный голос, а если они всё-таки кричат «кукареку»; тогда остаётся одно: палка. Роса; Мануэла; Виситасьон и Энрикета Гомес, моя последняя жена; могут тебе об этом рассказать с неба; если только они, паче чаяния, туда попали.

Б а ш м а ч н и к. Видите ли, хотел бы я вам сказать одну вещь... да не решаюсь. (*Робко смотрит на Алькальда.*)

А л ь к а л ь д (*властно*). Говори.

Б а ш м а ч н и к. Я понимаю, что это ужасно... но... я не люблю свою жену.

А л ь к а л ь д. Чорт возьми!

Б а ш м а ч н и к. Да, сеньор, именно — чорт возьми!

А л ь к а л ь д. Зачем же ты тогда женился, старый повеса?

Б а ш м а ч н и к. Уж так вышло. Сам не могу понять. Моя сестра... моя сестра во всём виновата: «Останешься один»; то да сё, пятое да десятое. У меня водились деньжонки, сам я был ещё в соку; ну и сказал: «Что ж, я согласен!» О, блаженное одиночество, где ты? Разрази её гром, мою покойную сестру!

А л ь к а л ь д. Влопался ты, нечего сказать!

Б а ш м а ч н и к. Да, сеньор; влопался... Больше не могу. Я не знал, что такое жена. А ведь у вас их было четыре! Нет, не в моём возрасте выносить этот ад!

Б а ш м а ч н и ц а (*громко поёт за сценой*).

У нас не жизнь, а сущий ад.

Вот только стих насмешек град, —

Опять начнём мы перебранку.

Б а ш м а ч н и к. Слышите?

А л ь к а л ь д. Ну и что ж ты думаешь делать?

Б а ш м а ч н и к. А вот что. (*Поворачивается на голос Башмачницы и показывает кукиш.*)

А л ь к а л ь д. Ты с ума сошёл?

Б а ш м а ч н и к (*возбуждённо*). Я не могу спокойно работать. Я человек мирный. Я не люблю крика и не хочу быть притчей во языцех.

А л ь к а л ь д (*смеясь*). Твои меры не помогут. Не валяй дурака, покажи, что ты настоящий мужчина. Жаль только, что у тебя нет характера;

В левую дверь входит Б а ш м а ч н и ц а; в руке у неё пуховка; она пудрится розовой пудрой и приглаживает брови.

Б а ш м а ч н и ц а. Здравствуйте!

А л ь к а л ь д. Здравствуйте! (*Башмачнику.*)
До чего красива, до чего красива!

Б а ш м а ч н и к. Вы находите?

А л ь к а л ь д. Какие прекрасные розы вплели вы себе в волосы и как сладко они пахнут!

Б а ш м а ч н и ц а. У вас на балконах много таких роз.

А л ь к а л ь д. Да, да. Вы любите цветы?

Б а ш м а ч н и ц а. Я? Ой, я их обожаю. Я бы и на крышу поставила горшки с цветами, и на пороге, и вдоль стен. Да вот он... вот этот... их не любит. Ну; да что с него взять: всю жизнь просидел над башмаками. (*Садится на подоконник.*) Здравствуйте! (*Смотрит в окно и кокетничает с кем-то.*)

Б а ш м а ч н и к. Видите?

А л ь к а л ь д. Грубовата... но красавица. Какая изумительная талия!

Б а ш м а ч н и к. Вы не знаете эту женщину.

А л ь к а л ь д. Тсс! (*С величественным видом направляется к выходу.*) До завтра! Надеюсь, ты возьмёшься за ум. Спокойной ночи; детка! (*Идёт, а сам смотрит на Башмачницу.*) Что за талия! Лучше не смотреть! А эти волнистые волосы! (*Уходит.*)

Б а ш м а ч н и к (*поёт*).

У нас в стране один король,
Зато четыре их в колоде:
И треф, и пик, а вот, изволь,
Червей, бубён — что нынче в моде?

Башмачница берёт стул и начинает вертеть его. Башмачник берёт другой стул и вертит его в обратную сторону.

Ты знаешь, что я считаю это дурной приметой, для меня это нож острый; зачем же ты это делаешь?

Б а ш м а ч н и ц а (*бросает стул*). Да что я такого сделала? Ну, не права ли я была? Ты мне шевельнуться не даёшь.

Б а ш м а ч н и к. Надоело мне объяснять... всё равно бесполезно..

Башмачник идёт к двери, но в это время Башмачница опять начинает вертеть стул. Башмачник бросается к другому стулу и начинает вертеть его.

Почему ты меня не пускаешь?

Б а ш м а ч н и ц а. Господи! Да я только и хочу, чтобы ты отсюда ушёл!

Б а ш м а ч н и к. Ну, так пусти же меня!

Б а ш м а ч н и ц а (*в бешенстве*). Убирайся!

За сценой слышны звуки флейты и гитары: играют старинную польку. Музыка должна производить комическое впечатление. Башмачница качает головой в такт музыке.

Башмачник уходит в левую дверь.

Б а ш м а ч н и ц а (*поёт*). Ларан... ларан.. Я всегда любила флейту... Я прямо бредила ею.. Кажется, я сейчас заплачу... Какая прелесть Ларан, ларан... Слушай... Мне бы хотелось чтобы и он послушал эту музыку... (*Встаёт и начинает танцовать с воображаемым женихом*). Ах, Эмельяно, какие на тебе красивые шнуры... Нет, нет... мне стыдно... Господи, разве ты не видишь, что на нас смотрят? Возьми платочек, я боюсь, как бы ты не запачкал мне платье. Я тебя люблю, тебя... Ах, да! Мне нравится твой белый конь, приезжай завтра на нём. (*Смеётся. Музыка смолкает*.) Какая досада! Всё равно, что мёдом помазать по губам... Что это?..

В окне показывается д о н Д р о з д и л ь о. На нём чёрный фрак и чёрные короткие брюки. Голос у него дрожащий; он всё время кивает головой, как китайский болванчик.

Д р о з д и л ь о. Чшш-шш-шш-шш!

Б а ш м а ч н и ц а (*спиной к окну*). Пин-пин, пио-пио, пио-пио.

Д р о з д и л ь о (*подходит ещё ближе*). Чш-

пт-ш! О, башмачница, о, сапатерилья¹, ты бела, как сердце миндаля, и так же, как миндаль, горька. О, сапатерита; ярко-золотой тростник!.. О, прекрасная сапатерита, похитительница моего сердца!

Башмачница. Сколько вы сразу наговорили; дон Дроздильо! Я думала; птички не умеют говорить! Но уж если прилетел сюда чёрный дрозд; чёрный и старый... так пусть он знает, что я не могу слушать сейчас его пение... пусть прилетит попозже... Пин-пио, пио-пио...

Дроздильо. Когда сумерки окутают мир своим лёгким покрывалом, когда на улице не будет видно прохожих, я вернусь. (*Нюхает табак и чихает прямо на воротник Башмачнице.*)

Башмачница (*оборачивается и бьёт дону Дроздильо, — тот дрожит. С отвращением*). Лучше не возвращайся, дрозд тонконогий! Уходи, уходи... Где это видано? Чихать на человека! Пошёл отсюда к чертям! Тьфу!

В окне появляется **Парень**, подпоясанный кушаком; шляпа с низкой тульей надвинута на лицо; вид у парня весьма скорбный.

Парень. Дышите воздухом, сапатерита?

Башмачница. Как и вы.

Парень. И всегда одна... Как жаль!

Башмачница (*грубо*). Почему жаль?

Парень. Женщина; у которой такие волосы и такая великолепная грудь...

Башмачница (*ещё более грубым тоном*). Да почему жаль?

Парень. Потому что вы достойны того, чтобы вас рисовали на открытках; а вы стоите здесь... у этой двери...

Башмачница. Ах, вот как!.. Я очень

---

¹ Сапатера — башмачница.

люблю открытки; особенно люблю получать их от кавалеров, когда те путешествуют...

П а р е н ь. Ах, сапатерита, я весь горю!

Продолжают беседовать.

Б а ш м а ч н и к (*входит, но, увидев эту пару, пятится к двери*). Со всеми-то она вступает в разговоры, да ещё в такое время! Сейчас соседи пойдут из церкви, что они скажут? Что скажут в клубе? Сейчас же начнут трепать моё имя!.. В каждом доме начнут перемывать мне косточки!.. (*Башмачница смеётся.*) Ах, боже мой! Нет, надо уходить! Хотел бы я сейчас послушать пономариху. А священники! Что скажут священники? Воображаю, что они будут говорить. (*С унылым видом уходит.*)

П а р е н ь. Как бы это сказать?.. Я люблю вас, я люблю тебя, как...

Б а ш м а ч н и ц а. По правде сказать, когда ты говоришь эти слова, мне кажется, будто кто-то меня щекочет пером за ушами: «Я люблю тебя, я люблю вас...»

П а р е н ь. Сколько семян в подсолнухе?

Б а ш м а ч н и ц а. А я почём знаю?

П а р е н ь. Столько же раз в минуту я вздыхаю по вас... по тебе. (*Подходит ближе.*)

Б а ш м а ч н и ц а (*резко*). Стой смирно. Я слушаю тебя, потому что мне это нравится, но не больше, слышишь? И не воображай!

П а р е н ь. Не может быть. Верно, у тебя другой на примете?

Б а ш м а ч н и ц а. Знаешь что? Убирайся отсюда.

П а р е н ь. Я не уйду, пока ты не скажешь «да». Ах, сапатерита, скажи мне «да»! (*Хочет обнять её.*)

Б а ш м а ч н и ц а (*с силой захлопывает окно*).

Нахал, дурак!.. Обидела я тебя — сам виноват! Как будто я подошла к окну только для того, только для того... Неужели в этом городишке ни с кем нельзя поговорить? Должно быть, здесь живут одни монашки да потаскушки... Ай, этого ещё нехватало! (*Нюхает воздух и бежит к двери.*) Жаркое подгорело! Экая я мерзавка!

На сцене постепенно темнеет. Входит Башмачник, в длинном плаще, со свёртком белья подмышкой.

Башмачник. Или я стал другим человеком, но я себя не узнаю. Прощай, мой домик! Прощай, мой верстачок! Вар, гвозди, телячья кожа... Ну, что ж. (*Идёт к двери, но, столкнувшись на пороге с двумя Святошами, отступает.*)

Первая святоша. Погулять?

Вторая святоша. Вам надо отдохнуть!

Башмачник (*мрачно*). Будьте здоровы!

Первая святоша. Отдохните, хозяин.

Вторая святоша. Отдохните, отдохните! (*Уходят.*)

Башмачник. Да, отдохните, отдохните... А сами подглядывали в замочную скважину! У, сплетницы, ведьмы! Что-то уж больно сладко они мне пели! Ну да, конечно, теперь в городе только и разговору будет, что обо мне, да о ней, да о парнях! Разрази гром мою покойную сестру! Нет, уж лучше уйти, а то все будут на меня пальцем показывать. (*Быстро уходит; оставив дверь открытой.*)

В левую дверь входит Башмачница.

Башмачница. Обед готов... Ты слышишь? (*Идёт к правой двери.*) Ты слышишь? Неужели этот нахал, не закончив полусапожки, ушёл в кафе? Даже дверь за собой не затворил... Ну,

что ж, когда придёт, он меня услышит! Ещё как услышит! Все мужчины одинаковы, все — негодяи... Ну, и пусть идёт... Ну, и пусть... (*Вздрагивает.*) Свежо стало! (*Зажигает подсвечник.* С улицы доносится шум возвращающегося стада. Звонят бубенчиками овцы. Башмачница выглядывает в окно.) Какое красивое стадо! Я прямо с ума схожу по ягням... Гляди, гляди... вон та беленькая, маленькая, она ещё не научилась ходить. Ай! Сейчас её, затопчет эта большущая, противная; а пастух — хоть бы что... (*Кричит.*) Эй, ты, пугало! Не видишь, что у тебя топчут ягнёночка? (*Пауза.*) Нет, мне не всё равно... То есть как это мне какое дело? Грубиян!.. Смотри ты у меня... (*Слезает с подоконника.*) Куда же это мой бродяга провалился? Если он через две минуты не придёт, я его ждать не буду. Вот ещё! С какой стати? Подождала, и довольна... Да ещё такой вкусный обед я сегодня приготовила! Поджарила мясо с картофелем... положила два стручка зелёного перца, белого хлеба, маленький кусочек свиного сала, тыквы, лимонных корок. Уж насчёт того, чтобы вкусно приготовить, уж это будьте покойны, уж это я умею. (*Во время монолога она ходит взад-вперёд, расставляет стулья, снимает нагар со свечи, сдувает пылинки с платья.*)

М а л ы ш (*на пороге*). Ты всё ещё сердишься?

Б а ш м а ч н и ц а. Куда ты, моё сокровище?

М а л ы ш. Ты не будешь меня бранить, нет? Потому что, знаешь, мама меня иногда бьёт, и моя любовь к ней весит двадцать пудов, а любовь к тебе — тридцать два с половиной пуда.

Б а ш м а ч н и ц а. Отчего ты такой милый? (*Сажает Малыша к себе на колени.*)

М а л ы ш. Я пришёл сказать тебе одну вещь, которую никто не хочет тебе сказать. «Иди ты.

Нет, ты. Нет; ты!» — а сами ни с места; ну тогда кто-то сказал: «Пусть идёт Малыш... потому что... потому что такую новость никому не хочется сообщать».

Б а ш м а ч н и ц а. Да что такое?

М а л ы ш. Не бойся, я не о мертвецах тебе буду рассказывать.

Б а ш м а ч н и ц а. Да ну же!

М а л ы ш. Видишь ли, сапатерита... (*В окно влетает бабочка. Спрыгнув с колен, Малыш начинает за ней гоняться.*) Бабочка, бабочка... (*Башмачнице.*) Дай свою шляпу!.. Жёлтая, с синими и красными пятнышками... Ой, какая она!..

Б а ш м а ч н и ц а. Да ведь ты, сынок... ты хотел...

М а л ы ш (*сердито*). Говори тише! Видишь, она боится? Ай! Дай мне твой платочек!

Б а ш м а ч н и ц а (*тоже увлечена охотой*). На.

М а л ы ш. Тс!.. Не топай...

Б а ш м а ч н и ц а. Ты дождёшься, что бабочка улетит.

М а л ы ш (*тихо, как бы стараясь заморозить бабочку, поёт*):

Милая бабочка,
Как ты прекрасна!
Милая бабочка,
Зелень и золото
Крыльев атласных,
Пламя от свечечки.
Свечечки ясной!
Милая бабочка,
Ты улетаешь — куда, куда?
Здесь ты не хочешь остаться,
Остаться не хочешь ты с нами
Здесь навсегда.

Милая бабочка,
Зелень и золото,
Свечечка ясная.
Милая бабочка,
Ты улетаешь — куда, куда?
Бабочка, с нами
Будь ты всегда!

Башмачница (*шутливо*). Да-а-а!
Малыш. Нет. Так не выйдет. (*Бабочка улетаёт.*)

Башмачница. Вот она! Вот!
Малыш (*весело бежит с платочком*). Ты так и не сядешь? Ты так и будешь летать?

Башмачница (*бежит навстречу Малышу*).
Улетает, улетает!

Малыш, преследуя бабочку, выбегает на улицу.

Башмачница (*повелительно*). Куда ты?
Малыш (*растерянный, останавливается*). Правда, улетела! (*Быстро.*) Но я не виноват!

Башмачница. Ладно! Так ты мне скажешь, что обещал? Ну, говори!

Малыш. Ах! Видишь ли... твой муж, башмачник, не вернётся домой.

Башмачница (*в ужасе*). Как?

Малыш. Да, да, это он нам сказал перед тем, как сесть в дилижанс, я сам видел, как он садился... Он велел передать тебе... об этом весь город знает...

Башмачница (*опускается на стул*). Не может быть, не может быть! Не верю!

Малыш. Нет, это правда, только ты не брани меня.

Башмачница (*встаёт со стула и в бешенстве топает ногами*). Так вот как он мне отплатил? Так вот как он мне отплатил?

М а л ы ш (*прячется за стол*). У тебя шпильки падают!

Б а ш м а ч н и ц а. Что я теперь буду делать одна? Ай-ай-ай!

Малыш выбегает из комнаты. В окне и в дверях показыва-
ются с о с е д к и.

Входите, входите, сплетницы, кумушки, это всё из-за вас...

А л ь к а л ь д. А ну, замолчи. Твой муж тебя бросил, потому что ты его не любила, потому что ему стало невозможно.

Б а ш м а ч н и ц а. А вы лучше меня знаете, любила я его или нет? Да, я его любила! Ах, как любила — сколько у меня было красивых и богатых женихов, а я никому не сказала «да». Ах, ты, мой бедненький, чего тебе только про меня ни наговорили!

П о н о м а р и х а (*входит*). Перестань, соседка!

Б а ш м а ч н и ц а. Нет, не перестану! Нет, не перестану!

В комнату одна за другой входят с о с е д к и; на них пла-
тья ярких, кричащих цветов; в руках у них огромные ста-
каны с прохладительными напитками. Они кружатся во-
круг Башмачницы, которая сидит на полу и громко при-
читает в такт танцу. Их широкие юбки развеваются. Все
с комическим видом выражают ей сочувствие.

С о с е д к а в ж ё л т о м. Прохладительного!

С о с е д к а в к р а с н о м. Прохладитель-
ного!

С о с е д к а в з е л ё н о м. Чтобы разогнать
кровь.

С о с е д к а в ч ё р н о м. Лимонной!

С о с е д к а в т ё м н о ф и о л е т о в о м. Из
сарсапарели!

С о с е д к а в к р а с н о м. Мятная лучше.

С о с е д к а в т ё м н о ф и о л е т о в о м. Со-
седка!

Соседка в зелёном. Соседушка!
Соседка в чёрном. Сапатера!
Соседка в красном. Сапатерита!

Соседки поднимают весёлый шум. Башмачница плачет наврыд.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Декорация первого акта. Слева перевернутый верстак. Справа стойка. На ней бутылки и большой таз с водой, в котором Башмачница моет бокалы. Она стоит за стойкой. На ней ярко-красное платье с широкими оборками и короткими рукавами. Посредине сцены два стола. За одним из них сидит дон Дроздильо и пьёт прохладительный напиток, за другим — Парень в шляпе, надвинутой на лицо.

Башмачница тщательно моет стаканы и бокалы и расставляет их на стойке. В дверях показывается Парень, подпоясанный кушаком, в шляпе с низкой тульёй. У него печальный вид. Руки опущены. Он с нежностью поглядывает на Башмачницу. Если актёр, который будет играть эту роль, позволит себе хоть немного утрировать, то режиссёр должен огреть его палкой по голове. Вообще никто не должен утрировать. Фарс требует естественности в игре. Автор обрисовал этот тип, костюмер нарядил его, актёру же следует играть просто. Парень, подпоясанный кушаком, задерживается в дверях. Дон Дроздильо и Парень в шляпе оборачиваются и смотрят на него. Это почти кадр из фильма. Взгляды, которыми обмениваются актёры, придают ему необходимую экспрессию. Башмачница перестаёт мыть стаканы и внимательно смотрит на Парня, подпоясанного кушаком. Пауза.

Башмачница. Входите.

Парень, подпоясанный кушаком. Если вам угодно...

Башмачница (*удивлённо*). Мне? Мне всё равно, но я вижу: вы стоите в дверях...

Парень, подпоясанный кушаком.

Как вам будет угодно. (*Опирается на стойку. Сквозь зубы.*) Вот ещё один, кого я...

Башмачница. Что вы будете пить?

Парень, подпоясанный кушаком. Я буду следовать вашим советам.

Башмачница. Тогда — вот бог, а вот порог!

Парень, подпоясанный кушаком. Ах, боже мой, как меняются времена!

Башмачница. Плакать не стану, не надейтесь. Ну ладно, чего вы хотите: вина, кофе, прохладительного? Говорите скорей.

Парень, подпоясанный кушаком. Прохладительного.

Башмачница. Не смотрите на меня так, а то я пролью сироп.

Парень, подпоясанный кушаком. Ах, я умираю! Ах!

Мимо окна проходят две щеголихи с громадными веерами. Заглядывают в комнату; шокированные происходящим, крестятся, закрывают лицо веером и семят дальше.

Башмачница. Прохладительного!

Парень, подпоясанный кушаком (*глядя на неё*). Ай!

Парень в шляпе (*уставив глаза в пол*). Ай!

Дроздильо (*глядя в потолок*). Ай!

Башмачница (*по очереди оглядывая всех трёх*). Ай, ай, ай! Что здесь, таверна или больница? Ах, какие вы несносные! Если б нужда не заставляла меня торговать вином и всей этой дрянью, с тех пор как из-за вас ушёл мой бедный муженёк, радость моей жизни, и я осталась одна, разве бы я стала это терпеть? Что вы можете мне на это ответить? Дождётесь, что я вас всех вышвырну на улицу.

Д р о з д и л ь о. Очень хорошо; очень хорошо сказано.

П а р е н ь в ш л я п е. Ты открыла таверну, и мы можем оставаться в ней; сколько нам за-
благорассудится.

Б а ш м а ч н и ц а (в бешенстве). Что? Что?
Парень, подпоясанный кушаком, направляется к выходу.
Дон Дроздильо, улыбаясь, встаёт. Он мимикой
даёт парням понять, что он в заговоре с Башмачни-
цей и что он скоро вернётся.

П а р е н ь в ш л я п е. Что слыхала, то и
сказал.

Б а ш м а ч н и ц а. А я вот что тебе на это
скажу, и заруби ты это себе на носу, ты и весь
город: хотя уже четыре месяца, как мой муж ушёл,
но я ни за что не сдамся, потому что замужня
женщина должна оставаться на своём месте, как
велит господь. И никого я не боюсь, слышишь?
Потому что во мне течёт кровь моего деда, цар-
ство ему небесное, а он был объездчиком, и это
был, что называется, настоящий мужчина.
Я была честной женщиной, такой и останусь.
Я всегда буду верна своему мужу. До самой смерти.
Дон Дроздильо быстрыми шагами идёт к левой двери,
жестами давая понять, что между ним и Башмачницей су-
ществуют какие-то отношения.

П а р е н ь в ш л я п е (встаёт). Я достаточно
храбр, чтобы схватить быка за рога и заставить
его лизать песок на арене, я достаточно храбр,
чтобы съесть его сырые мозги, и я уверен, что
вот этим зубам никогда не надоест рвать врага на
части. (*Быстро уходит.*)

Дон Дроздильо юркнул в левую дверь.

Б а ш м а ч н и ц а (хватаясь за голову). Боже
мой! Боже мой! Боже мой! Боже мой! (*Садится.*)
На пороге появляется Малыш. Он подходит к Башмач-
нице и закрывает ей руками глаза.

М а л ы ш. Кто я?

Б а ш м а ч н и ц а. Моя деточка, виффлеемский пастушок.

М а л ы ш. Да, это я. *(Целуются.)*

Б а ш м а ч н и ц а. Пришёл за полдником?

М а л ы ш. Если дашь...

Б а ш м а ч н и ц а. Сегодня получишь плитку шоколада.

М а л ы ш. Да? Я люблю к тебе ходить.

Б а ш м а ч н и ц а *(протягивает ему плитку)*. Потому что ты маленький взяточник?

М а л ы ш. Я? Видишь синяк на колене?

Б а ш м а ч н и ц а. Покажи! *(Садится на низенький стульчик и сажает Малыша на коня.)*

М а л ы ш. Это — Кунильо! Он пел про тебя песню... а я ему дал по морде, тогда он швырнул в меня камень — бац! — и вот, гляди...

Б а ш м а ч н и ц а. Тебе очень больно?

М а л ы ш. Сейчас нет, но я плакал.

Б а ш м а ч н и ц а. Не обращай внимания, мало ли кто что говорит.

М а л ы ш. Он нехорошие слова говорил. Я их знаю, понимаешь? Только не хочу повторять.

Б а ш м а ч н и ц а *(смеясь)*. Попробуй: я тебе тогда на язык перцу насыплю, будет жечь, как горячий уголь. *(Оба смеются.)*

М а л ы ш. А почему все говорят, будто ты виновата в том, что твой муж ушёл?

Б а ш м а ч н и ц а. Это они, они во всём виноваты, из-за них я такая несчастная.

М а л ы ш *(печально)*. Не надо, сапатерита!

Б а ш м а ч н и ц а. Я ему так в глаза и смотрела. Когда он приехал на белом коне...

М а л ы ш *(перебивает)*. Ха-ха-ха! Ты врешь. У сеньора башмачника не было коня.

Б а ш м а ч н и ц а. Будь повежливей, Малыш.

У него был конь, конечно, был... только... только тебя-то ещё тогда на свете не было.

М а л ы ш (*проводя рукой по лицу*). Ах, да! Верно!

Б а ш м а ч н и ц а. Понимаешь... я его увидела в первый раз, когда стирала бельё в ручье. Воды там на полметра, и когда её взбурлишь, то видно, как камешки на дне смеются, смеются... На нём был чёрный костюм в талию, красный шёлковый галстук и четыре золотых кольца, и они сияли, как четыре солнца.

М а л ы ш. Ой, как красиво!

Б а ш м а ч н и ц а. Он взглянул на меня, я на него. Я разлеглась на траве. До сих пор чувствую на лице тот свежий ветерок, что шумел в деревьях. Он остановил коня, а хвост у этого коня был весь белый и такой длинный, что тянулся до середины ручья. (*Башмачница почти плачет. Издали доносится пение.*) Я была так смущена, что уронила в воду два прелестных платочка, вот таких крошечных, и их унесло течением.

М а л ы ш. Вот здорово!

Б а ш м а ч н и ц а. И тогда он мне сказал...

Пение ближе. Пауза.

Чш-шш!

М а л ы ш (*встаёт*). Песенка!

Б а ш м а ч н и ц а. Песенка!

Пауза. Оба слушают.

Ты знаешь, о чём в ней поётся?

М а л ы ш (*машиет рукой*). Знаю, знаю.

Б а ш м а ч н и ц а. Ну так спой, я тоже хочу знать.

М а л ы ш. Зачем?

Б а ш м а ч н и ц а. Хочу знать, о чём в ней поётся.

М а л ы ш. Ну, слушай! (*Подхватывает песню.*)

Муж сеньоры сапатеры
Не успел покинуть город —
Завела она таверну,
И сбежались к ней сеньоры.

Б а ш м а ч н и ц а. Они у меня дождутся!
М а л ы ш (*стучит рукой по столу, отбивая такт*).

Кто тебе, о, сапатера,
Дарит платья дорогие,
И капоты из батиста,
И платочки кружевные?

Сам алькальд по ней вздыхает,
И вздыхает дон Дроздильо.
Сапатера, сапатера,
Как себя ты осрамила!

Пение за сценой всё приближается. Теперь уже можно различить аккомпанемент бубна. Башмачница хватает шаль и накидывает на плечи.

М а л ы ш (*испуганно*). Куда ты?

Б а ш м а ч н и ц а. Они меня доведут до того,
что я куплю револьвер!

Пение стихает. Башмачница бежит к двери, но на пороге сталкивается с величественным А л ь к а л ь д о м, который входит, стуча жезлом.

А л ь к а л ь д. Кто здесь отпускает?

Б а ш м а ч н и ц а. Дьявол!

А л ь к а л ь д. Что случилось?

Б а ш м а ч н и ц а. Случилось то, о чём вы давно должны были знать и чего вы как алькальд не должны были допускать. Народ распевает обо мне песенки, соседи хохочут у дверей, и раз у меня нет мужа, который мог бы меня защитить; то я иду защищать себя сама, если на плечах у

наших властей не головы, а пустые тыквы, если они — нули без палочки, заводные куклы.

М а л ы ш. Очень хорошо сказано.

А л ь к а л ь д (*сердито*). Малыш, Малыш, не болтай, чего не следует... (*Башмачнице.*) Знаешь ли ты, что я только что сделал? Я засадил в тюрьму не то двоих, не то троих из тех, кто пел эти песенки.

Б а ш м а ч н и ц а. Хотела бы я, чтоб это было так.

Г о л о с (*за сценой*). Малы-ы-ыш!

М а л ы ш. Меня мать зовёт. (*Бежит к окну.*) Что-о-о? До свиданья. Если хочешь, я принесу тебе огромную саблю моего дедушки, он с ней ходил на войну. Я-то с ней не справлюсь, понимаешь? Ну, а ты...

Б а ш м а ч н и ц а (*смеясь*). Что захочешь, то и сделаю!

Г о л о с (*за сценой*). Малы-ы-ыш!

М а л ы ш (*уже на улице*). Что-о-о-о?

А л ь к а л ь д. По-моему, только с этой маленькойбестией ты и обращаешься по-человечески.

Б а ш м а ч н и ц а. Вы слова сказать не можете, чтобы меня не обидеть... Чему изволите смеяться, ваша светлость?

А л ь к а л ь д. Тому, что ты такая красивая и такая разборчивая!

Б а ш м а ч н и ц а. А, пёс с ними со всеми! (*Подает ему бокал вина.*)

А л ь к а л ь д. Как всё обманчиво в этом мире! Я знал женщин, ярких, как мак, прекрасных, как душистые розы, смуглых, с огнём в глазах; женщин, чьи волосы пахли туберозой, а руки были всегда горячи; женщин, чью талию можно было обхватить двумя пальцами, но таких, как ты... но таких, как ты,—нет! Третьего дня я всё утро пролежал в постели, больной, только из-за

того, что ты развесила на дворе две свои рубашки с голубыми бантами, и я их увидел, а это всё равно, что увидеть тебя, моя радость!

Башмачница (*вне себя*). Замолчите, старый чорт, замолчите! У самого дочки-невесты; на руках огромная семья, а он тут шашни заводит; да ещё так нагло, и говорит мне всякие мерзости!

Алькальд. Я вдовец.

Башмачница. А я замужем.

Алькальд. Но муж тебя бросил и не вернётся, в этом я уверен.

Башмачница. Я буду жить так, как если бы он у меня был.

Алькальд. А я знаю, что твой муж тебя вот настолечко не любил, он мне сам об этом сказал.

Башмачница. А я знаю, что все ваши четыре жены, разрази их гром, терпеть вас не могли.

Алькальд (*ударяет жезлом в пол*). Довольно!

Башмачница (*бросает на пол стакан*). Довольно!

Пауза.

Алькальд. Попала бы ты в мои руки, я бы тебя живо скрутил!

Башмачница (*насмешливо*). Что вы скавали?

Алькальд. Ничего... Я думал о том, что если б ты вела себя как следует, я бы тебе доказал, что у меня хватит мужества и смелости заключить сделку в присутствии нотариуса насчёт одного великолепного дома.

Башмачница. Ну и что же?

Алькальд. Одна гостиная в этом доме стоит пять тысяч реалов, на столах большие вазы, на окнах парчовые занавески, несколько трюмо...

Башмачница. Ну и что же?

Алькальд (*разливается соловьём*). А то, что в этом доме стоит кровать, украшенная птичками и бронзовыми лилиями, а при доме сад, а в саду растут шесть пальм, бьёт фонтан, но пока дом стоит мрачный и ждёт, чтобы в его покоях поселилась одна моя хорошая знакомая, которая будет в этом доме... (*Повернувшись лицом к Башмачнице.*) Послушай, в этом доме ты будешь настоящей королевой!

Башмачница (*насмешливо*). Я не привыкла к роскоши. Сами сидите в этой гостиной; валяйтесь на кровати, глядитесь во все зеркала, ложитесь под пальмы и разевайте рот; чтобы вам туда сыпались финики, а я башмачницей была — башмачницей и останусь.

Алькальд. А я алькальдом. Но ты помни: не надо плевать в колодезь — годится напиток.

Башмачница. И вы мне не нужны, и никто мне не нужен. А вы ещё такой старый!

Алькальд (*возмущённо*). Кончится тем, что я тебя упрячу в тюрьму.

Башмачница. Попробуйте!

За сценой уморительно играет рожок.

Алькальд. Что это?

Башмачница (*широко открывает глаза; весело*). Петрушка! (*От радости хлопает себя по коленям.*)

Мимо окна проходят Соседка в красном и Соседка в тёмнофиолетовом.

Соседка в красном. Петрушка!

Соседка в тёмнофиолетовом.
Петрушка!

Малыш (*в окне*). А обезьянок привезли? Идём!

Башмачница (*Алькальду*). Я запираю дом!

Малыш. Они идут к тебе!

Башмачница. Да? (*Идёт к двери.*)
Малыш. Смотри!

Входит Башмачник в costume Петрушки. В руках у него рожок, за спиной свёрнутая в трубочку лубочная картинка. Толпа, окружавшая его, останавливается у двери. Башмачница принимает выжидательную позу.

Малыш прыгает в окно и хватается за её юбку.

Башмачник. Добрый день!

Башмачница. Добрый день, сеньор Петрушка!

Башмачник. Можно здесь отдохнуть?

Башмачница. И выпить, если желаете.

Алькальд. Входите, входите, милейший, и заказывайте всё, что вашей душе угодно... я за всё плачу. (*Соседкам.*) А вам что здесь нужно?

Соседка в красном. На улице мы как будто никому не мешаем.

Башмачник (*рассеянно оглядываясь по сторонам; кладёт картинку на стол*). Оставьте их... сеньор алькальд; если не ошибаюсь?.. Благодаря им я зарабатываю себе на хлеб.

Малыш. Какой знакомый голос! (*В продолжение всей сцены он с огромным изумлением смотрит на Башмачника.*) Начинать представление!

Соседки смеются.

Башмачник. Вот только допью стакачик.

Башмачница (*радостно*). Так вы будете представлять у меня в доме?

Башмачник. Если позволишь.

Соседка в красном. Значит, нам можно войти?

Башмачница (*сухо*). Можете войти. (*Наливает ещё стакан Башмачнику.*)

Соседка в красном (*садится*). Позабавимся немножко.

А л ь к а л ь д (*тоже садится*). Вы издалека?

Б а ш м а ч н и к. Очень издалека.

А л ь к а л ь д. Из Севильи?

Б а ш м а ч н и к. Дальше.

А л ь к а л ь д. Из Франции?

Б а ш м а ч н и к. Ещё подальше.

А л ь к а л ь д. Из Англии?

Б а ш м а ч н и к. С Филиппинских островов.

Соседки изумлённо перешёптываются. Башмачница в восторге.

А л ь к а л ь д. Бунтовщиков вы там видели?

Б а ш м а ч н и к. Вот как вас всех.

М а л ы ш. А какие они?

Б а ш м а ч н и к. Свирепые. И, представьте, все они — башмачники.

Соседки смотрят на Башмачницу.

Б а ш м а ч н и ц а (*вспыхнув*). И все занимают-ся одним и тем же ремеслом?

Б а ш м а ч н и к. Одним и тем же. На Филиппинских островах все башмачники.

Б а ш м а ч н и ц а. Может, филиппинские башмачники и дураки, а наши башмачники такие умницы, такие умницы!

С о с е д к а в к р а с н о м (*льстиво*). Вот уж это верно.

Б а ш м а ч н и ц а (*грубо*). А вас не спрашивают.

С о с е д к а в к р а с н о м. Ай, дочка!..

Б а ш м а ч н и к (*перебивает её и старается перекричать спорящихся*). Прекрасное вино! (*Ещё громче.*) Замечательное вино! (*Воцаряется тишина.*) Вино из винограда, чёрного, как сердце у некоторых женщин.

Б а ш м а ч н и ц а. У которых оно есть!

А л ь к а л ь д. Чш! А вы чем занимаетесь?

Б а ш м а ч н и к (*осушает стакан и причмо-*

кивает языком; глядя на Башмачницу). А моя работа не видна, да зато требует большого труда. Я показываю оборотную сторону жизни. На моих картинках нарисованы приключения кроткого башмачника, приключения Фьерабраса из Александрии, жизнь дона Дьего Коррьентеса и похождения отважного Франсиско Эстэвана; самое же главное, я обладаю искусством надевать намордники на болтливых и сварливых жён.

Б а ш м а ч н и ц а. Ах, это умел и мой бедный муженёк!

Б а ш м а ч н и к. Прости ему господь!

Б а ш м а ч н и ц а. Эй, вы...

Соседки смеются.

М а л ы ш. Молчи!

А л ь к а л ь д (*властно*). Тише! Эти наставления всем не мешает послушать. (*Башмачнику*)
Пожалуйста.

Башмачник развёртывает картину, на которой изображена история слепца. Картина разделена на небольшие квадраты и разрисована яркими красками, фон жёлтый. Соседки подвигаются поближе к Башмачнику. Башмачница садится и берёт Малыша к себе на колени.

Б а ш м а ч н и к. Внимание!

М а л ы ш. Ой, как красиво! (*Обнимает Башмачницу.*)

Шопот.

Б а ш м а ч н и ц а. Слушай внимательно, а то, жожет, я не всё пойму.

М а л ы ш. Трудней закона божьего ничего не может быть.

Б а ш м а ч н и к. Почтенная публика! Послушайте правдивую и назидательную повесть об одной краснощёкой женщине и об её терпеливом муже, и да послужит она предостережением и

примером всему честному народу. (*Загробный голос.*) Внимайте и поучайтесь!

Соседки вытягивают шеи, иные хватают друг друга за руки.

М а л ы ш. Правда, у Петрушки голос, как у твоего мужа?

Б а ш м а ч н и ц а. У моего мужа голос был нежнее.

Б а ш м а ч н и к. Можно начинать?

Б а ш м а ч н и ц а. У меня мурашки по телу бегают.

М а л ы ш. И у меня!

Б а ш м а ч н и к (*водя палочкой по картинке*)-

Близ Кордовы был чей-то дом,
И там, среди олеандров белых,
Среди кустов и цепких лоз,
Жил шорник с шорницей своею.

Все настораживаются.

Она была сварливой бабой,
А он прославился терпением.
Ей было лет... пожалуй, двадцать,
Ему... ему за пятьдесят.
Взгляните, баба смотрит зверем.
Вот так и кажется: сейчас
Она его живьем проглотит.
А он молчит... молчит и терпит.

На картине нарисована женщина с детски-капризным выражением лица.

Б а ш м а ч н и ц а. Вот скверная баба!

Б а ш м а ч н и к.

Ах, что за кудри у неё!
Императрице впору!.. Тело —
Прозрачней свежих вод Лусены.

Весной, когда раскинет юбки
Она по ветру, сладким цветом
Лимонов пахнет от неё
И вешней травкой в час вечерний.
Нет шорницы краше:
Весь мир обойдёшь —
Слаще ты не найдёшь
Шорницы нашей!

Соседки смеются.

Глядите — у её окна
Разряженные вертопрахи
Гарцуют на своих конях,
Гордящихся нарядной сбруей.
Смотрите — вот один из них...
Как резво конь под ним играет,
Как весело в крыльцо он бьёт
Своим подкованным копытом!..
Весь день галантный кавалер
Ведёт с хозяйкою беседу,
Меж тем как бедный старый муж
Над кожей трудится усердно.

(Скрестив руки на груди, трагическим голосом.)

Ты честен, муж, но стар и сед,
А шорница — весны свежее.
И вот, бездельник молодой
Твою любовь и честь похитил.

Башмачница, которая всё время тяжело вздыхала, вдруг
разражается слезами.

Башмачник *(повернувшись к ней)*. Что
с вами?

Алькальд. Дочь моя! *(Стучит жезлом.)*
Соседка в красном. Кому надо мол-
чать, тот всегда плачет!

Соседка в тёмнофиолетовом.
Продолжайте!

Соседки шушукуются.

Башмачница. Мне жалко, и я не могу удержаться, видите? Не могу. *(Старается удержать слёзы и смешно всхлипывает.)*

Алькальд. Тише!

Малыш. Вот видишь!

Башмачник. Прошу не прерывать меня. Сразу видно, что вы не знаете, как трудно читать стихи наизусть.

Малыш *(вздыхает)*. Это правда!

Башмачник *(угрюмо)*.

Вот как-то, в жаркий летний полдень,

В тот час, когда бессильно никнут

Душистой жимолости ветки,

Когда в горах, обнявшись нежно,

Танцуют ветерок и тмин, —

В сад вышла шорница — полить

Левкои. Вдруг пред нею вырос

Её дружок, и молвил он:

— Голубка, хочешь, завтра вместе

Отужинаем мы с тобою —

И за твоим столом? — А муж?

— Он не узнает. — Милый, что ты

Задумал? — Я? Убить его.

— Он ловок и силён. Револьвер

Есть у тебя? — Я лучше бритвой.

— Она остра и режет крепко?

— Да, крепче холода могилы.

Башмачница закрывает глаза и прижимает к себе Малыша.
Соседки крайне возбуждены.

Гляди: на ней зазубрин нет.

— А ты не лжёшь? — Я десять метких

Ему ударов нанесу:

Четыре в спину, два под сердце

И по два в каждое бедро.
Поверь, рука моя не дрогнет,
Отвагой пылкой я горю...
— И ты убьёшь его немедленно?
— Когда он, завтра ввечеру,
Домой с базара зашагает,
Я буду ждать его во рву,
Там, где расходятся дороги.

В то время как Башмачник произносит последний стих, за сценой внезапно раздаётся громкий, отчаянный крик. Соседки вскакивают. Опять кричат, но уже ближе. У Башмачника выпадают из рук картина и палочка. Все уморительно дрожат.

Соседка в чёрном (*в окне*). Они взялись за ножи!

Башмачница. Ах, боже мой!

Соседка в красном. Пресвятая дева!

Башмачник. Ну и дела!

Соседка в чёрном. Бьются насмерть!
Искровянили друг друга из-за этой бабы!

Обе соседки показывают на Башмачницу.

Алькальд (*с беспокойством*). Надо пойти посмотреть!

Малыш. Ой, как страшно!

Соседка в зелёном. На помощь, на помощь! (*Уходит.*)

Голос за сценой. Из-за этой скверной бабёнки!

Башмачник. Я этого не вынесу, я этого не вынесу! (*Схватившись за голову, бежит по сцене.*)

Все соседки поспешно уходят, громко крича и бросая гневные взгляды на Башмачницу. Та быстро закрывает окно и дверь.

Башмачница. Видите, какая подлость? Клянусь всеми святыми, я ни в чём не виновата.

Ай! Что там такое?.. Смотрите, смотрите, как я дрожу. (*Показывает ему свои дрожащие руки.*) Руки точно хотят убежать от меня.

Башмачник. Успокойся, милая. Твой муж на улице?

Башмачница (*плачет*). Мой муж? Ах, сеньор!

Башмачник. Что с ним?

Башмачница. Из-за этих людей муж меня бросил, и я осталась одна, и некому меня приласкать.

Башмачник. Бедняжка!

Башмачница. А как я его любила! Прямо с ума сходила по нём!

Башмачник (*не удержавшись*). Неправда!

Башмачница (*сразу перестаёт плакать*). Что вы сказали?

Башмачник (*смущённо*). Я говорю, что всё это так... непонятно, что... не очень похоже на правду.

Башмачница. Вы совершенно правы, но с тех пор я не ем, не сплю, не живу; ведь он был моей радостью, моей защитой.

Башмачник. И, зная, что вы его так любите, он всё-таки оставил вас? Как видно, у вашего мужа не все дома.

Башмачница. Извольте спрятать свой язык в карман. Вам никто не давал права высказывать своё мнение.

Башмачник. Простите, я не хотел...

Башмачница. Я вам скажу... он был такой умный!..

Башмачник (*насмешливо*). Вот как?

Башмачница. Да. Знаете, сколько сказок и романсов рассказывают и поют в деревнях? Так это — восьмая часть того, что он знал. Он знал... он знал... в три раза больше!

Башмачник (*серьёзно*). Не может быть.

Башмачница (*настойчиво*). В четыре раза больше... Когда мы ложились, он начинал рассказывать... разные старинные истории, о которых вы, может, и не слышали... (*Жокетливо*.) Мне становилось страшно... а он мне говорил: «Сокровище моё, ведь это всё люди выдумали!»

Башмачник (*гневно*). Ложь!

Башмачница (*в крайнем изумлении*). Что? Вы с ума спятили!

Башмачник. Ложь!

Башмачница (*гневно*). Как вы смаете так говорить, чортов Петрушка?

Башмачник (*встаёт; твёрдо*). Ваш муж был совершенно прав. Все эти истории — чистойшая ложь, выдумка, и только.

Башмачница (*грубо*). Конечно, сударь мой. Вы, кажется, принимаете меня за дурочку... но не станете же вы отрицать, что эти истории производят на слушателей впечатление.

Башмачник. Это уж совсем другой колленкор. Они производят впечатление на впечатлительные души.

Башмачница. У каждого человека есть чувства.

Башмачник. Как сказать. Много есть на свете бесчувственных людей. И в моём городе жила когда-то одна женщина... У неё было такое дурное сердце, что она переговаривалась через окно со своими дружками, а её муж с утра до поздней ночи тачал башмаки и туфли.

Башмачница (*встаёт и берётся за стул*). Это вы про меня говорите?

Башмачник. Что вы!

Башмачница. Повторите, что вы сказали? А ну, смелей!

Башмачник (*смирненно*). Сеньорита, что

вы говорите? Разве я вас знаю? Я вас ничем не оскорбил. Зачем же вы меня обижаете? Ну да, видно, такая уж моя судьба! *(Почти плачет.)*

Башмачница *(смягчившись)*. Выслушайте меня, добрый человек. Заговорила я с вами так потому, что живу я, как на угольях; все ко мне пристают, все меня осуждают; как же вы хотите, чтобы я не воспользовалась случаем и не защитила себя? Я так одинока, так молода, а живу только воспоминаниями... *(Плачет.)*

Башмачник *(почти плача)*. Я вас очень хорошо понимаю, милая девушка. Лучше, чем вы думаете, потому что... я вам должен сказать по секрету, я нахожусь... да, конечно, я нахожусь в таком же положении.

Башмачница *(заинтригованная)*. Не может быть?

Башмачник *(опускается на стул у стола)*. Меня... меня бросила жена!

Башмачница. И она ничем не поплатилась за это?

Башмачник. Она мечтала не о такой жизни, к какой привык я, она капризна, упряма, любит поболтать с молодыми людьми, любит дорогие лакомства, которые я не мог покупать, и вот, после одного крупного разговора, она меня покинула навсегда.

Башмачница. Что же, вы теперь так всё и бродите по свету?

Башмачник. Я ищу её, чтобы сказать ей, что я её простил, и прожить с ней остаток моих дней. Не в моём возрасте кочевать по постоянным дворам да по тавернам, ну их к богу!

Башмачница *(быстро)*. Выпейте горяченького кофею, после таких волнений это не мешает. *(Идёт за стойку налить кофе и поворачивается спиной к Башмачнику.)*

Башмачник (*смежно крестится широким крестом*). Спаси тебя господь, моя гвоздичка!

Башмачница (*подаёт ему кофе и, с подносом в руках, становится у стола. Башмачник пьёт мелкими глотками*). Вкусно?

Башмачник (*с нежностью*). Из ваших рук всё вкусно!

Башмачница (*улыбаясь*). Спасибо!

Башмачник (*допивая последний глоток*). Ах, как я завидую вашему мужу!

Башмачница. Почему?

Башмачник (*галантно*). Потому что он женился на прекраснейшей из женщин.

Башмачница (*польщённая*). Ах, что вы!

Башмачник. И теперь я даже рад, что мне придётся уйти отсюда, потому что вы одиноки, и я одинок, а вы такая красавица, а у меня язык без костей, того и гляди — какой-нибудь намёк...

Башмачница (*опомнившись*). Перестаньте, ради бога! Что это вы себе вообразили? Я храню своё сердце для того, кто странствует по белу свету, для кого я должна его хранить, — для моего мужа!

Башмачник (*в восторге бросает на пол шляпу*). Вот это я понимаю! Вот как должны рассуждать настоящие женщины!

Башмачница (*немного насмешливо и удивлённо*). По-моему, вы — того... (*Стучит пальцем по лбу.*)

Башмачник. Можете думать, что вам угодно. Но знайте, что я никого не люблю, кроме моей жены, моей законной супруги.

Башмачница. А я — моего мужа; никого, кроме моего мужа. Я это столько раз повторяла — чтобы даже глухие услышали. (*Сложив руки на груди.*) Ах, мой дорогой сапатерильо!

Б а ш м а ч н и к (в сторону). Ах, моя любимая сапатерилья!

Стук в дверь.

Б а ш м а ч н и ц а. Боже мой! Час от часу не легче. Кто это?

М а л ы ш. Открой!

Б а ш м а ч н и ц а. Неужели это Малыш? Ты зачем?

М а л ы ш. Я прибежал рассказать тебе...

Б а ш м а ч н и ц а. Да что такое?

М а л ы ш. Двое, не то трое парней порезали друг друга ножами, и, говорят, будто из-за тебя. Сколько крови! Женщины побежали к судье просить, чтобы он выгнал тебя из города. Мужчины велели пономарю звонить во все колокола, а они будут петь про тебя песенки. (*Малыш совсем запыхался. Он весь потный.*)

Б а ш м а ч н и ц а (*Баумачнику*). Слыхали?

М а л ы ш. На площади собралась толпа... как на ярмарке... и все против тебя!

Б а ш м а ч н и к. Мерзавцы! Я горю желанием стать на вашу защиту.

Б а ш м а ч н и ц а. Что вы! Вас посадят в тюрьму. Уж я сама что-нибудь придумаю.

М а л ы ш. Из окна видно всю эту кутерьму.

Б а ш м а ч н и ц а. Идём, я хочу сама убедиться в низости этих людей. (*Баумачница и Малыш быстро уходят.*)

Б а ш м а ч н и к. Ах, мерзавцы, мерзавцы!.. Ну, погодите, скоро я со всеми счёты сведу, вы мне заплатите... Домик мой! Какое тепло исходит от твоих дверей и окон! И как ужасны эти постоянные дворы, и как скверно кормят и каким жёстким кажется ложе на чужбине! И каким надо было быть дураком, чтобы не заметить, что моя жена — золото, чистейшее золото в мире! Кажется, я сейчас заплачу.

Соседка в красном (*быстро входит*).
Добрый человек!

Соседка в жёлтом (*быстро входит*).
Добрый человек!

Соседка в красном. Сейчас же уходите отсюда. Вы человек порядочный и вам не к лицу здесь оставаться.

Соседка в жёлтом. Это дом гниены, львицы.

Соседка в красном. Это дом подкидыша; она всем мужчинам вскружила голову.

Соседка в жёлтом. Или пусть сама убирается из города, или мы её выгоним. Она всех нас свела с ума.

Соседка в красном. Посмотрела бы я на неё мёртвую!

Соседка в жёлтом. В саване, с веткой на груди.

Башмачник (*с тоской*). Довольно!

Соседка в красном. Пролилась кровь.

Соседка в жёлтом. Не осталось чистых платков.

Соседка в красном. Были два молодца — как два солнца.

Соседка в жёлтом. А теперь у каждого в груди торчит нож.

Башмачник (*кричит*). Замолчите!

Соседка в красном. А всё из-за неё.

Соседка в жёлтом. Из-за неё, из-за неё, из-за неё!

Соседка в красном. Мы о вас беспокоимся.

Соседка в жёлтом. Хотим предупредить.

Башмачник. Лгуны, сплетницы, трепыхостки! Я вам сейчас все волосы вырву.

Соседка в красном (*к другой*). Она и его завлекла!

Соседка в жёлтом. Поцелуями, должно быть!

Башмачник. Ведьмы, чертовки, убирайтесь!

Соседка в чёрном (*в окне*). Кума, бежим! (*Убегает.*)

Соседка в красном. Ещё один попался в сети.

Соседка в жёлтом. Ещё один!

Убегают.

Башмачник. Вон, трещотки проклятые! Я вам бритвы вошью в подмётки! Вы ещё меня вспомните!

Малыш (*вбегают*). Мужчины вошли в дом алькальда. Пойду узнаю. (*Убегает.*)

Башмачница (*входит, решительно*). Ну, что ж, я остаюсь здесь, пусть только они попробуют войти. Они забыли, что я из семьи объездчиков, которые не раз без седла переваливали через горный хребет на своих скакунах.

Башмачник. И ваше мужество вам не изменит?

Башмачница. Кто, как я, обрёл силу в любви и верности, тот никогда не сдастся. Я буду бороться, пока не поседеют мои волосы.

Башмачник (*растроганный, идёт к ней*). Ах...

Башмачница. Что с вами?

Башмачник. Вы меня взволновали...

Башмачница. Смотрите, весь город против меня, они хотят меня убить, а я не боюсь. На нож отвечают ножом, на палку — палкой, а вот, когда запираешь на ночь дверь и ложишься одна... тогда нападает такая тоска, такая

тоска! Еле дышишь от страха!.. Всего боишься: стукнула дверь, дождь забарабанил по стёклам, скрипнула подо мной пружина—и уж мерещится нивесть что! И всё это только страх одиночества, населённого привидениями, — я их раньше не видала, потому что не хотела видеть, но их видели моя мать, и моя бабушка, и все зрячие женщины в нашем роду.

Башмачник. Почему же вы не хотите изменить свою жизнь?

Башмачница. Да вы что, в своём уме? Что я буду делать? Куда я пойду? Нет, уж я останусь здесь, а там как бог даст.

Издали доносится шум толпы и аплодисменты.

Башмачник. Мне очень жаль, но я хочу засветло тронуться в путь. Сколько с меня? *(Свёртывает картину.)*

Башмачница. Ничего.

Башмачник. Нет, так я не согласен.

Башмачница. Услуга за услугу.

Башмачник. Большое спасибо. *(С грустным видом кладёт себе на плечо свёрнутую в трубку картину.)* Ну, прощайте... прощайте навек, потому что в моём возрасте... *(Он взволнован.)*

Башмачница *(тоже волнуется).* Не хотелось бы мне с вами так расставаться. Обычно я вселей... *(Звонко.)* Добрый человек! Да поможет вам бог найти свою жену и вновь зажить с ней счастливо и по-хорошему, как вы того заслуживаете.

Башмачник. То же самое я могу сказать о вас и о вашем супруге. Вы знаете, мир тесен. Если бы я случайно встретился с ним во время моих скитаний, что ему от вас передать?

Башмачница. Скажите, что я его боготворю.

Башмачник. А ещё что?

Башмачница. И что, несмотря на его пятьдесят с лишним лет, почтенные пятьдесят лет, он мне кажется самым стройным и сильным мужчиной в мире.

Башмачник. Какая вы прелесть! Вы любите его, как я свою жену.

Башмачница. Гораздо больше!

Башмачник. Это невозможно. Я — собачонка, а моя жена — хозяйка, — ну и пусть хозяйничает! Она добрей меня. *(Подходит к Башмачнице и любит ее.)*

Башмачница. И ещё не забудьте сказать, что я его жду и что зимние ночи долги.

Башмачник. Значит, вы его примете хорошо?

Башмачница. Как короля! Нет, как королевскую чету!

Башмачник *(дрожа)*. А что, если он сейчас придёт?

Башмачница. Я бы с ума сошла от радости!

Башмачник. Вы простили бы его глупость?

Башмачница. Я его ещё когда простила!

Башмачник. Хотите, чтобы он пришёл сейчас?

Башмачница. Ах, если бы!

Башмачник. Ну, так вот он!

Башмачница. Что такое?

Башмачник *(срывает очки и маску)*. Больше не могу! Любимая моя!

Башмачница, точно обезумев, стоит, раскинув руки. Башмачник обнимает её. Она пристально на него смотрит.

Г о л о с *(поёт за сценой)*.

Муж сеньоры сапатеры
Не успел покинуть город —

Завела она таверну,
И сбежались к ней сеньоры.

Б а ш м а ч н и ц а (*приходит в себя*). Бродяга, разбойник, подлец, негодяй! Ты слышишь? Всё из-за тебя! (*Опрокидывает стулья.*)

Б а ш м а ч н и к (*взволнованный, направляется к верстаку*). Жёнушка моя дорогая!

Б а ш м а ч н и ц а. Ах ты, бродяга всесветный! Как я рада, что ты вернулся! Какую я тебе жизнь устрою! Такой и во времена инквизиции не было! И в Риме, во времена гонения на христиан, не было такой жизни!

Б а ш м а ч н и к (*за верстаком*). Какое счастье снова очутиться в родном доме!

Пение ближе, в окне появляются соседи.

Хор (*за сценой*).

Кто тебе, о, сапатера,
Дарит платья дорогие,
И капоты из батиста,
И платочки кружевные?

Сам алькальд по ней вздыхает,
И вздыхает дон Дроздильо.

Сапатера, сапатера,
Как себя ты осрамила!

Б а ш м а ч н и ц а. Какая я несчастная! Нечего сказать, послал мне господь муженька! (*Идёт к двери.*) Молчать, продово семя! Чтоб у вас языки ваши поганые отсохли! Или нет, входите входите, входите, кто желает. Нас теперь двое, двое! Я и мой муж! И мы сумеем защитить наш дом. (*Мужу.*) Я и вот этот негодяй, я и вот этот бродяга! Песня врывается на сцену. Вдали яростный колокольный звон.

Занавес

КРОВАВАЯ СВАДЬБА

Трагедия в трёх действиях и семи картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

М а т ь.
Ж е н и х.
Н е в е с т а.
О т е ц н е в е с т ы
Л е о н а р д о.
Т ё щ а Л е о н а р д о.
Ж е н а Л е о н а р д о.
С л у ж а н к а.
С о с е д к а.
Д е в у ш к и.
Ю н о ш и.
Л у н а.
С м е р т ь (в образе нищенки).
Д р о в о с е к и.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната, окрашенная в жёлтый цвет.
На сцене М а т ь.

Ж е н и х (*входит*). М а т ь!

М а т ь. А?

Ж е н и х. Я ухожу.

М а т ь. Куда?

Ж е н и х. На виноградник. (*Идёт к двери.*)

М а т ь. Погоди.

Ж е н и х. Что такое?

М а т ь. Позавтракал бы, сынок.

Ж е н и х. Нет. Я поем винограду. Дай мне
нож.

М а т ь. Зачем?

Ж е н и х (смеясь). Срезать гроздь.

М а т ь (сквозь зубы, ища нож). Нож, нож...
Будь они прокляты, все ножи, и тот бездельник,
что их выдумал...

Ж е н и х. Поговорим о чём-нибудь другом.

М а т ь. И ружья, и пистолеты, и самый ма-
ленький ножик, даже кирки и лопаты.

Ж е н и х. Ладно!

М а т ь. Всё, что может убить мужчину. Кра-
сивый мужчина с цветком во рту идёт на вино-
градник или к своим собственным оливковым
деревьям — всё это его, всё это он получил в
наследство...

Ж е н и х (опустив голову). Замолчите.

М а т ь. ...и вот, этот мужчина не возвра-
щается. А если возвращается, то его остаётся только
накрыть пальмовым листом или поставить ему
на грудь миску с солью, чтобы тело не вздулось.
Не понимаю, как ты можешь носить с собой нож
и как я сама могу держать эту змею в ящике?

Ж е н и х. Может, довольно?

М а т ь. Проживи я сто лет, я бы только об
этом и говорила. Сперва твой отец... любовалась
я на него, как на гвоздику... и всего каких-ни-
будь три года длилось наше счастье. Потом твой
брат. Да как же это может быть, чтобы такая
маленькая вещь, как пистолет или нож, убивал
мужчину, сильного, как бык? Никогда я не за-
молчу. Время идёт, а горе всё сильнее жжёт
мне глаза и охватывает меня всю до кончиков
волос.

Ж е н и х (твёрдо). Ну, всё?

М а т ь. Нет. Не всё. Кто мне вернёт твоего от-
ца? Твоего брата? И потом... тюрьма. Что тюрь-
ма? Там едят, там курят, там играют на гитарах!
Мои два цветка увяли, умолкли, могилы их за-

росли травой... А убийцы веселятся в тюрьме, смотрят на горы...

Жених. Что же мне, убить их?

Мать. Нет... Я говорю это потому... Да как мне не говорить, когда я вижу, что ты выходишь в ту же самую дверь? Мне неприятно видеть тебя с ножом. И... я не хочу, чтобы ты шёл в поле!

Жених (смеясь). Да будет вам!

Мать. Я б хотела, чтоб ты был женщиной! Не надо было бы тебе уходить из дому, мы бы с тобой вышивали...

Жених (со смехом обнимает Мать). А если мне взять вас на виноградник?

Мать. Что старухе делать на винограднике? Ведь ты посадишь меня в тень?

Жених (приподнимает её). Старуха, старушка, старушечка.

Мать. Твой отец тоже брал меня с собой. Ты из хорошего рода. В тебе хорошая кровь. Дед твой оставил по ребёнку в каждом углу. Это мне нравится. Зерно должно быть зерном, мужчина — мужчиной.

Жених. А я, мать?

Мать. Что — ты?

Жених. Не понимаете?

Мать (мрачно). А!

Жених. Вам это не по душе?

Мать. Нет.

Жених. Тогда что же?

Мать. Сама не знаю. Так, сразу, — очень уж это неожиданно. Я знаю, что она хорошая девушка. Ведь правда? Скромная, работающая; месит тесто, сама шьёт себе платья... А вот стоит мне о ней заговорить, так меня точно кто камнем хватит по лбу.

Жених. Глупости.

М а т ь. Конечно, глупости. Да ведь я остаюсь одна. Кроме тебя, у меня никого нет, а теперь и ты уходишь.

Ж е н и х. Но вы будете жить с нами.

М а т ь. Нет. Я не могу оставить твоего отца и брата. Я должна ходить к ним каждое утро: вдруг я уеду, а кто-нибудь из Феликсов, из семьи убийц, умрёт и его похоронят рядом. Но этому не бывать! Нет! Не бывать! Ногтями вырою из земли убийц и раздроблю их трупы об стену.

Ж е н и х (*резко*). Опять вы за то же!

М а т ь. Прости меня. (*Пауза.*) Вы давно знакомы?

Ж е н и х. Три года. Я уж успел купить виноградник.

М а т ь. Три года. У неё был жених, верно?

Ж е н и х. Не знаю. Как будто нет. Девушки должны смотреть, за кого они выходят замуж.

М а т ь. Да. Я ни на кого не смотрела... Смотрела на твоего отца, а когда его убили, стала смотреть на стену вон того дома. Муж и жена — и чтоб больше никого.

Ж е н и х. Вы сами знаете, что моя невеста хорошая.

М а т ь. Верю. Жаль только, что я не знаю, какая у неё была мать.

Ж е н и х. А зачем это вам?

М а т ь (*пристально глядя на него*). Сынок!

Ж е н и х. Что такое?

М а т ь. Лишь бы всё было хорошо! Лишь бы ты не ошибся!.. Когда мне пойти её сватать?

Ж е н и х (*повеселев*). Если б в воскресенье?

М а т ь (*деловито*). Я принесу ей старинные серьги, а ты купишь...

Ж е н и х. Вы в этом больше понимаете...

М а т ь. Купишь ей несколько пар ажурных

чулок, а себе два костюма... нет, три! Ведь ты у меня один!

Жених. Я уйду. Завтра увидаюсь с ней.

Мать. Да, да, и подарь мне шесть внуков или сколько захочешь: ведь я с твоим отцом много детей нажить не успела.

Жених. Первенец будет ваш.

Мать. Да, только чтоб и девочки были. Я стану с ними вышивать, вязать кружева, и сердце у меня будет спокойно.

Жених. Я знаю, вы полюбите мою невесту.

Мать. Полюблю. *(Хочет поцеловать его и тут же спохватывается)*. Нет, велик ты для моих поцелуев. Целуй жену. *(Пауза. В сторону.)* Если она у тебя будет.

Жених. Я уйду.

Мать. Перекопай хорошенько около мельницы: там запущено.

Жених. Я же сказал!

Мать. Иди с богом.

Жених уходит. Мать сидит спиной к двери. На пороге появляется Соседка; она в тёмном платье, на голове у неё платок.

Входи.

Соседка. Как поживаешь?

Мать. Как видишь.

Соседка. Я ходила в лавку и зашла тебя проведать. Мы так далеко живём!

Мать. Я лет двадцать не была у вас на горе.

Соседка. Ты хорошо выглядишь.

Мать. Разве?

Соседка. Всему на свете бывает конец. Сыну моей соседки два дня назад машиной отрезало обе руки. *(Садится.)*

Мать. Рафаэлю?

Соседка. Да. Вот какие дела. Я часто

думаю; и твоему и моему сыну лучше там, где они теперь; чем быть калеками, лучше пусть спят спокойно.

М а т ь. Молчи! Это плохое утешение.

С о с е д к а. Ах!

М а т ь. Ах!

Пауза.

С о с е д к а (*печально*). А где твой сын?

М а т ь. Ушёл.

С о с е д к а. Наконец-то он купил виноградник!

М а т ь. Повезло.

С о с е д к а. А теперь женится.

М а т ь (*как бы внезапно очнувшись, придвигает стул поближе к Соседке*). Слушай.

С о с е д к а. Что такое?

М а т ь. Ты знаешь невесту моего сына?

С о с е д к а. Хорошая девушка!

М а т ь. Да, только...

С о с е д к а. Только никто её как следует не знает. Она живёт вдвоём с отцом, очень далеко, от них до ближайшего жилья десять миль. Но она хорошая. Привыкла жить одиноко.

М а т ь. А мать?

С о с е д к а. Мать я тоже знала. Она была красавица. Лицо у неё сияло, как у святой. А всё-таки она мне никогда не нравилась. Мужа своего она не любила.

М а т ь (*резко*). Чего только не знают люди!

С о с е д к а. Прости. Я не хотела тебя обидеть, но это правда. Ну, а как она себя вела, этого никто не знает. Ничего не было слышно. Гордая она была.

М а т ь. Опять!

С о с е д к а. Ведь ты же сама меня спросила.

М а т ь. Я б хотела, чтоб ни живую, ни мёрт-

вую никто не знал. Чтоб они были, как два репейника, чтоб никто к ним не подходил, а кто подошёл — тот укололся бы.

Соседка. Это верно. Твой сын многого стоит.

Мать. Да, многого. Я его и оберегаю. Говорили, будто у девушки прежде был жених.

Соседка. Ей тогда было лет пятнадцать. Он уже два года как женат на её двоюродной сестре. Никто про это не помнит.

Мать. А ты вот помнишь?

Соседка. Ты же сама меня спрашиваешь!

Мать. У кого что болит, тот о том и говорит. Кто был её женихом?

Соседка. Леонардо.

Мать. Какой Леонардо?

Соседка. Леонардо, из семьи Феликсов.

Мать (*встаёт*). Из семьи Феликсов!

Соседка. Да чем же виноват Леонардо? Ему было восемь лет, когда это случилось.

Мать. Правда... Но когда я слышу «Феликс», мне уже не до того. (*Сквозь зубы.*) Во рту грязь, надо скорей плюнуть, надо скорей плюнуть, а то я убью. (*Плюёт.*)

Соседка. Опомнись, что тебе от этого, легче будет?

Мать. Нет. Но ты меня понимаешь...

Соседка. Не мешай счастью своего сына. Ничего ему не говори. Ты стара. Я тоже. И тебе и мне надо молчать.

Мать. Я ничего ему не скажу.

Соседка (*целует её*). Ничего!

Мать (*спокойно*). Всё в жизни бывает!..

Соседка. Мне пора, скоро мои придут с поля.

Мать. Жара-то какая сегодня, а?

Соседка. Детишки, которые носят воду
жнецам, совсем почернели. Прощай, соседка!

Мать. Прощай! (*Идёт к двери налево. На
полпути она навливаясь и медленно крестится.*)

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната, окрашенная в розовый цвет; медная посуда,
букеты искусственных цветов. Посредине стол, накрытый
скатертью. Утро.

Тёща Леонардо с ребёнком на руках. Она его
укачивает. В другом углу Жена Леонардо вяжет
чулок.

Тёща.

Баю, милый, баю!
Песню начинаю
О коне высоком,
Что воды не хочет.
Чёрной, чёрной, чёрной
Меж ветвей склонённых
Та вода казалась.
Кто нам скажет, мальчик,
Что в воде той было?..

Жена (*тихо*).

Усни, мой цветочек!
Конь воды не хочет.

Тёща.

Усни, лепесточек!
Конь взял и заплакал.
Все избиты ноги,
Лёд застыл на гриве,
А в глазах сверкает
Серебро кинжала.

На коне высоком
Беглецы спасались,
Кровь свою мешая
С быстрою волною.

Ж е н а.

Усни, мой цветочек!
Конь воды не хочет.

Т ё щ а.

Усни, лепесточек!
Конь взял и заплакал.

Ж е н а.

К берегу сырому
Он не потянулся
Вспененною мордой;
Жалобно заржал он,
Поглядев на горы,—
Суровые горы.
Ах, мой конь высокий,
Ты воды не хочешь!..
Скорбь горы под снегом,
Кровь зари на небе...

Т ё щ а.

Не входи, помедли,
Заслони окошко
Сонной этой ветвью,
Сном, упавшим в ветви.

Ж е н а.

Мальчик засыпает.

Т ё щ а.

Мальчик затихает...
Баю, милый, баю,
Песню начинаю...

Ж е н а .

О коне высококом,
Что воды не хочет.

Т ё щ а .

Не входи, не надо!
За серой долиной,
За горою скорбной
Ждёт тебя подруга.

Ж е н а (*смотрит на ребёнка*).

Мальчик засыпает.

Т ё щ а .

Мальчик отдыхает.

Ж е н а (*совсем тихо*).

Усни, мой цветочек!
Конь воды не хочет.

Т ё щ а (*встаёт; совсем тихо*).

Усни, лепесточек!
Конь взял и заплакал.
(*Уносит ребёнка.*)

Входит Л е о н а р д о .

Л е о н а р д о . Как сын?

Ж е н а . Уснул.

Л е о н а р д о . Вчера ему было нехорошо.
Плакал ночью.

Ж е н а (*весело*). А сегодня свеженький, как
цветочек. А ты? В кузнице был?

Л е о н а р д о . Прямо оттуда. Ты не по-
веришь, вот уже два месяца то и дело меняю коню
подковы: всё отрываются. Должно быть, он сби-
вает их о камни.

Ж е н а . А не слишком ли много ты на нём
ездишь?

Леонардо. Нет. Он у меня почти не выходит из стойла.

Жена. Вчера мне говорили, будто видели тебя на равнине.

Леонардо. Кто говорил?

Жена. Соседки собирали каперсы и видели тебя. Я удивилась. Это правда?

Леонардо. Нет. Что мне там делать, на этой выжженной солнцем земле?

Жена. Я так и сказала. Но конь вспотел, как загнанный.

Леонардо. Ты сама видела?

Жена. Нет. Мне говорила мать.

Леонардо. Она с ребёнком?

Жена. Да. Хочешь лимонаду?

Леонардо. Только очень холодного.

Жена. Почему ты не пришёл к обеду?..

Леонардо. Я был у приёмщиков зерна. Они всегда задерживают.

Жена (*готовит лимонад; стараясь говорить как можно нежней.*) И дают хорошую цену?

Леонардо. Настоящую.

Жена. Мне нужно платье, а сыну шапочку с бантом.

Леонардо (*встаёт*). Пойду взгляну на него.

Жена. Осторожней, он спит.

Тёща (*входит*). Кто же так гоняет коня? Гляжу: растянулся на дворе, глаза выпучил, будто с того края земли примчался.

Леонардо (*недовольно*). Я на нём ездил.

Тёща. Прости, конь — твой.

Жена (*робко*). Он был у приёмщиков зерна.

Тёща. Мне что, пусть хоть совсем загонит. (*Садится*).

Пауза.

Жена. Вот лимонад. Холодный?

Леонардо. Да.

Жена. Знаешь, к двоюродной сестре сватаются?

Леонардо. Когда придут?

Жена. Завтра. Через месяц свадьба. Наверно, нас пригласят.

Леонардо (*мрачно*). Не знаю.

Тёща. Матери его, видно, не очень по душе этот брак.

Леонардо. Может, она и права. Она женщина осмотрительная.

Жена. Я не люблю, когда порочат хорошую девушку.

Тёща. Раз он так говорит, стало быть, знает. (*Многозначительно.*) Ты забыла, что она три года была его невестой?

Леонардо. Но я её бросил. (*Жене.*) Ты что, плакать собираешься? Перестань! (*Резким движением отнимает её руки от лица.*) Пойдём к сыну.

Уходят, обнявшись. Весело вбегает Девушка.

Девушка. Сеньора!

Тёща. Что такое?

Девушка. Жених был в лавке и купил всё самое лучшее.

Тёща. Один приходил?

Девушка. Нет, с матерью. Она такая высокая, важная. (*Подражает ей.*) И какие они выбирали роскошные вещи!

Тёща. Деньги у них есть.

Девушка. Купили несколько пар тонких чулок! Ах, какие чулки! Мечта женщин такие чулки! Смотрите: здесь ласточка (*показывает на шиколотку*), здесь корабль (*показывает на икру*), а здесь роза (*показывает выше колена*).

Тёща. Дитя!

Девушка. Роза, со стеблем, с лепестками
Ах! Всё шёлковое!

Тёща. Теперь они соединят свои капиталы.

Входят Леонардо и его Жена.

Девушка. Я пришла рассказать, что они покупают.

Леонардо. Это нас не касается.

Жена. Оставь её.

Тёща. Не надо так, Леонардо.

Девушка. Как вам угодно. (*Уходит, плача.*)

Тёща. Почему ты всем грубишь?

Леонардо. Я у вас совета не просил.
(*Садится.*)

Тёща. Ну, хорошо.

Пауза.

Жена (*Леонардо*). Что с тобой? Какая мысль гнетёт тебя? Скажи мне, я должна знать...

Леонардо. Перестань.

Жена. Нет! Посмотри мне в глаза и скажи.

Леонардо. Оставь меня. (*Встаёт.*)

Жена. Куда ты?

Леонардо (*раздражённо*). Может, ты помолчала бы?

Тёща (*властно — дочери*). Молчи!

Леонардо уходит.

Ребёнок! (*Уходит и сейчас же возвращается с ребёнком на руках. Жена стоит неподвижно.*)

Весь-то он изранен,
Лёд застыл на гриве,
А в глазах сверкает
Серебро кинжала.
На коне высоком
Беглецы спасались,

Кровь свою мешая
С быстрою волною.

Ж е н а (*медленно, как бы во сне*).

Усни, мой цветочек!
Конь к воде прильнул.

Т ё щ а.

Усни, лепесточек!
Конь взял и заплакал.

Ж е н а.

Баю, милый, баю!
Песню начинаю...

Т ё щ а.

О коне высокою,
Что воды не хочет.

Ж е н а (*с отчаянием в голосе*).

Не ходи, останься!
Там, в дали туманной, —
Скорбь горы под снегом,
Кровь зари на небе...

Т ё щ а (*плачет*).

Мальчик засыпает.

Ж е н а (*плача, медленно приближается к
Тёще*).

Мальчик отдыхает.

Т ё щ а.

Усни, мой цветочек!
Конь не хочет пить.

Ж е н а (*опершись на стол, плачет*).

Усни, лепесточек!

Конь взял и заплакал.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Выстроенное в пещере жилище, где живёт Невеста. В глубине комнаты — крест из больших розовых цветов. Овальные двери с кружевными занавесками и розовыми лентами. На белых прочных стенах — круглые веера, синие кувшины, зеркала.

С л у ж а н к а (*угодно, с притворным смиренным в голосе*). Проходите...

Входят Ж е н и х и М а т ь. Мать в чёрном атласном платье и кружевной мантилье. Жених в чёрном бархатном костюме, на груди у него массивная золотая цепочка.

Не угодно ли вам сесть? Сейчас выйдут. (*Уходит.*)

Мать и Сын сидят неподвижно, как статуи. Долгое молчание.

М а т ь. Часы при тебе?

Ж е н и х. Да. (*Вынимает часы и смотрит.*)

М а т ь. Мы должны вернуться засветло. Как далеко они живут!

Ж е н и х. А земля тут хорошая.

М а т ь. Хорошая, только уж очень пустынно кругом. Четыре часа ходьбы, и ни дома, ни дерева.

Ж е н и х. Засушливый край.

М а т ь. Твой отец насадил бы здесь деревьев.

Ж е н и х. Без воды?

М а т ь. Он бы отыскал. За три года, что мы прожили вместе, он развёл целый виноградник. Посадил десять вишнёвых деревьев (*припоми-*

ная), три ореховых, возле мельницы, и ещё одно растение с красными цветками, «Юпитер», — оно засохло.

Пауза.

Ж е н и х (о Невесте). Должно быть, она одевается.

Входит Отец невесты. Это старик с блестящими седыми волосами. Он смотрит исподлобья. Мать и Жених встают и молча обмениваются с ним рукопожатиями.

О т е ц. Долго шли?

М а т ь. Четыре часа.

Садятся.

О т е ц. Вы шли дальней дорогой.

М а т ь. Берегом идти мне не под силу, стара стала.

Ж е н и х. У неё кружится голова.

Пауза.

О т е ц. Дрок хорошо уродился.

Ж е н и х. Да, хорошо.

О т е ц. В моё время на этой земле даже дрок не хотел расти. Её надо было колотить и чуть ли не слезами поливать — тогда что-нибудь соберёшь.

М а т ь. Зато теперь земля хорошо родит. Не жалуйся. Я не просить к тебе пришла.

О т е ц (улыбаясь). Ты богаче меня. Виноградник — это целое состояние. Каждая ветвь — серебряная монета. Одно плохо: моя земля... разбросана, понимаешь? Я люблю, чтобы всё было вместе. А в мою землю клином врезался огородик, он у меня, как заноза в сердце, и не продают мне его за всё золото в мире.

Ж е н и х. Это часто бывает.

О т е ц. Перевезти бы сюда на двадцати парах

быков твой виноградник и рассадить по склону горы! Вот было бы хорошо!..

М а т ь. Зачем перевозить?

О т е ц. Моё принадлежит ей, а твоё — ему. Чтоб всё было вместе; когда всё вместе — сердце радуется!

Ж е н и х. И работы было бы меньше.

М а т ь. Когда я умру, продайте мой виноградник и купите где-нибудь по соседству.

О т е ц. Продать, продать! Покупать, а не продавать надо. Были бы у меня сыновья, я бы купил всю гору до самого источника. Земля здесь плохая, это верно, ну, а руки на что? Люди здесь не ходят, воровать некому, можешь спать спокойно.

Пауза.

М а т ь. Ты знаешь, зачем я пришла?

О т е ц. Да.

М а т ь. Ну, и что же?

О т е ц. Они сговорились.

М а т ь. Мой сын на все руки мастер.

О т е ц. Моя дочь тоже.

М а т ь. Мой сын красивый. Он не знал женщин. Его честь чище простыни, вывешенной на солнце.

О т е ц. Что тебе сказать о моей дочери? Она месит тесто в три часа утра, когда ещё светят звёзды. Молчалива, характер у неё мягкий, как шерсть, мастерица вышивать и зубами канат перегрызёт.

М а т ь. Да благословит господь твой дом.

О т е ц. Да благословит господь!

Входит С л у ж а н к а с двумя подносами. На одном рюмки, на другом — пирожные.

М а т ь (сыну). Когда же вы хотите устроить свадьбу?

Жених. В четверг.

Отец. В этот день ей как раз исполнится двадцать два года.

Мать. Двадцать два года! Столько же было бы моему старшему сыну. Если б люди не выдумали пистолеты, он был бы всё такой же сильный, горячий.

Отец. Не надо об этом думать.

Мать. Каждую минуту думаю. Спроси своё сердце.

Отец. Стало быть, в четверг. Решено?

Жених. Решено.

Отец. Церковь отсюда очень далеко, жених с невестой и мы с тобой поедem в коляске, а гости — кто в повозках, кто верхом.

Мать. Мы согласны.

Проходит Служанка.

Отец. Скажи ей, что можно войти. (*Матери.*) Рад буду, если она тебе понравится.

Входит Невеста, скромно опустив голову и руки.

Мать. Подойди ко мне. Ты довольна?

Невеста. Да, сеньора.

Отец. Не хмурься. Ведь она тебе матерью будет.

Невеста. Я довольна. Я выхожу за него по доброй воле.

Мать. Конечно. (*Берёт её за подбородок.*) Посмотри на меня.

Отец. Она вся в мать.

Мать. Да? От неё глаз не оторвёшь! Ты знаешь, что такое выйти замуж, девушка?

Невеста (*мрачно*). Знаю.

Мать. Муж, дети и стена толщиной в два локтя, вот и всё.

Жених. А разве ещё что-нибудь нужно?

М а т ь. Ничего. Пусть все так живут! Все!

Н е в е с т а. Я сумею так жить.

М а т ь. Вот тебе подарки.

Н е в е с т а. Спасибо.

О т е ц. Что же вы ничего не кушаете?

М а т ь. Я не хочу. (*Жениху.*) А ты?

Ж е н и х. Я съем. (*Он и Невеста берут по пирожному.*)

О т е ц (*Жениху*). Вина?

М а т ь. Он его в рот не берёт.

О т е ц. Тем лучше!

Пауза. Все встают.

Ж е н и х (*Невесте*). Завтра я приду.

Н е в е с т а. В котором часу?

Ж е н и х. В пять.

Н е в е с т а. Я буду ждать тебя.

Ж е н и х. Когда я сижу рядом с тобой, мне очень неловко, в горле точно ком застрял.

Н е в е с т а. Когда ты станешь моим мужем, это пройдёт.

Ж е н и х. Я тоже так думаю.

М а т ь. Идём. Солнце не ждёт. (*Отцу.*) Вы обо всём сговорились?

О т е ц. Обо всём.

М а т ь (*Служанке*). Прощай!

С л у ж а н к а. Храни вас господь!

Мать целует Невесту; все молча направляются к выходу.

М а т ь (*в дверях*). Прощай, дочка!

Невеста делает знак рукой.

О т е ц. Я вас провожу.

Уходят.

С л у ж а н к а. Не терпится мне взглянуть на подарки.

Невеста (*сердито*). Отстань.

Служанка. Девочка, покажи!

Невеста. Не хочу.

Служанка. Ну, хоть чулки. Говорят, они совсем прозрачные. Дай посмотреть!

Невеста. Нет, не дам!

Служанка. Ради бога! Ну, ладно... Можно подумать, что ты и замуж не хочешь!

Невеста (*в бешенстве кусает себе руку*). Ай!

Служанка. Девочка, дочка, что с тобой? Или жаль тебе стало беззаботной девичьей жизни? Не печалься. С чего бы, кажется? Право, не с чего... Поглядим, что за подарки. (*Берёт коробку.*)

Невеста (*хватает её за обе руки*). Оставь!

Служанка. Ах, ты!

Невеста. Оставь, тебе говорят!

Служанка. Да ты сильнее мужчины!

Невеста. Разве я не привыкла к мужской работе? Ах, если б я была мужчиной!

Служанка. Не говори так!

Невеста. Молчи, тебе говорят!

На сцене становится темно. Долгая пауза.

Служанка. Ты слышала ночью стук копыт?

Невеста. В котором часу?

Служанка. В три часа.

Невеста. Наверно, конь отбился от табуна.

Служанка. Нет. На нём был всадник.

Невеста. Откуда ты знаешь?

Служанка. Сама видела. Он остановился у твоего окна. Я так испугалась!

Невеста. Может, это мой жених? Иногда он в этот час проезжал под моим окном.

Служанка. Нет.

Невеста. Ты разглядела?

Служанка. Да.

Невеста. Кто ж это был?

Служанка. Леонардо.

Невеста (*резко*). Ложь! Ложь! Зачем он сюда придет?

Служанка. Приезжал же!

Невеста. Молчи! Будь проклят твой язык!

Стук копыт.

Служанка (*у окна*). Посмотри, выгляни в окно. Это он?

Невеста. Он!

Занавес быстро опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сени в жилище Невесты. В глубине большая дверь. Ночь. Входит Невеста в белом корсаже и белой кружевной юбке с вышивкой по краям, руки у неё обнажены. Служанка одета так же.

Служанка. Я закончу твою причёску здесь.

Невеста. Там невыносимо душно.

Служанка. В этих краях и на рассвете нечем дышать.

Невеста садится на низкий стул и смотрится в ручное зеркальце. Служанка причёсывает её.

Невеста. В том краю, где родилась моя мать, растёт много деревьев. Там плодородные земли.

Служанка. Оттого она и была такая весёлая.

Невеста. А здесь зачахла.

Служанка. Судьба!

Н е в е с т а. Все мы чахнем. Здесь стены пышут огнём. Ай! Зачем так туго!

С л у ж а н к а. Хочу покрасивей уложить эту прядь. Она должна падать на лоб. (*Невеста смотрится в зеркало.*) Ах, ты, красавица моя! (*Порывисто целует её.*)

Н е в е с т а (*мрачно*). Скорей причёсывай.

С л у ж а н к а (*продолжает причёсывать*). Счастливая ты: скоро обнимешь мужчину, будешь целовать его, узнаешь, какое у него тяжёлое тело.

Н е в е с т а. Молчи!

С л у ж а н к а. А лучше всего — это когда ты просыпаешься и чувствуешь, что он рядом и что он щекочет тебе плечи своим дыханием, как соловей пёрышком.

Н е в е с т а (*резко*). Да замолчишь ли ты?

С л у ж а н к а. Э, девочка! Что такое свадьба? Только это, и больше ничего. Разве это пирожные? Разве это букеты цветов? Нет. Это — новая кровать и мужчина с женщиной.

Н е в е с т а. Не надо об этом говорить.

С л у ж а н к а. Как хочешь. Только это очень радостно!

Н е в е с т а. Или очень горько.

С л у ж а н к а. Апельсинную ветку я положу сюда, вот так, чтобы веночек красовался на причёске. (*Примеряет.*)

Н е в е с т а (*смотрится в зеркало*). Возьми её. (*Снимает ветку и молча на неё смотрит. Голова её бессильно падает на грудь.*)

С л у ж а н к а. Что с тобой?

Н е в е с т а. Оставь меня.

С л у ж а н к а. Сейчас не время грустить. (*Взволнованно.*) Не трогай ветку. (*Невеста срывает с головы ветку.*) Девочка! Зачем ты срываешь веночек, зачем ты беду на себя накликаешь? Под-

ними голову! Тебе что, не хочется замуж? Скажи, пока не поздно. (*Встаёт.*)

Н е в е с т а. Голова закружилась. И сердце щемит. С кем этого не бывает!

С л у ж а н к а. Ты любишь своего жениха?

Н е в е с т а. Люблю.

С л у ж а н к а. Верю, верю тебе.

Н е в е с т а. Но это очень важный шаг.

С л у ж а н к а. Надо его сделать.

Н е в е с т а. Я уже дала слово.

С л у ж а н к а. Так я надену веноч.

Н е в е с т а (*садится*). Поторопись, а то, должно быть, скоро придут.

С л у ж а н к а. Им часа два надо итти.

Н е в е с т а. Сколько отсюда до церкви?

С л у ж а н к а. Пять миль, если итти вдоль ручья, а если по дороге — так вдвое.

Невеста встает. Служанка любит ее.

С л у ж а н к а.

Пробудись, невеста, —
Это утро свадьбы,
Знай, что реки мира
Унесут веноч твой!

Н е в е с т а (*улыбаясь*). Будет тебе!

С л у ж а н к а (*восторженно целует Невесту и начинает танцовать вокруг неё*).

Пусть она проснётся
С веткою зелёной —
В знак любви цветущей.
Пусть она проснётся
С тихой ветвью лавра,
Что расцвёл сегодня.

Слышен стук в наружную дверь.

Невеста. Открой! Должно быть, это первые гости. (*Уходит в дом.*)

Служанка отворяет наружную дверь.

Служанка (*в изумлении*). Это ты?

Леонардо. Я. Доброе утро.

Служанка. Ты — первый!

Леонардо. Разве меня не звали?

Служанка. Звали.

Леонардо. Вот я и приехал.

Служанка. А жена?

Леонардо. Я приехал верхом. Она скоро придёт.

Служанка. Ты никого не встретил?

Леонардо. Я обогнал их.

Служанка. Смотри, загонишь коня!

Леонардо. Всё равно когда-нибудь издохнет!

Пауза.

Служанка. Садись. Все ещё спят.

Леонардо. А невеста?

Служанка. Сейчас начну одевать.

Леонардо. Она — невеста! Наверно, рада!

Служанка (*меняет разговор*). А что мальчик?

Леонардо. Какой?

Служанка. Твой сын.

Леонардо (*как бы во сне*). А!

Служанка. Его принесут?

Леонардо. Нет.

Пауза. Где-то очень далеко поют.

Г о л о с а.

Ты проснись, невеста, —
Это утро свадьбы!

Л е о н а р д о .

Ты проснись, невеста, —
Это утро свадьбы.

С л у ж а н к а . Это гости. Они ещё далеко.

Л е о н а р д о (*встаёт*). У невесты будет большой венок? Очень большого не надо. Немножко поменьше — ей лучше пойдёт. А жених принёс апельсиновую ветку, которую она приколет на грудь?

Входит Н е в е с т а , на ней та же белая юбка, на голове венок.

Н е в е с т а . Принёс.

С л у ж а н к а (*сердито*). Какое тебе дело?

Н е в е с т а (*мрачно*). Почему ты спрашиваешь, принесли ли апельсиновую ветку? Это ты с умыслом?

Л е о н а р д о . Нет. Какой у меня может быть умысел? Ты меня знаешь. (*Подходит к ней.*) Скажи мне: кем я был для тебя? Вспомни всё; как было. Два быка и убогая лачуга — это почти ничего! А ведь из-за этого всё и вышло.

Н е в е с т а . Зачем ты пришёл?

Л е о н а р д о . Хочу быть на твоей свадьбе.

Н е в е с т а . Я тоже была на твоей!

Л е о н а р д о . Которую ты устроила своими руками. Меня можно убить, но отшвырнуть нельзя. Ты же, воплощённая нежность, отшвырнула меня пинком.

Н е в е с т а . Лжёшь.

Л е о н а р д о . Мне лучше молчать: я вспылчив, и я не хочу, чтобы все эти холмы услышали мой крик.

Н е в е с т а . Я бы ещё громче кричала.

С л у ж а н к а . Прекратите этот разговор. Ты не должн вспоминать прошлое. (*С беспокойством смотрит на двери.*)

Н е в е с т а. Она права. Я не должна разговаривать с тобой. Но я не могу себя сдерживать, потому что ты пришёл наблюдать за мной, смотреть на мою свадьбу и с умыслом спрашиваешь про апельсиновую ветку. Уходи отсюда и подожди жену у дверей.

Л е о н а р д о. Разве нам нельзя поговорить?

С л у ж а н к а *(в ярости)*. Нет; нельзя!

Л е о н а р д о. После женитьбы я день и ночь думал, кто из нас виноват, и каждый раз появлялась новая вина и уничтожала прежнюю, но вина всё-таки оставалась!

Н е в е с т а. Кто много ездит верхом, тот много знает и ему легко увлечь девушку, которая живёт в пустыне. Но у меня есть гордость. Вот почему я выхожу замуж. И я запрусь с моим мужем, которого я должна любить больше всего на свете.

Л е о н а р д о. Гордость тебе не поможет.
(Подходит к ней.)

Н е в е с т а. Не подходи!

Л е о н а р д о. Молча сгорать — это самая страшная кара, какой мы можем подвергнуть себя. Разве мне помогла моя гордость, помогло ли мне то, что я не видел тебя, а ты не спала по ночам? Ничуть. Я был весь в огне — вот чего я этим достиг! Ты думаешь, что время лечит, а стены скрывают всё, но это не так. Что проникнет в сердце, того уж не вырвешь!

Н е в е с т а *(дрожит)*. Я не могу тебя слушать. Не могу слышать твой голос. Словно я выпила вина и уснула на ложе из роз. И голос увлекает меня за собой, и я чувствую, что задыхаюсь, и всё же иду за ним.

С л у ж а н к а *(хватает Леонардо за полы)*. Сейчас же уходи!

Леонардо. Я хочу поговорить с ней в последний раз. Не бойся.

Невеста. И ведь я знаю, что это безумие, знаю, что сердце моё иссохло от мук, а вот стою и слушаю его, и смотрю, как он мечется в тоске.

Леонардо. Я не успокоюсь, пока не скажу тебе всё. Я женился. Теперь и ты выходи замуж.

Служанка. Она и выходит!

Голоса (*поют ближе*).

Ты проснись, невеста, —

Это утро свадьбы!

Невеста. Ты проснись, невеста! (*Бежит к себе в комнату.*)

Служанка. Вот и гости. (*Обращаясь к Леонардо.*) Не подходи к ней больше.

Леонардо. Не беспокойся. (*Уходит в дверь налево.*)

Светает.

Первая девушка (*входит*).

Ты проснись, невеста, —

Это утро свадьбы!

Все в цветах балконы,

Шумны хороводы.

Голоса.

Ты проснись, невеста!

Служанка (*радостно суетясь*).

Пусть она проснётся

С веткою зелёной —

В знак любви цветущей.

Пусть она проснётся

С тихой ветвью лавра,

Что расцвёл сегодня!

В т о р а я д е в у ш к а (*входит*).

Пусть она проснётся
С длинными кудрями,
С белым снегом кожи,
С обувью нарядной
С серебром на пряжках
И с венком жасминным
На кудрях шелковых.

С л у ж а н к а.

Пастушка, луна восходит!

В т о р а я д е в у ш к а.

Ах, милый, я жду!
В оливковой роще
Ты шляпу оставил свою.

П е р в ы й ю н о ш а (*входит, держа шляпу высоко над головой*).

Ты проснись, невеста!
Вот уж рядом свадьба
Водит хороводы
По лугам зелёным.
У неё в корзинах
Из душистых лилий —
Свадебные хлебы!

Г о л о с а.

Ты проснись, невеста!

В т о р а я д е в у ш к а.

Невеста
Свой белый надела венки,
Жених
Его лентой
Скрепил золотой.

С л у ж а н к а.

Невесте уснуть
Помешали цветы.

Т р е т ь я д е в у ш к а (*входит*).

В саду апельсинном
Жених её ждёт,
Ей ложку и скатерть
В саду отдаёт.

Входят три гостя.

П е р в ы й ю н о ш а.
Проснись, голубка!
Уж с небес заря
Прогнала облако тумана.

Г о с т ь.

Невеста, белая невеста,
Сегодня — девушка,
А завтра — госпожа.

П е р в а я д е в у ш к а.
Сойди, смуглянка,
Шлейф из шёлка
Влача по гулким ступеням.

Г о с т ь.

Спустись к нам, милая смуглянка, —
Росой холодной плачет утро.

П е р в ы й ю н о ш а.

Проснитесь, сеньора, ваш праздник готов:
Весь мир растворился в дожде апельсиновых
цветов.

С л у ж а н к а.

Гранатное дерево
Нынче мы вышьем,

Развесим мы ленты
С призывом к любви.

Г о л о с а.

Очнись, невеста!

П е р в ы й ю н о ш а.
Утро свадьбы!

О т е ц (*входит*).
Сегодня жених
Невесту увозит,
Он прибыл за ней на быках!

Т р е т ь я д е в у ш к а.
Жених подобен
Золотому солнцу.
Когда идёт он,
Нежные гвоздики
К его склоняются ногам.

С л у ж а н к а.
Будь счастливой, дочка!

В т о р о й ю н о ш а.
О проснись, невеста!

С л у ж а н к а.
Как она красива!

П е р в а я д е в у ш к а.
Слышишь: это свадьба
В дверь твою стучится.

В т о р а я д е в у ш к а.
Пусть сойдёт невеста.

Первая девушка.

Пусть сойдёт, уж время!

Служанка.

Звоном колокольным,

Звоном переливным

Пусть невесту встретят!

Первый юноша.

Вот сошла! Выходит!

Служанка.

И, как бык могучий,—

Погляди, — навстречу

Поднялась ей свадьба!

Появляется Невеста. Она в чёрном платье 1900-х годов, с воланами и широким шлейфом из плиссированного газа и жёстких кружев. На голове веноч. Звонят гитары. Девушки целуют Невесту.

Третья девушка. Чем ты надушила волосы?

Невеста (смеясь). Ничем.

Вторая девушка (рассматривает её платье). Таких тканей на свете нет.

Первый юноша. Вот жених!

Жених. Здравствуйте!

Первая девушка (кладёт ему за ухо цветок).

Жених подобен

Золотому солнцу.

Вторая девушка.

Его глаза

Струят усладу!

Жених направляется к Невесте.

Невеста. Зачем ты надел эти башмаки?

Жених. Они веселее чёрных.

Ж е н а Л е о н а р д о (*входит и целует Невесту*). Здравствуй!

Женщины шумно переговариваются.

Л е о н а р д о (*входит с таким видом, точно исполняет долг*).

Мы этим утром на тебя венок
Замужней женщины наденем.

Ж е н а Л е о н а р д о.

Чтобы утешились поля
Твоих кудрей живую влагой!

Мать жениха (*Отцу невесты*). И эти здесь?
О т е ц. Они члены семьи. Сегодня такой день,
когда надо прощать.

М а т ь. Я терплю, но не прощаю!

Ж е н и х. Мне так приятно, что на тебе венок!

Н е в е с т а. Едем скорее в церковь!

Ж е н и х. Ты торопишься?

Н е в е с т а. Да. Я хочу быть твоей женой,
остаться с тобой наедине и слышать только твой
голос.

Ж е н и х. И я этого хочу!

Н е в е с т а. И видеть только твои глаза. И ты
должен обнять меня так крепко, чтобы я не
могла оторваться от тебя, даже если б меня
позвала покойная мать.

Ж е н и х. У меня сильные руки. Я буду об-
нимать тебя сорок лет подряд.

Н е в е с т а (*в волнении хватает его за руку*).
Всегда!

О т е ц. Едем! Готовьте коней и повозки. Солнце
уже взошло.

М а т ь. Будьте осторожны!.. Да не постигнет
нас беда.

Отворяется широкая дверь в глубине. Все постепенно
уходят.

С л у ж а н к а (плачет).

Ты из дома выйдешь
Девушкою белой.
Вспомни, что звездою
Ты восходишь яркой.

П е р в а я д е в у ш к а.
Чистой, как голубка,
Выйдешь ты на свадьбу.

Уходят.

В т о р а я д е в у ш к а.
Ты уже для церкви
Дом свой оставляешь!

С л у ж а н к а.
Землю всю цветами
Ветер устиляет!

Т р е т ь я д е в у ш к а.
Нет у нас подруги и белей и чище!

С л у ж а н к а.

Как прозрачный воздух — кружева мантильи
Уходят. Гитары, барабаны, бубны. На сцене остаются
Леонардо и его Жена.

Ж е н а. Идём.

Л е о н а р д о. Куда?

Ж е н а. В церковь. Только не уезжай верхом. Поедем вместе.

Л е о н а р д о. В повозке?

Ж е н а. На чём же ещё?

Л е о н а р д о. Я не из тех мужчин, что ездят в повозках.

Ж е н а. А я не из тех женщин, что едут на свадьбу без мужа. Я больше не могу!

Л е о н а р д о. Я тоже!

Ж е н а. Что ты так смотришь? В каждом глазу у тебя колючка!

Л е о н а р д о. Идём.

Ж е н а. Не пойму, что с тобой. Думаю и не хочу думать. Знаю одно. Жизнь моя разбита. Но у меня ребёнок. И теперь я жду другого. Идём. Такая же судьба была и у моей матери. Но я своего не уступлю.

Г о л о с а (за сценой).

Вспомни, что из дома
Ты выходишь в церковь,
Вспомни, что звездою
Ты выходишь яркой!

Ж е н а (плачет).

Вспомни, что звездою
Ты выходишь яркой!

Такой и я вышла из родного дома. Мне казалось, что весь мир пришёл на мою свадьбу.

Л е о н а р д о (встаёт). Идём.

Ж е н а. Только вместе!

Л е о н а р д о. Да. (Пауза.) Иди же! (Уходят.)

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

У входа в пещеру, где живет Невеста. Светлосерые и синие холодные тона. Большие кактусы. Темноватые и серебристые тона. Панорама плоских холмов вафельного цвета, — примитивный пейзаж в стиле народной керамики. Служанка расставляет на столе подносы и рюмки.

С л у ж а н к а.

Колесо вертелось,
Колесо вертелось,

И вода бежала.
Вот уж близко свадьба.
Расступитесь, ветви, —
Пусть луна украсит
Белой балюстрадой
Дом свой в синем небе.

(Громко.)

Накройте стол скатертью!

(Мечтательно.)

Молодые пели,
Молодые пели,
И вода бежала.
Вот уж близко свадьба.
Пусть сверкает иней,
Пусть медовым станет
Горький вкус миндалин.

(Громко.)

Приготовь вино!

(Мечтательно.)

Посмотри, красотка,
Посмотри, красотка,
Как вода несётся.
Вот уж близко свадьба!
Юбку подбери ты,
Под крылом у мужа
Никуда не пробуй
Выходить из дома.
Твой жених — как солнце,
Грудь его пылает,
Ждёт сухое поле,
Чтобы кровь плеснула.
Колесо вертелось,
Колесо вертелось,
И вода бежала.

Вот уж близко свадьба, —
Пусть вода сверкает!

Входят М а т ь жениха и О т е ц невесты.

М а т ь. Наконец-то!

О т е ц. Мы первые?

С л у ж а н к а. Нет. Только что пришёл Леонардо с женой. Неслись, как черти. Жена еле жива от страха. Так быстро добрались, словно верхом прискакали.

О т е ц. Он ищет своей гибели. У него нехорошая кровь.

М а т ь. Какая у него ещё может быть кровь? Такая же, что и у всей семьи. У них ещё прадед убил человека, от него и пошло это дурное племя — племя вероломных убийц.

О т е ц. Оставим это!

С л у ж а н к а. Как оставим?

М а т ь. У меня болит каждая жила. Когда я на них гляжу, я вижу только руку убийцы, которая отняла у меня самое дорогое. Посмотри на меня. Правда, я похожа на безумную? Когда хочешь кричать и нельзя — сойти с ума не долго. Вопль так и просится из сердца, а мне надо подавлять его и прятать под плащом. Теперь у меня отнимают мёртвых, и я все же должна молчать. А люди меня за это осудят. *(Снимает плащ.)*

О т е ц. Не такой сегодня день, чтобы вспоминать про эти дела.

М а т ь. Раз об этом заходит речь, я должна говорить. Сегодня особенно. Ведь сегодня я остаюсь одна во всём доме.

О т е ц. А потом у тебя опять появится семья.

М а т ь. Внуки — это моя мечта.

Садятся.

О т е ц. Я хочу, чтоб их было много. Этой

земле нужны бесплатные рабочие руки. Пусть-ка они повозятся с сорными травами, с репейником, с каменными глыбами, которые неизвестно откуда берутся. Тут нужны хозяйские руки, чтоб они карали и властвовали, чтобы они выращивали семена. Надо много сыновей.

М а т ь. И дочерей! У мальчишек ветер в голове. Им бы только оружие в руки. А девочки всегда дома.

О т е ц (*весело*). Я думаю, у них будут и те и другие.

М а т ь. Мой сын будет её крепко любить. Он из хорошего рода. У меня могло быть много детей от его отца.

О т е ц. Я только хочу, чтоб они даром времени не теряли. Чтоб у них в доме сразу появилось двое-трое сыновей.

М а т ь. Нет, это так не бывает. Долго ещё придётся ждать. Оттого и страшно смотреть, как струится твоя кровь по земле. Ручеёк высыхает в одну минуту, а нам он стоит многих лет жизни. Когда я прибежала к сыну, он лежал посреди улицы. Я омочила руки в крови и облизала языком. Ведь это моя кровь. Ты этого не поймёшь. В хрустальной чаше хранила бы я эту окровавленную землю.

О т е ц. Подожди, у моей дочери бёдра широкие, да и твой сын — силач.

М а т ь. Я и жду.

Встают.

О т е ц. Приготовь подносы с пшеницей.

С л у ж а н к а. Они уже готовы.

Ж е н а Л е о н а р д о (*входит*). Желая вам счастья!

М а т ь. Спасибо.

Л е о н а р д о. Танцы будут?

Отец. Недолго. Гостям нельзя задерживаться.

Служанка. А вот и они!

Входят группами весёлые гости. За ними, под руку, — молодые. Леонардо уходит.

Жених. Ни на одной свадьбе не было столько народу.

Невеста (*мрачно*). Ни на одной.

Отец. Пышная свадьба.

Мать. Вся родня собралась.

Жених. Кто из дома никогда не выходил, и те пришли.

Мать. Отец твой посеял много, вот ты и пожинаешь.

Жених. Кое-кого из моей родни я в первый раз вижу.

Мать. Все — с побережья.

Жених (*весело*). Они лошадей испугались.

Мать (*Невесте*). О чём ты думаешь?

Невеста. Ни о чём.

Мать. Благословения тяжелы.

Звонят гитары.

Невеста. Как свинец.

Мать (*твёрдо*). Но они не должны быть тяжелы. Пусть они будут легки, как голубка.

Невеста. Вы переночуете у нас?

Мать. Нет. Мой дом пуст.

Невеста. Побудьте с нами!

Отец (*Матери*). Смотри, какие танцы. Так танцуют в приморьи.

Входит Леонардо, садится. За ним — Жена; во всей её фигуре чувствуется напряжение.

Мать. Это двоюродные братья моего мужа. Они могут танцевать доупаду.

Отец. Весело на них глядеть. Как изменился мой дом! (*Уходит.*)

Жених (*Невесте*). Понравилась тебе апельсинная ветка?

Невеста (*пристально глядя на него*). Да.

Жених. Она из воска. Долговечная. Мне бы хотелось; чтоб такие цветы были у тебя по всему платью.

Невеста. Не нужно.

Леонардо уходит направо.

Первая девушка. Пойдём к ней за булавками.

Невеста (*Жениху*). Я сейчас вернусь.

Жена Леонардо. Будь счастлив с моей сестрой!

Жених. Я в этом уверен.

Жена. Живите дружно и никуда отсюда не уезжайте. Вот бы мне в такую глушь!

Жених. Почему вы здесь не купите землю? На горе участки дешёвые; и детям здесь будет лучше.

Жена. У нас нет денег. И уж очень далеко!

Жених. Твой муж — хороший работник.

Жена. Да; только он непоседа. Ни одного дела до конца не доводит. Беспокойный он.

Служанка. Что ж не кушаете? (*Жене Леонардо.*) Я заверну для твоей матери пирожных с ромом, она их очень любит.

Жених. Положи ей дюжины три.

Жена. Нет; нет. Хватит половины.

Жених. Уж такой сегодня день!

Жена (*Служанке*). А где Леонардо?

Служанка. Не видала.

Жених. Наверно, с гостями.

Жена. Пойду посмотрю. (*Уходит.*)

Служанка. Красивый танец!

Жених. А ты не танцуешь?

С л у ж а н к а . Некому меня пригласить.

В глубине проходят две девушки. На протяжении всей этой сцены в глубине мелькают фигуры гостей.

Ж е н и х (весело). Ничего-то они не понимают. Такие старухи, как ты, танцуют лучше молодых.

С л у ж а н к а . Ты что же, льстить мне вздумал, мальчик?.. Ну, и мужчины же в вашем роду! Прямо как на подбор! Я ещё девочкой была на свадьбе у твоего деда. Вот великан был! Прямо утёс!

Ж е н и х . Я меньше ростом.

С л у ж а н к а . А глаза блестят, как у него... Где же девочка?

Ж е н и х . Поправляет причёску.

С л у ж а н к а . А! Слушай. Ведь вы спать не будете, так я вам приготовила на ночь ветчины и поставила два бокала вина. Всё будет в шкафу, внизу. Если захочется.

Ж е н и х (улыбаясь). Я ночью не ем.

С л у ж а н к а (лукаво). Не ты, так невеста. (Уходит.)

Первый юноша. Выпей с нами.

Ж е н и х . Я жду невесту.

Второй юноша. Потерпи до рассвета!

Первый юноша. Самое приятное время!

Второй юноша. На одну минутку!

Ж е н и х . Идём.

Уходят. Шум голосов. Входит Невеста. Навстречу ей выбегают две девушки.

Первая девушка. Кому ты раньше дала булавку: мне или ей?

Невеста. Не помню.

Первая девушка. Мне ты дала здесь.

Вторая девушка. А мне перед алтарём.

Невеста (*взволнована; видно, что в буше у неё идёт борьба*). Ничего я не помню.

Первая девушка. Мне б хотелось, чтоб ты...

Невеста (*перебивает*). Погодите. Мне надо о многом подумать.

Вторая девушка. Прости.

В глубине проходит Леонардо.

Невеста (*увидела его*). И я сейчас очень волнуюсь.

Первая девушка. Нам ведь это непонятно!

Невеста. Придёт время — поймёте. Это очень трудный шаг.

Первая девушка. Ты жалеешь?

Невеста. Нет. Простите меня.

Вторая девушка. За что? Но ведь, чтоб поскорей выйти замуж, нужно взять у невесты не одну, а две булавки, правда?

Невеста. Две.

Первая девушка. Значит, одна из нас выйдет замуж раньше.

Невеста. Вам очень хочется замуж?

Вторая девушка (*стыдливо*). Да.

Невеста. Почему?

Первая девушка. Ну, так... (*Обнимает подругу.*)

Сбэ убегают. К Невесте подходит сзади Жених и осторожно обнимает её.

Невеста (*сильно вздрагивает*). Оставь!

Жених. Я тебя напугал?

Невеста. Ах! Это ты?

Жених. Кто же ещё может быть? (*Пауза.*)
Твой отец или я.

Невеста. Верно.

Жених. Ну, а твой отец обнял бы тебя нежной.

Невеста (*мрачно*). Конечно!

Жених. Ведь он старый. (*Крепко и грубовато обнимает её.*)

Невеста (*сухо*). Пусти меня!

Жених. Почему? (*Отпускает её.*)

Невеста. Да ведь... гости. Нас могут увидеть.

В глубине проходит Служанка; она не смотрит на молодых.

Жених. Что ж из этого? Мы уже обвенчаны.

Невеста. Да, но ты пусти меня... Потом.

Жених. Да что с тобой? Ты как будто чем-то встревожена!

Невеста. Я? Нет. Не уходи.

Входит Жена Леонардо.

Жена. Я не буду вам мешать, но...

Жених. Что такое?

Жена. Не проходил ли здесь мой муж?

Жених. Нет.

Жена. Я его нигде не могу найти, и коня нет в стойле.

Жених (*весело*). Куда-нибудь ускакал.

Жена Леонардо, встревоженная, уходит. Из дома выходит Служанка.

Служанка. Столько поздравлений, а вы недовольны!

Жених. Поскорей бы всё это кончилось. Невеста устала.

Служанка. Что ты, девочка?

Невеста. В висках стучит!

Служанка. Кто вырос здесь, в горах,

тот должен быть здоров. (*Жениху.*) Теперь только ты можешь её вылечить: ведь она — твоя. (*Убегает.*)

Жених (*обнимает Невесту*). Пойдём посмотрим на танцы. (*Целует её.*)

Невеста (*с тоской*). Нет. Я лучше прилягу.

Жених. И я с тобой.

Невеста. Ни за что! При всех? Что скажут люди? Дай мне немного отдохнуть.

Жених. Как хочешь! Смотри только, ночью не будь такой!

Невеста (*в дверях*). Ночью мне будет лучше.

Жених. Этого мне и надо!

Входит М а т ь.

М а т ь. Сынок!

Жених. Где вы были?

М а т ь. Да в самой этой толчее. Ты доволен?

Жених. Да.

М а т ь. А где твоя жена?

Жених. Пошла отдохнуть. Тяжёлый день для невесты!

М а т ь. Тяжёлый? Лучший день её жизни. Я в день моей свадьбы как будто наследство получила.

Входит С л у ж а н к а и направляется в комнату Невесты.

В этот день целину поднимают, новые деревья сажают.

Жених. Вы уходите?

М а т ь. Да. Мне надо быть дома.

Жених. Одной?

М а т ь. Нет, не одной. Я полна забот, полна дум о людях, о борьбе.

Жених. Но борьба уже кончилась.

Вбегает Служанка и исчезает в глубине сцены.

Мать. Пока человек жив, он борется.

Жених. Я вас во всём слушаюсь!

Мать. С женой старайся быть поласковой, а заметишь в ней заносчивость или упрямство, приласкай её так, чтобы ей стало чуточку больно; сдави её в своих объятиях или даже укуси, а потом и поцелуй понежней. Так она и не обидится и почувствует, что ты мужчина, хозяин, и что она должна тебя слушаться. Это я от твоего отца узнала. Раз его нет, учить тебя этому должна я.

Жених. Исполню всё, как вы приказываете.

Отец (*входит*). А где моя дочь?

Жених. Дома.

Отец входит в дом.

Первая девушка. Пусть придут молодые, будем водить хоровод!

Первый юноша (*Жениху*). Поведёшь ты.

Отец (*выходит из дома*). Там её нет!

Жених. Нет?

Отец. Она, наверно, на светёлке.

Жених. Пойду посмотрю! (*Входит в дом.*)

Шум голосов, звон гитар.

Первая девушка. Уже начали! (*Убегает.*)

Жених (*выходит из дома*). Нет её.

Мать (*с беспокойством*). Нет?

Отец. Куда же она могла деться?

Служанка (*входит*). А где же девочка?

Мать (*мрачно*). Мы не знаем.

Жених уходит. Входят три гостя.

Отец. Может, она танцует?

С л у ж а н к а. Там её нет.

О т е ц *(вспылил)*. Там много народу. Посмотри!

С л у ж а н к а. Да я смотрела!

О т е ц *(в отчаянии)*. Да где же она?

Ж е н и х *(сходит)*. Её нигде нет. Нигде.

М а т ь *(Отцу)*. Что же это? Где твоя дочь?

Входит Ж е н а Л е о н а р д о.

Ж е н а. Они бежали! Они бежали! Она и Леонардо. На коне. Обнялись и полетели вихрем!

О т е ц. Неправда! Моя дочь? Нет!

М а т ь. Да, твоя дочь. Плод дурного чрева... и он, он тоже. Но ведь она — жена моего сына!

Ж е н и х *(входит)*. В погоню! У кого есть конь?

М а т ь. У кого есть конь, скорее, у кого есть конь?.. Я всё отдам: глаза, язык...

Г о л о с. Вот конь.

М а т ь *(сыну)*. Ну! Догоняй!

Жених с двумя юношами уходят.

Нет. Останься. Этим людям ничего не стоит убить... или нет: беги, а я за тобой!

О т е ц. Это не она. Уж не бросилась ли она в колодец!

М а т ь. В воду бросаются честные, чистые девушки, а эта — нет! Но она — жена моего сына... Два стана. Здесь теперь два стана.

Входят гости.

Моя семья и твоя. Уходите отсюда. Отряхните прах от ног. Бежим на помощь к моему сыну. *(Гости делятся на две группы.)* Здесь вот кто: наша родня с побережья, и те, что пришли с гор. Так бежим отсюда! По всем дорогам. Снова настал час крови. Два стана. Ты со своим, я с моим. В погоню! В погоню!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Лес. Ночь. Большие влажные стволы. Темно. Дуэт скрипок. Входят три дровосека.

Первый дровосек. Их нашли?

Второй дровосек. Нет. Но ищут повсюду.

Третий дровосек. Поймают.

Второй дровосек. Тс-с-с!

Третий дровосек. Что?

Второй дровосек. Как будто подходят сразу со всех сторон.

Первый дровосек. Вот луна взойдёт, их и увидят.

Второй дровосек. Не надо бы их трогать.

Первый дровосек. Мир велик. Всем хватит места.

Третий дровосек. А всё-таки их убьют.

Второй дровосек. Надо слушаться сердца; они хорошо сделали, что бежали.

Первый дровосек. Обманывали друг друга, а кровь своё взяла.

Третий дровосек. Кровь своё возьмёт!

Первый дровосек. Надо идти путём крови.

Второй дровосек. Но если кровь покажется на свет, её впитает земля.

Первый дровосек. Ну и что ж? Лучше истечь кровью и умереть, чем ждать, пока она загниёт.

Третий дровосек. Молчи.

Первый дровосек. А что? Ты что-нибудь слышишь?

Третий дровосек. Слышу кузнечиков, лягушек, ночной дозор.

Первый дровосек. А коня не слышно.

Третий дровосек. Нет.

Первый дровосек. Теперь он её ласкает.

Второй дровосек. Они созданы друг для друга.

Третий дровосек. Найдут их и убьют.

Первый дровосек. Но они уж, наверно, смешали свою кровь; и теперь это два пустых кувшина; два высохших ручья.

Второй дровосек. Небо заволокло тучами; и луна; пожалуй; не проглянет.

Третий дровосек. Жених отыщет и без луны. Я его видел. Он летел; как гневная звезда. Лицо у него было пепельно-серое. На нём написана судьба его рода.

Первый дровосек. Судьба быть убитым посреди улицы.

Второй дровосек. Вот, вот!

Третий дровосек. Думаешь, вырвутся беглецы из круга?

Второй дровосек. Трудно. Вокруг на десять миль ножи и ружья.

Третий дровосек. У него добрый конь.

Второй дровосек. Но он везёт женщину.

Первый дровосек. Мы уже близко.

Второй дровосек. Раскидистое дерево. Но мы его скоро срубим.

Третий дровосек. Вот и луна всходит. Поспешим.

Слева начинает светлеть.

Первый дровосек.
Вот луна, луна восходит,
У неё большие листья.

Второй дровосек.
У неё жасмин кровавый!

Первый дровосек.
Ах, луна, в листве зелёной
Как ты всё же одинока!

Второй дровосек.
Серебро — в лице невесты.

Третий дровосек.
Ах, луна, не будь жестокой!
Ты оставь любви — густую
Темноту ветвей склонённых.

Первый дровосек.
Не смотри же так печально
И оставь любви — густую
Темноту ветвей склонённых!

Уходят. Слева, там, где свет, появляется Луна в виде молодого дровосека с бледным лицом. Сцена озаряется ярким голубым светом.

Луна.

Я — круглый лебедь на реке,
Я — око сумрачных соборов,
На листьях мнимая заря,
Я — всё, им никуда не скрыться.
Кто там в кустах? Кто так вздыхает
Средь диких зарослей долины?
Луна забросила свой нож,
И он повис во мгле туманной.
Он соглядатай верный мой,
Он хочет скорбью стать кровавой.

О, дайте мне войти! Я зябну
На стенах и на хрупких стёклах!
Откройте кровли мне и сердце,
Где я могла б теперь согреться!
О, как мне холодно! Мой пепел,
Подобный сонному металлу,
Свой ищет пламенный венец
На высях гор, средь спящих улщ.
Увы, мой белый луч ложится
На плечи яшмовые снега,
И не находит он приюта
В воде озёр, холодной, жёсткой.
Но этой ночью кровью алой
Мои опять зажгутся щёки,
И кровью брызнут тростники
На плащ широкий вихрей горных.
Пускай не будет им ни тени,
Ни места, где б могли укрыться!
О, я хочу проникнуть в сердце
И в нём согреться! Дайте сердце —
Пусть грудь её оно покинет
И растечётся по горам!
О, дайте мне проникнуть в сердце,
Проникнуть в сердце...

(К ветвям.)

Не хочу
Я тени. Пусть мои лучи
Проникнут всюду, пусть средь тёмных
Стволов горит их свет и шумом
Наполнит лунным эту тьму,
Пусть этой ночью алой кровью
Опять мои пылают щёки,
Пусть кровью брызнут тростники
На плащ широкий вихрей горных.
Кто скрылся там? Вам говорю я:
Уйдите! Нет, им здесь не скрыться!

Заставлю я пылать коня
Всей лихорадкою алмазов.

Луна исчезает за деревьями, и сцена снова погружается в мрак. Входит С т а р у х а, закутанная в лёгкую ткань тёмнозелёного цвета. Она босая. Лица её почти не видно из-за складок ткани.

Н и щ е н к а.

Вот луна уходит, а они всё ближе.
Здесь предел дороги. Шум реки бегущей
С тёмным шумом рощи заглушат мгновенно
Вопль тоски предсмертной. Я бродить устала.
Пусть сундук откроют. Нити белой пряжи
На полу холодном одинокой спальни
Ждут тела их. Вижу, вижу, как на шее
Рана вдруг открылась. О, пускай же птицы
На ветвях притихнут, соберёт пусть стоны
Ветер перелётный и промчится с ними
Над покровом мрачным роц оледенелых,
Пусть он похоронит их во льну кудрявом.

(Нетерпеливо.)

Но где ж луна, но где ж луна?

Появляется Л у н а. Снова яркий голубой свет.

Л у н а. Они уже близко. Те едут по дороге;
а он — берегом реки. Пойду освещу камни. Что
тебе надо?

Н и щ е н к а. Ничего.

Л у н а. Воздух всё твёрже и острее: точно
нож с двумя лезвиями.

Н и щ е н к а. Освети жилет и от тени пуго-
вицы, а там уж ножи найдут себе путь.

Л у н а.

О, пусть они подольше умирают,
Чтоб кровь свой тонкий, нежный свист

Мне в пальцы белые вложила!
О, погляди: вон там, среди долин,
Что пеплом я посыпала, возникло
Желанье поскорей увидеть
Поток горячей этой крови...

Н и щ е н к а. Не дадим им перейти ручей.
Тише!

Л у н а. Идут! (*Уходит. На сцене темно.*)

Н и щ е н к а. Скорей! Больше света! Слышишь? Они не должны ускользнуть!

Входят Ж е н и х и П е р в ы й ю н о ш а. Нищенка садится и закрывается плащом.

Ж е н и х. Сюда!

П е р в ы й ю н о ш а. Ты их не найдёшь.

Ж е н и х (*твёрдо*). Нет, найду!

П е р в ы й ю н о ш а. Должно быть, свернули на другую тропинку.

Ж е н и х. Нет. Я только что слышал стук копыт.

П е р в ы й ю н о ш а. Может, это другой конь?

Ж е н и х (*взволнованно*). Слушай. Во всём мире есть только один конь, и это он. Ты понял? Идёшь со мной, так молчи.

П е р в ы й ю н о ш а. Я хотел...

Ж е н и х. Молчи. Я уверен, что найду их здесь. Видишь эту руку? Это не моя рука. Это рука моего брата; моего отца и всех, кого убили из моей семьи. И в ней такая сила, что если бы захотел, я вырвал бы это дерево с корнем. Идём скорей, а то зубы всех моих близких с такой силой вонзились сюда, что мне нечем дышать.

Н и щ е п к а (*жалобно*). Ай!

П е р в ы й ю н о ш а. Ты слышал?

Ж е н и х. Ты иди туда.

Первый юноша. Это охота!

Жених. Да, охота. Страшней этой охоты ещё не было.

Юноша уходит. Жених быстро идёт налево и натывается на Нищенку. Это — Смерть.

Нищенка. Ай!

Жених. Что ты?

Нищенка. Мне холодно.

Жених. Куда ты идёшь?

Нищенка (*всё тем же жалобным тоном попрошайки*). Туда... далеко.

Жених. Откуда ты пришла?

Нищенка. Оттуда... издалека.

Жених. Не видала ли ты мужчину с женщиной верхом на коне?

Нищенка (*как бы очнувшись*). Погоди... (*Смотрит на него.*) Красивый юноша. (*Встаёт.*) Но спящий ты должен быть ещё красивей.

Жених. Говори, видала ты их?

Нищенка. Погоди... Какая широкая спина! Как хорошо тебе было бы лечь на неё и не наступать на подошвы, — ведь они такие крохотные!

Жених (*трясёт её*). Я спрашиваю, видала ты их? Проезжали они здесь?

Нищенка (*твёрдо*). Нет, не проезжали; они спускаются с холма. Разве ты не слышишь?

Жених. Нет.

Нищенка. Ты не знаешь дороги?

Жених. Всё равно пойду!

Нищенка. И я с тобой. Я знаю эти места.

Жених (*нетерпеливо*). Ну, идём же! Куда?

Нищенка (*торжественно*). Сюда!

Быстро уходят. Вдали, изображая шум леса, играют две скрипки. С топорами на плечах возвращаются дровосеки. Они медленно проходят между деревьями.

Первый дровосек.
Это ты, о, смерть, выходишь,
У тебя большие листья.

Второй дровосек.
Загради поток кровавый!

Первый дровосек.
Смерть, о, как ты одинока!
У тебя сухие листья.

Третий дровосек.
Не венчай цветами свадьбу!

Второй дровосек.
Смерть печальная! Оставь им
Для любви приют зелёный.

Первый дровосек.
Смерть жестокая! Оставь им
Для любви приют зелёный!

Уходят, продолжая разговор. Появляются Леонардо и
Невеста.

Леонардо. Молчи.

Невеста.

Отсюда я пойду одна.

Иди! Хочу, чтоб ты вернулся.

Леонардо. Молчи, я говорю!

Невеста.

Зубами,

Руками, всем, чем можешь ты,
Сорви с моей высокой шеи
Металл тяжёлой этой цепи.

Оставь меня в моём углу, —
Там дом мой, там моя земля,
И если ты убить не хочешь
Меня, как маленькую змейку,
Ты дуло меткое ружья
Вложи невесте бедной в руки.
О, что за скорбы! И что за пламя
В моей бушует голове!
Что за стекло в язык вонзилось!

Л е о н а р д о .

Но отступать теперь нельзя!
Уж настигает нас погоня...
Я должен увезти тебя.

Н е в е с т а .

Ты увезёшь меня насильно.

Л е о н а р д о .

Насильно? Как? Скажи, кто первый
По лестнице спустился?

Н е в е с т а .

Я.

Л е о н а р д о .

Кто сбрую новую надел
На моего коня?

Н е в е с т а .

Да, правда,
Да, это я.

Л е о н а р д о .

Скажи, чьи руки
Надели шпоры мне?

Н е в е с т а.

Мои.

Но знай, они, тебя увидя,
Хотят лазурь разрушить вен
И шум унять мятежный крови.
О, я люблю тебя! Люблю!
Уйди! О, если б я могла
Тебя убить, из ткани нежных
Фиалок я надела б саван
На тело стройное! Уйди!
Какая скорбы! Какой огонь
В моей бушует голове!

Л е о н а р д о.

Что за стекло в язык вонзилось!
А я хотел тебя забыть, —
Построил каменную стену
Я между нашими домами.
Когда тебя вдали я видел,
Глаза я засыпал песком.
И что ж? Я на коня садился,
И конь летел к твоим дверям.
От серебра булавок острых
Давно уж почернела кровь
В мятежном сне. Мне плоть моя
Казалась сорною травой.
Я не виновен. Не виновен
Ни в чём: земля во всем виновна
И этот нежный аромат
Твоих грудей и кос тяжёлых.

Н е в е с т а.

Как всё смешалось! Не хочу
Делить с тобой постель и пищу,
И что ж? Увы, минуты нет,
Когда б к тебе я не стремилась.
Меня влечёшь ты — я иду.

Ты говоришь, чтоб я вернулась,
Но я по вздуху несусь
Тебе вослед былинкой лёгкой.
Я там оставила мужчину
Сурового с его роднёй
Средь свадебного хоровода,
И на тебя падёт их месть.
Оставь меня одну! Беги!

Л е о н а р д о .

Уж на деревьях птицы утра
Зашевелились. Умирает
Седая ночь на остром камне.
Пойдём разыщем тёмный угол,
Где мог бы я тебя любить.
Поверь, что мне не страшны люди
И яд, который бросят в нас.

(Страстно обнимает её.)

Н е в е с т а .

Я буду спать у ног твоих,
Стеречь всё, что тебе приснится.

(В порыве отчаяния.)

Нагая, буду я смотреть
На поле, как твоя собака.
Когда я на тебя гляжу,
Твоя краса меня сжигает.

Л е о н а р д о .

Свет порождает свет. Огонь
Родит огонь: от искры малой,
Как ни мала она, сгорают
Два смежных колоса. Идём.

(Увлекает её за собой.)

Н е в е с т а .

Куда ведёшь меня?

Л е о н а р д о

Туда,

Куда им не пройти: пускай
Они нас окружают. Там
Смогу тобой я любоваться!

Н е в е с т а (насмешливо).

Води по ярмаркам меня
На посмеянье честным жёнам.
Я простыню кровавой свадьбы
Высоко подниму, как знамя.

Л е о н а р д о.

Когда бы думал я, как все,
Я от тебя ушёл бы тотчас.
Но я не властен над собой,
И ты, ты — также. Сделай шаг,
Попробуй. Острыми гвоздями
Луна мои сковала чресла
И бёдра сильные твои.

Вся эта страстная сцена ведётся в крайне приподнятом тоне.

Н е в е с т а.

Шаги!

Л е о н а р д о.

Они идут.

Н е в е с т а.

Прощай,

Мне умереть одной здесь должно.
Я ноги в воду опущу,
Шипы мне в голову вонзятся,
И пусть во мне оплачут листья
Погибшей женщины судьбу
И девушки.

Л е о н а р д о .

Молчи. Я слышу —
Они идут.

Н е в е с т а .

Беги!

Л е о н а р д о .

Молчанье, —
Не то услышат нас. Иди
Вперёд. Я говорю, идём!
(*Невеста колеблется.*)

Н е в е с т а .

Нет, вместе, оба!

Л е о н а р д о (*обнимает её*).

Как ты хочешь,
И если люди разлучат нас,
Так, значит, умер я.

Н е в е с т а .

И я.

Уходят обнявшись.

Очень медленно выплывает Л у н а . Сцену заливают яркий голубой свет. Дуэт скрипок. Вдруг один за другим раздаются два душераздирающих вопля, и музыка обрывается. При втором вопле появляется Ни щ е н к а , останавливается на середине сцены, спиной к зрителям, и распахивает плащ. Сейчас она похожа на птицу с огромными крыльями. Останавливается и Луна. Медленно, в полной тишине опускается занавес.

Занавес

КАРТИНА ПОСЛЕДНЯЯ

Белая комната. Арки, толстые стены. Справа и слева белые скамьи. В глубине большая белая арка и такого же цвета стена. Блестящий белый пол. В этой с виду простой комнате есть что-то от монументальной церковной архитектуры. Нет ни серого цвета, ни тени, ничто не создаёт перспективы. Д в е д е в у ш к и в тёмносиних платьях разматывают красный клубок.

П е р в а я д е в у ш к а.

Клубочек, клубочек,
Что делаешь ты?

В т о р а я д е в у ш к а.

Жасмин на одежде
Блестящ, как стекло.
Родиться в четыре,
К восьми умереть.
Клубочек, клубочек,
Обвился ты цепью
Вкруг ног молодых,
И нет ей дороги
Средь горьких ветвей
Цветущего лавра.

Д е в о ч к а (нараспев).

Скажи мне, ты была на свадьбе?

П е р в а я д е в у ш к а.

Я? Нет.

Д е в о ч к а.

Я тоже не ходила.

Что там могло случиться —

Средь виноградных лоз?

Что там могло случиться —

В оливковых ветвях?

Что там случилось, почему с нее

Никто не возвращается? А ты

Была на свадьбе?

В т о р а я д е в у ш к а.

Нет же, мы сказали.

Д е в о ч к а (*отходит от неё*).

Я тоже не была у них на свадьбе.

В т о р а я д е в у ш к а.

Клубочек, клубочек,

О чём ты поёшь?

П е р в а я д е в у ш к а.

Тут рана из воска,

На миртах — печаль.

Спать утром, а ночью

Очей не смыкать.

Д е в о ч к а (*в дверях*).

Запуталась нитка

В ребристых камнях,

Но горы помогут

Ей дальше бежать.

И вот убегает,

Проворно бежит,

И вот добежала

Проворно до них.

Вот нож положила

И хлеб отняла.

(*Уходит.*)

В т о р а я д е в у ш к а.

Клубочек, клубочек,

Что скажешь ты мне?

П е р в а я д е в у ш к а.

Любовник безмолвен,

Весь алый — жених.

На берегу мёртвых

Я видела их.

На время перестают разматывать клубок и смотрят на него.

Д е в о ч к а (появляется в дверях).

Бежит, убегает,
Проворно бежит.
До нас добежала
Проворная нить.
Уж слышу я: близятся
Чьи-то шаги.
Недвижно застыли,
Покрытые илом,
Тела молодые —
Друзья и враги.

(Уходит.)

Входят Ж е н а и Т ё щ а Л е о н а р д о. Они в печали.

П е р в а я д е в у ш к а.
Они уж близко?

Т ё щ а (резко).

Мы не знаем.

В т о р а я д е в у ш к а.
Что вы расскажете о свадьбе?

П е р в а я д е в у ш к а.
Скажи мне.

Т ё щ а (сухо).

Ничего.

Ж е н а.

Туда
Я возвращусь и всё узнаю.

Т ё щ а (твёрдо).

Иди к себе домой. Мужайся:
Отныне будешь одиноко

Жить в этом доме, в нём стареть
И плакать. Только дверь, запомни,
Уж в нём не будет запирается.
Он мёртв иль жив, но этих окон
Мы не забудём. Дожди и ночи
Пусть свои роняют слёзы
На горечь трав.

Ж е н а.

Но что случилось?

Т ё щ а.

К чему нам знать? Своё лицо
Закрой ты покрывалом. Дети
Твои с тобой. Ни слова больше.
Из пепла крест сложи скорее
Ты на его подушке.

Уходят.

Н и щ е н к а *(у дверей)*.

Дочки,

Подайте хлеба.

Д е в о ч к а.

Уходи!

Девушки образуют группу.

Н и щ е н к а.

А почему?

Д е в о ч к а.

Ты очень стонешь.

В т о р а я д е в у ш к а.

Нельзя так, девочка!

Н и щ е н к а.

Не лучше ль

Мне попросить твои глаза?
За мною птиц несётся туча;
Ты хочешь птицу?

Д е в о ч к а.

Убежать
Я от тебя хочу далёко!

В т о р а я д е в у ш к а (*Нищенке*).
Ты не сердись.

П е р в а я д е в у ш к а.

Скажи, ты к нам
Шла вдоль ручья?

Н и щ е н к а.

Нет, там идёт —
Она!

П е р в а я д е в у ш к а (*робко*).
Могу тебя спросить я?

Н и щ е н к а.

Я их видела. Здесь скоро
Будут оба — два потока.
Час пришёл — они застыли
Меж больших камней. Два мужа
Спят у ног коня недвижно.
Мёртвы оба. Ночь сияет
Красотой.

(*В восторге.*)

Они убиты!
Да, убиты!

П е р в а я д е в у ш к а.
Замолчи,
Замолчи, старуха!

Н и щ е н к а .

Вижу:

Их глаза цветам подобны,
Но цветы мертвы; их зубы
Двум горстям подобны снега
Затвердевшего; упали
Вместе, оба, а невеста
Возвращается: алеют
Кровью волосы и платье.
Так всё было. Так как должно.
Грязный ил лежит на чистом
Золотом цветке.

Уходит. Девушки наклоняют головы и, двигаясь ритмично, уходят.

П е р в а я д е в у ш к а .

На чистый
Золотой цветок...

В т о р а я д е в у ш к а .

Ложится
Грязный ил.

Д е в о ч к а .

Они на чистых
Золотых цветах несут их,
Мёртвых женихов. Смотрите:
Смугл один из них и так же
Смугл другой. Над ними вьётся
Соловей с тоскливой песней.

Уходит. Сцена некоторое время остаётся пуста. Затем входят М а т ь и плачущая С о с е д к а .

М а т ь . Перестань.

С о с е д к а . Не могу.

М а т ь . Перестань, говорю. (*Подходит к две-*

ри.) Здесь никого нет? (*Прикладывает руки ко лбу.*) Мой сын ответил бы мне. Но мой сын — ветка с сухими цветами. Невнятный голос, долетающий из-за гор. (*Соседке, в ярости.*) Да перестанешь ты? Я не хочу, чтобы плакали в этом доме. Ваши слёзы текут из глаз, а мои слёзы, когда я останусь одна, прихлынут к глазам из ступней, и они будут горячее крови.

С о с е д к а. Идём ко мне; тебе нельзя оставаться здесь.

М а т ь. Нет, я хочу быть здесь, здесь. Я буду спокойна. Все умерли. В полночь я буду спать, буду спать, не боясь ни пистолета, ни ножа. Другие матери выйдут в окно, и дождь станет сечь им лицо, а они всё будут смотреть, не идут ли сыновья. А я — нет. Холодный сон мой обернётся голубкой из слоновой кости, и она осыпет склеп камелиями из инея. Но нет, не склеп, а сама земля приютила их и убаюкивает на своём мягком ложе.

Входит ж е н щ и н а в ч ё р н о м. она проходит направо и преклоняет колена.

М а т ь (*Соседке*). Отними руки от лица. Впереди страшные дни. Я никого не хочу видеть. Земля и я. Мой плач и я. И эти четыре стены. Ах! Ах! (*Садится в изнеможении.*)

С о с е д к а. Пожалей себя.

М а т ь (*откидывает волосы назад*). Я должна быть спокойной. (*Садится.*) Придут соседки, а я не хочу, чтобы меня видели такой несчастной. Такой несчастной! Ведь я даже не могу прижать к губам голову сына.

Входит Н е в е с т а. Она в чёрном плаще, без венка.

С о с е д к а (*увидев Невесту; в ярости*). Куда ты?

Н е в е с т а. Я пришла сюда.

М а т ь (*Соседке*). Кто это?

С о с е д к а. Не узнаёшь?

М а т ь. Потому и спрашиваю. Ведь я должна не узнать её, а не то я вонжу ей зубы в горло. Змея! (*Грозно направляется к Невесте, но, овладев собой, останавливается. Соседке.*) Ты видишь её? Она здесь, и она плачет, а я спокойна и не вырываю ей глаза. Не знаю, что со мной. Может быть, она не любила моего сына? А её честь? Где её честь? (*Бьёт Невесту. Та падает на пол.*)

С о с е д к а. Ради бога! (*Пытается оттащить её.*)

Н е в е с т а (*Соседке*). Оставь её, я и пришла за тем, чтобы она меня убила и чтобы меня похоронили рядом с ними. (*Матери.*) Но не руками надо бить, а железным крюком, серпом — пока не сломаются кости. (*Соседке.*) Оставь её! Пусть она знает, что я чиста и что я скорей сойду с ума и лягу в гроб, чем позволю хоть одному мужчине любоваться белизной моей груди.

М а т ь. Молчи, молчи, что мне до этого?

Н е в е с т а. Да, я бежала с другим, бежала! (*С тоской.*) Ты бы тоже бежала. Я сгорала на огне, вся душа у меня в язвах и ранах, а твой сын был для меня струйкой воды, — я ждала от него детей, успокоения, целебной силы. Но тот был тёмной рекой, осенённой ветвями, волновавшей меня шуршаньем камышей и глухим рокотом волн. И я пошла за твоим сыном, — ведь он был холодным ручейком, — а тот посылал мне вслед стаи птиц, и они мешали мне идти и веяли холодом на мои раны, веяли холодом на бедную иссохшую женщину, девушку, обласканную огнём. Я не хотела, пойми! Я не хотела, я не хотела! Я стремилась к твоему сыну, и я его не обманывала, но рука того подхватила

меня, как волна. И она подхватила бы меня рано или поздно, даже если б я состарелась и все дети твоего сына вцепились мне в волосы!

Входит другая Соседка.

М а т ь. Ни она не виновата, ни я! (*С горькой иронией.*) Кто же тогда виноват? Жалка, слаба и бесстыдна та женщина, что надевает свадебный венок и цепляется за краешек ложа, которое согрела другая.

Н е в е с т а. Молчи, молчи! Отомсти мне: я здесь! Посмотри, какая у меня нежная шея: тебе это будет легче, чем срезать георгины в саду. Но нет! Я чиста, чиста, как новорождённая. И достаточно сильна, чтобы доказать тебе это. Зажги огонь. Поднесём к нему руки: ты — за своего сына, я — за своё тело. Первой отдёнешь их ты.

Входит третья Соседка.

М а т ь. Что мне твоя чистота? Что мне твоя смерть? Что мне до этого? Благословенна пшеница, ибо под ней мои сыновья. Благословен дождь, ибо он омывает мёртвых. Благословен бог, ибо он всех нас упокоит.

Входит четвёртая Соседка.

Н е в е с т а. Позволь мне плакать вместе с тобой.

М а т ь. Плачь. Но у дверей.

Входит Д е в о ч к а. Невеста становится у дверей. Мать — на середине сцены.

Ж е н а (*входит и идёт налево*).

Был прежде всадником прекрасным,—
Теперь, увы, он глыба снега.

По ярмаркам и по горам

Он ездил, знал объятья женщин,—

Теперь один лишь мох ночной
Чело холодное венчает.

Н е в е с т а.

Он, как подсолнечник, стремился
К любимой матери-земле,
Он чистым зеркалом казался.
Так пусть на грудь твою положат
Из горьких мирт прощальный крест,
Пушкой тебя покроет саван
Из шёлка яркого, пусть плачет
Вода в руках твоих спокойных.

Ж е н а.

Четыре отрока склонённых
Несут их. Как устали плечи!

Н е в е с т а.

Четыре отрока влюблённых
Несут по воздуху к нам смерть!

М а т ь.

Соседки...

Д е в о ч к а (в дверях).

Их несут сюда.

М а т ь.

Не всё ль равно: вот крест.

Н е в е с т а.

Пусть крест
Всех защитит — живых и мёртвых.

М а т ь.

Соседки милые! Ножом,
Вот этим ножичком, в тот день,

Что был судьбой для них назначен,
Меж часом и двумя, убили
Друг друга два мужчины сильных
Из-за любви. А этот нож,
А этот ножичек так мал,
Что выпадает он из рук,
А между тем он проникает
Незримо в глубь смущённой плоти,
Он останавливает бег свой
Там, где дрожит в клубке сплетённом
Незримый корень наших криков...

Н е в е с т а.

Ножом вот этим... Он так мал,
Что выпадает он из рук.
Он рыбкою без чешуи,
Он рыбкой, брошенной на берег,
Казался прежде, но в тот день,
Который им судьбой назначен,
Меж часом и двумя, друг друга
Ножом зарезали вот этим
Два гордых и суровых мужа.
Теперь лежат они недвижно,
На их устах желтеет смерть.

Соседки, стоя на коленях, плачут.

Занавес

И Е Р М А

Трагическая поэма в трёх актах и шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

И е р м а.
М а р и я.
Б о й к а я   с т а р у х а.
Д о л о р е с.
П е р в а я   с о с е д к а.
В т о р а я   с о с е д к а.
Т р е т ь я   с о с е д к а.
Ч е т в ё р т а я   с о с е д к а.
П я т а я   с о с е д к а.
Ш е с т а я   с о с е д к а.
П е р в а я   п о д р у г а   И е р м ы.
В т о р а я   п о д р у г а   И е р м ы.
П е р в а я   з о л о в к а.
В т о р а я   з о л о в к а.
П е р в а я   ж е н щ и н а.
В т о р а я   ж е н щ и н а.
Р е б ё н о к.
Х у а н.
В и к т о р.
С а м е ц.
С а м к а.
П е р в ы й   м у ж ч и н а.
В т о р о й   м у ж ч и н а.
Т р е т и й   м у ж ч и н а.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

При поднятии занавеса И е р м а спит; в ногах у неё рабочая шкатулка. Зыбкий, фантастический свет озаряет сцену. Входит на цыпочках П а с т у х и внимательно смотрит на Иерму. Он ведёт за руку ребёнка, одетого в белый костюмчик. Бьют часы. После ухода Пастуха сцену заливают радостный светвесеннего утра. Иерма просыпается.

Г о л о с   (з а   с ц е н о й).

Баю, баю, баю, баю!
Мы для крошки маленькой

В поле тихий дом поставим,
Станем жить мы в светлой спальне.

И е р м а. Хуан! Ты слышишь? Хуан!

Х у а н. Иду.

И е р м а. Пора.

Х у а н. Волю пришли?

И е р м а. Пришли.

Х у а н. Прощай. *(Направляется к выходу.)*

И е р м а. Выпил бы стакан молока?

Х у а н. Зачем?

И е р м а. Работы много, а ты слабый, не выдержишь.

Х у а н. Худощавые люди крепки, как сталь.

И е р м а. Только не ты. Когда мы поженились, ты был другой. Теперь у тебя такое белое лицо, как будто на него никогда не падает солнечный луч. Мне б хотелось, чтобы в бурю ты бесстрашно рассекал волны в реке, чтобы, когда на дворе бушует непогода, ты уходил из дому и подставлял грудь дождю и ветру. Вот уже два года, как мы женаты, а ты с каждым днём мрачнееешь, сохнешь, ты словно пошёл назад в своём росте.

Х у а н. Ты всё сказала?

И е р м а *(встаёт)*. Не сердись, Хуан. Иногда мне хочется заболеть, чтобы почувствовать твою заботу: «Моя жена больна. Я зарежу барашка и приготовлю ей крепкий бульон. Моя жена больна. Я натоплю куриного жира и натру ей грудь, я принесу овечью шкуру и укурю ей ноги от холода». Вот я какая. Оттого я и забочусь о тебе.

Х у а н. И я тебе благодарен за это.

И е р м а. Но не позволяешь за собой ухаживать.

Х у а н. Да я здоров. Это всё твои страхи. Я много работаю. С каждым годом буду стареть.

И е р м а. С каждым годом. И все эти годы мы проведём здесь...

Х у а н (*улыбаясь*). Конечно. Будем жить в своё удовольствие. Дела идут хорошо, детей у нас нет, не на кого тратить.

И е р м а. У нас нет детей... Хуан!

Х у а н. Что?

И е р м а. Разве я тебя не люблю?

Х у а н. Любишь.

И е р м а. Я знаю девушек, которые дрожат и плачут, перед тем как лечь в брачную постель. А я разве плакала, когда в первый раз легла с тобой? Разве я не пела, откидывая полог? Разве я тебе не сказала: как пахнет яблоками от белья!

Х у а н. Сказала!

И е р м а. Моя мать плакала, видя, что я не страдаю от разлуки с ней. И так оно и было! Никто с такой радостью не выходил замуж, как я. И вот...

Х у а н. Замолчи. У меня дел выше головы, некогда мне с тобой возиться...

И е р м а. Нет, нет, не повторяй мне того, что болтают люди, я хорошо знаю, что этого не может быть... После сильного дождя даже камни становятся мягче и покрываются гулявником, про который говорят, будто это сорняк: «Гулявник — это сорная трава», а я так люблю смотреть, как ветер колышет его жёлтые чашечки.

Х у а н. Надо ждать!

И е р м а. Да, и любить. (*Обнимает и целует мужа.*)

Х у а н. Если тебе чего-нибудь нехватает, скажи, я достану. Ты знаешь, я не люблю, когда ты уходишь из дому.

И е р м а. Я пикуда не хожу.

Х у а н. Тебе здесь лучше.

И е р м а. Да.

Х у а н. Улица для тех, кому нечего делать.

И е р м а (*мрачно*). Ты прав.

Хуан уходит. Иерма поднимает шкатулку, проводит рукой по животу, потягивается, сладко зевает и садится за шитьё.

Откуда идёшь ты, мой мальчик милый?

— С холодной угрюмой вершины. —

Что ты ищешь, мой мальчик милый?

— Тепло твоей одежды чистой.

(*Вдевает нитку в иголку.*)

Пусть ветви трепещут, согреты лучом,

И воды играют и плещут кругом!

(*Как бы обращаясь к воображаемому ребёнку.*)

В звонкой чаще пляшет ветер,

Где-то лает пёс наш серый,

В стойле бык ревёт угрюмый,

А луна зелёной сеткой

Волосы мне оплела.

Ты далёко, мальчик милый,

Чем могу помочь тебе я?

Пауза.

— Дай холмы твоих белых грудей! —

Пусть ветви трепещут, согреты лучом,

И воды играют и плещут кругом.

(*Продолжая шить.*)

Слушай, мальчик, слова мои:

Если сломлена я и клонюсь — это ты.

Пусть болит моё тело, я не грущу,

В нём твоя колыбель, в нём тебя я жду,

Когда же, мой мальчик, придёшь ко мне ты?

Пауза.

— Когда тело твоё зацветёт, как жасмин... —
Пусть ветви трепещут, согреты лучом,
И воды играют и плещут кругом.

В дверях появляется М а р и я со свёртком в руках.

И е р м а. Ты откуда?

М а р и я. Из лавки.

И е р м а. Из лавки — так рано?

М а р и я. Будь моя воля, я бы пошла, когда ещё не открывали. Угадай, что я купила?

И е р м а. Кофе для завтрака, сахар, хлеб.

М а р и я. Нет. Я купила кружев, три локтя пряжи, ленты и цветной шерсти для вязанья. Деньги мне выдал муж.

И е р м а. Ты хочешь связать себе кофточку?

М а р и я. Нет, ведь я... ты знаешь?

И е р м а. Что?

М а р и я. Ведь я — уже! (*Стоит с поникшей головой. Иерма встаёт и смотрит на неё с восхищением.*)

И е р м а. На пятом месяце?

М а р и я. Да.

И е р м а. Ты уверена?

М а р и я. Конечно.

И е р м а (*с любопытством*). Что ж ты чувствуешь?

М а р и я. Не знаю. Так, тоска у меня.

И е р м а. Тоска? (*Схватив её за руку.*) А когда же ты... поняла?... Скажи! Выходит, ты не досмотрела?

М а р и я. Да, не досмотрела...

И е р м а. В тебе всё поёт, правда? Во мне тоже всё поёт. Скажи... как же...

М а р и я. Не спрашивай. Ты никогда не держала в руке живого птенчика?

И е р м а. Держала.

М а р и я. Ну, так это то же самое... только — в крови.

И е р м а. Как это должно быть чудесно! (*В изумлении смотрит на Марию.*)

М а р и я. Я растерялась. Ведь я ничего не знаю.

И е р м а. Чего ты не знаешь?

М а р и я. Что я должна делать. Спрошу у матери.

И е р м а. Зачем? Она уже стара и, наверно, всё забыла. Тебе нельзя много ходить, а дышать ты должна так, словно у тебя в зубах роза.

М а р и я. Послушай, говорят, они потом толкают мать своими ножонками!

И е р м а. Вот тут ты их и начинаешь любить по-настоящему, тут ты уже можешь сказать: мой ребёнок!

М а р и я. А всё-таки мне стыдно.

И е р м а. Что сказал муж?

М а р и я. Ничего.

И е р м а. Он тебя очень любит?

М а р и я. Он не говорит, но когда подходит ко мне, его глаза дрожат, как два зелёных листа.

И е р м а. Он догадывался, что ты...

М а р и я. Да.

И е р м а. Как же он мог догадаться?

М а р и я. Не знаю. Но только в первую ночь он несколько раз говорил мне об этом, прильнув губами к моей щеке, и мне даже показалось, что мой ребёнок — это огненный голубок, которого он пустил мне в ухо.

И е р м а. Счастливая!

М а р и я. Но ты должна больше знать про это, чем я.

И е р м а. А зачем мне знать?

М а р и я. И то правда. И с чего бы это? Из тех девушек, что вышли тогда замуж, ты одна...

И е р м а. Это верно. Ну, да время ещё есть. Элена вот уж три года ходит пустая, а кое-кто

из подруг моей матери — ещё дольше... Но, всё-таки, ждать два года и двадцать дней, как я, — это слишком. Не знаю, за что мне такое мученье. Часто выхожу я по ночам, босая, во двор и, сама не знаю зачем, ступаю по холодной земле. Если так будет продолжаться, я не выдержу.

М а р и я. Да будет тебе: рассуждаешь, как старуха! И зачем я только заговорила! Никто не может знать, когда это придёт. Моя тётка родила через четырнадцать лет после свадьбы, и ты бы видела, какой у неё славный малыш!

И е р м а (с волнением в голосе). А что она делала?

М а р и я. Ревела, как телёнок, — звон стоял от неё в ушах, как будто трещали тысячи цикад, гаскала нас за косы, а на пятом месяце стала царапаться.

И е р м а (смеясь). Это не больно.

М а р и я. Как сказать...

И е р м а. Э! Я видела, как моя сестра кормила ребёнка, когда грудь у неё была вся в трещинах, и ей было очень больно, но это хорошая боль, здоровая, от неё только поправляешься.

М а р и я. Говорят, с детьми много горя.

И е р м а. Ложь. Это говорят хилые матери, те, что вечно хнычут. Зачем же тогда иметь детей? Дети — это не букет роз. Мы должны страдать, чтобы вырастить их. И так думаю: на них уходит половина нашей крови. Но это хорошо, это здорово, это прекрасно. У каждой женщины хватит крови на четверых, а то и на пятерых детей, а когда их нет, кровь превращается в яд, и вот эта участь ожидает меня.

М а р и я. Не знаю, что со мной.

И е р м а. Говорят, первородящие всегда чего-то боятся.

М а р и я (робко). Посмотрим... Ты так хорошо шьёшь...

И е р м а (берёт у неё свёрток). Приноси, я тебе скрою две распашонки. А это что?

М а р и я. Пелёнки.

И е р м а. Хорошо. (Садится.)

М а р и я. Ну, стало быть... Прощай. (Подходит к Иерме, так нежно гладит ей живот.)

И е р м а. Не беги по улице, а то споткнёшься о камень.

М а р и я. Прощай. (Целует Иерму и уходит.)

И е р м а. Поскорей возвращайся. (Иерма принимает ту же позу, что и в начале действия. Берёт ножницы и /начинает кроить.)

Входит Виктор.

И е р м а. Прощай, Виктор!

В и к т о р (у него сосредоточенный, важный и торжественный вид). А где Хуан?

И е р м а. В поле.

В и к т о р. Что ты шьёшь?

И е р м а. Крою пелёнки.

В и к т о р (улыбаясь). Ага!

И е р м а (смеётся). Я их обошью кружевами.

В и к т о р. Если будет девочка, назови её в свою честь.

И е р м а (дрожая). Как?

В и к т о р. Я рад за тебя.

И е р м а (почти задыхаясь). Нет... это не для меня... Это для Марии.

В и к т о р. Ну что ж, посмотрим, может, и ты последуешь её примеру. В этом доме не хватает ребёнка.

И е р м а (с тоской). Да, нехватает!

В и к т о р. Ну, так чего ж ты? Скажи мужу, чтоб он меньше думал о работе. Он хочет накопить побольше денег, и он их накопит, но кому

они достанутся после его смерти?.. Ну, я иду пасти овец. Хуан купил у меня два стада, так ты скажи ему: пусть берёт, а насчет того — пускай подумает! (*Уходит, улыбаясь.*)

И е р м а (*страстно*). Да! Пускай подумает!

Слушай, мальчик; слова мои:

Если сломлена я и клонюсь — это ты.

Пусть болит моё тело, я не грущу:

В нём твоя колыбель, в нём тебя я жду!

Когда же, мой мальчик, придёшь ко мне ты?

— Когда тело твоё зацветёт, как жасмин! —

(*Иерма задумчиво встаёт, подбегает к тому месту, где стоял Виктор, глубоко дышит — точно горным воздухом, затем отходит в противоположный конец сцены, словно ища чего-то, наконец возвращается, садится и берётся за шитьё. Начинает шить и вдруг уставляет глаза в одну точку и остаётся неподвижной.*)

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Поле. Входит И е р м а. В руках у неё корзинка. Появляется Б о й к а я с т а р у х а.

И е р м а. С хорошей погодой.

Б о й к а я с т а р у х а. И тебя также, красавица. Ты откуда?

И е р м а. Носила мужу обед в оливковую рощу.

Б о й к а я с т а р у х а. Давно замужем?

И е р м а. Три года.

Б о й к а я с т а р у х а. Дети есть?

И е р м а. Нет.

Б о й к а я с т а р у х а. Ничего! Ещё будут!

И е р м а (*взволнованно*). Вы думаете?

Б о й к а я с т а р у х а. А почему бы им не быть? (*Садится.*) Я тоже носила мужу обед. Он

старый. А всё трудится. У меня девять детей, как девять солнц, но ни одной девчонки; вот я и гоняю взад-вперёд, как видишь.

И е р м а. Вы живёте на том берегу?

Б о й к а я с т а р у х а. Да. На мельнице. Ты чья?

И е р м а. Я дочь пастуха Энрике.

Б о й к а я с т а р у х а. А, пастуха Энрике! Я его знала. Хорошая семья. Подниматься с зарёй. Трудиться в поте лица, есть один хлеб и умереть. Никакого веселья, ничего. Праздники — для других. Молчаливый народ. Меня чуть было не отдали за твоего дядю. Да нет, чорта с два! В молодости я была попрыгунья, лакомка, всё бы мне пировать да веселиться. На рассвете сколько раз, бывало, выйду на крыльцо: чудится мне музыка, то будто далеко, то совсем близко, а это — ветер. *(Смеется.)* Тебе, наверно, смешно. Одного мужа я схоронила, из четырнадцати детей пятеро у меня умерли, а мне и горя мало, и жить я хочу как можно дольше. Вот что я тебе скажу. Смоковницы сколько лет живут? Дома сколько лет стоят? Только у нас, чертовок, из-за всякого пустяка опускаются руки.

И е р м а. Я хочу спросить у вас одну вещь.

Б о й к а я с т а р у х а. Что такое? *(Пристально смотрит на неё.)* Я знаю; что у тебя на уме. Только я тебе про это ни слова не скажу. *(Встает.)*

И е р м а *(удерживает её)*. Почему же? Я послушала вас и поняла, что могу вам открыться. Мне давно хотелось поговорить с пожилым человеком. Узнать, в чём тут дело. Да. Вы мне скажете...

Б о й к а я с т а р у х а. Что?

И е р м а *(понижив голос)*. Всё, что знаете.

Почему я бездетна? Неужели мне, в расцвете сил, остаётся только ходить за птицей; гладить занавески и развешивать их на окнах? Нет! Научите же меня, что мне делать, а я сделаю всё, даже если вы скажете, что я должна вонзить себе иглу в зрачок.

Бойкая старуха. Я? Я ничего не знаю. Я ложилась на спину и начинала петь. Дети приходят, как вода. Ах, кто посмеет сказать, что твоё тело не прекрасно? Ты топнешь ногой — и в ответ на том конце улицы послышится ржанье коня. Ах, пусть, девушка; и не спрашивай меня больше! Я много знаю, да не хочу говорить.

Иерма. Почему? Я со своим мужем ни о чём другом не говорю!

Бойкая старуха. Слушай. Ты любишь своего мужа?

Иерма. Что?

Бойкая старуха. Любишь ли ты его? Хочется ли тебе быть с ним?..

Иерма. Не знаю.

Бойкая старуха. Дрожишь ли ты при его приближении? Не лишаешься ли ты чувств, хотя бы на мгновение, когда он тянется к тебе губами? Скажи?

Иерма. Нет. Я никогда ничего подобного не испытывала.

Бойкая старуха. Никогда? Даже когда танцевала?

Иерма (*припоминая*). Может быть... Однажды... Виктор...

Бойкая старуха. Я слушаю.

Иерма. ...взял меня за талию, и я ничего ему не сказала, потому что не в силах была говорить. Ещё раньше, когда мне было четырнадцать лет, Виктор, — а он уж был тогда здоровый парень, —

взял меня на руки и перенёс через канаву; и меня вдруг всю затрясло, зуб на зуб не попадал. Должно быть, я была очень застенчива.

Б о й к а я с т а р у х а. А с мужем...

И е р м а. Муж — другое дело. Мне его выбрал отец, и я его приняла с радостью. Это я прагду говорю. Ведь в тот самый день, как я стала его невестой, я уже думала... о детях... И заглядывала ему в глаза. Да, но я была тогда такая маленькая, такая послушная, я была как бы своим собственным ребёнком.

Б о й к а я с т а р у х а. Совсем иначе было со мной. Оттого ты, может, и не родила во-время. Мужчины должны нам правиться, дочка. Они должны расплетать нам косы и поить нас из рта. Так устроен мир.

И е р м а. Твой, но не мой. Я мечтаю о многом, о многом, и верю, что то, о чём я мечтаю, осуществит мой сын. Я отдалась мужу и отдаюсь и теперь только ради того, чтобы иметь сына, но никогда — ради наслаждения.

Б о й к а я с т а р у х а. Вот ты и ходишь пустая!

И е р м а. Нет, не пустая, я полна ненависти. Скажи, моя ли это вина? Разве в мужчине нужно искать только мужчину и ничего больше? О чём же ты станешь думать, когда муж поворачивается на другой бок и засыпает, а ты уставляешь печальные глаза в потолок? Думать ли мне о нём, или о том, что может просиять из моего чрева? Я не знаю, сжался же надо мной, ответь! (*Становится на колени.*)

Б о й к а я с т а р у х а. Ах ты, цветок душистый! Уродится же такая красавица! Только ты оставь меня. Ничего у меня не выпытывай: Не хочу я больше с тобой говорить. Тут речь идёт о чести, а я ничьей чести пятнать не хочу.

Придёт время — сама узнаешь. Одно скажу: не надо быть такой наивной.

И е р м а (*печально*). Перед теми девушками, что, как я, выросли в поле, в деревнях все двери заперты. Люди отделиваются от них недомолвками, знаками, говорят, будто они не должны знать о таких вещах. И ты — ты тоже молчишь и уходишь с видом мудреца; сама знаешь всё и отказываешь той, кто изнывает от жажды хоть что-нибудь знать.

Б о й к а я с т а р у х а. С другой, разумной женщиной, я бы побеседовала. А с тобой — нет... Я стара и знаю, что говорю.

И е р м а. Ну что ж, может, господь смилуется надо мной.

Б о й к а я с т а р у х а. Господь? Он мне всегда был не по душе. Когда вы, наконец, поймёте, что его нет? Люди — вот кто должен над тобой смиловаться!

И е р м а. К чему ты это говоришь, к чему?

Б о й к а я с т а р у х а (*уходя*). А впрочем, не плохо, если б и был бог, хотя бы малюсенький, — пусть бы он разразил громом всех мужчин с гнилым семенем, что загрязняют радость наших полей.

И е р м а. Не понимаю, что ты хочешь сказать.

Б о й к а я с т а р у х а. Ладно, зато я себя хорошо понимаю. Не печалься. Запасись терпением и жди. Ты ещё так молода. А я — что я могу для тебя сделать? (*Уходит.*)

Появляются две подруги Иермы.

П е р в а я п о д р у г а И е р м ы. Куда ни пойдём — всюду народ.

И е р м а. Сейчас рабочая пора, мужчины в отивковых рощах, каждому надо принести поесть. Дома одни старики.

Вторая подруга Иермы. Ты в село?
Иерма. Да, я иду туда.

Первая подруга. Я тороплюсь. Когда я уходила, ребёнок спал, а дома никого.

Иерма. Тогда беги, девушка. Детей нельзя оставлять одних. У вас свиньи есть?

Первая подруга. Нет. Но ты права. Надо бежать.

Иерма. Скорей. Вот так и приходит беда. Ты его, наверно, заперла?

Первая подруга. Конечно.

Иерма. Да, но вы даже не представляете себе, что такое маленький ребёнок. То, что нам кажется совсем безобидным, может погубить его: иголка, глоток воды...

Первая подруга. Ты права. Бегу. Мне это не приходило в голову.

Иерма. Скорей.

Вторая подруга. Было бы у тебя четверо или пятеро, ты бы так не говорила.

Иерма. Почему? Хотя бы сорок.

Вторая подруга. А всё-таки нам с тобой спокойней живётся без детей.

Иерма. Мне — нет.

Вторая подруга. А мне — да. Подумаешь, горе! А вот мать всё поит меня травяным настоем от бесплодия, и в октябре мы пойдём с ней к одному святому: говорят, кто ему помолится с верой, тем он посылает детей. Мать будет молиться. Я — нет.

Иерма. Зачем же ты вышла замуж?

Вторая подруга. Потому что меня выдали. Все выходят замуж. Если так будет продолжаться, в девушках останутся одни подростки. И потом... иные выходят замуж задолго до венца. Но старухи насчёт этого упрямы. Мне девятнадцать лет, не желаю я ни стряпать, ни стирать.

Так нет же, изволь целый день возиться с тем, к чему у тебя не лежит душа. Ну, зачем это? Какой прок моему мужу от того, что он мой муж? Ведь чем мы с ним занимаемся теперь, тем занимались и до замужества. Это старики придумали разные глупости.

И е р м а. Молчи, не говори при мне таких вещей.

В т о р а я п о д р у г а. Пожалуй, и ты назовёшь меня взбалмошной. Взбалмошная, взбалмошная! (*Смеётся.*) А я тебе скажу: единственно, что я узнала в жизни, это что все люди у себя дома делают то, что им не нравится. Насколько же лучше чувствуешь себя на улице! Я иду к ручью, поднимаюсь на колокольню — и звоню, захожу в таверну — и выпиваю стакан анисовой воды.

И е р м а. Ты ещё дитя.

В т о р а я п о д р у г а. Конечно, но я не взбалмошная. (*Смеётся.*)

И е р м а. Твоя мать живёт в верхней части села?

В т о р а я п о д р у г а. Да.

И е р м а. В крайнем доме?

В т о р а я п о д р у г а. Да.

И е р м а. Как её зовут?

В т о р а я п о д р у г а. Долорес. А почему ты спрашиваешь?

И е р м а. Просто так.

В т о р а я п о д р у г а. А может, неспроста?

И е р м а. Да нет... это я к слову.

В т о р а я п о д р у г а. Ой, что-то есть!.. Ну, поживём — увидим. Пойду отнесу мужу обед. Как жаль, что нельзя сказать: «жениху», правда? (*Смеётся.*) Вот и ушла взбалмошная! (*С весёлым смехом уходит.*) Прощай!

В и к т о р (*пóст за сценой*).

Зачем спишь ты один, пастух?

Зачем спишь ты один, пастух?

На моей постели
Из мягкой шерсти
Ты бы слаще уснул.
Зачем спишь ты один, пастух?

(Иерма прислушивается к пению.)

Зачем спишь ты один, пастух?
На моей постели
Из шерсти мягкой
Ты бы слаще уснул.
Роса морозная — твоя рубашка,
Пастух,
И тростники от инея седые —
Постель твоя, пастух,
А в изголовье — чёрный камень,
Пастух,
Ты голос женщины услышишь —
То зов ручья в зеленой чаще,
Пастух.

Иерма направляется к выходу и сталкивается с В и к т о р о м.

В и к т о р *(весело)*. Куда держишь путь, красавица?

И е р м а. Это ты пел?

В и к т о р. Я.

И е р м а. Как ты хорошо поёшь! Я никогда раньше не слыхала.

В и к т о р. Не слыхала?

И е р м а. И какой звонкий голос! В горле у тебя точно струя воды.

В и к т о р. Я весёлый.

И е р м а. Это правда.

В и к т о р. А ты мрачная.

И е р м а. Нет, обычно я не мрачная. А сейчас у меня есть на то причина.

В и к т о р. А твой муж ещё мрачнее, чем ты.

И е р м а. Оч — да. У него тяжёлый характер.

В и к т о р. Он всегда был таким. (*Пауза. Иерма садится.*) Ты носила обед?

И е р м а. Да. (*Смотрит на Виктора. Пауза.*)
Что у тебя здесь? (*Показывает на лицо.*)

В и к т о р. Где?

И е р м а (*встаёт и подходит к Виктору*).
Здесь... на щеке, точно ожог.

В и к т о р. Пустяки.

И е р м а. Мне показалось.

Пауза.

В и к т о р. Должно быть, от солнца...

И е р м а. Возможно...

Пауза. В напряжённой тишине между двумя персонажами идёт глухая внутренняя борьба.

И е р м а (*вздрагивает*). Слышишь?

В и к т о р. Что?

И е р м а. Не слышишь: плачут?

В и к т о р (*прислушивается*). Нет.

И е р м а. Мне послышалось, точно плачет ребёнок.

В и к т о р. Да?

И е р м а. Очень близко. Какой-то придушенный плач.

В и к т о р. Здесь всегда много ребят: они воюют фрукты.

И е р м а. Нет. Это плач грудного ребёнка.

Пауза.

В и к т о р. Я ничего не слышу.

И е р м а. Значит, это мне показалось. (*Пристально смотрит на Виктора, тот так же смотрит на Иерму, затем, словно испугавшись, медленно отводит взгляд.*)

Входит Х у а н.

Х у а н. Ты что здесь делаешь?

И е р м а. Мы разговаривали.

В и к т о р. Прощайте. (*Уходит.*)

Х у а н. Я думал, ты давно дома.

И е р м а. Я задержалась..

Х у а н. Не понимаю, что тебя могло задержать.

И е р м а. Я слушала пение птиц.

Х у а н. Так. А потом разговоров не оберёшься.

И е р м а (*резко*). Хуан, что у тебя за мысли?

Х у а н. Я ведь не о тебе, я о людях.

И е р м а. Наплевать мне на людей!

Х у а н. Не ругайся. Женщинам нехорошо ругаться.

И е р м а. Если б я была женщиной!

Х у а н. Оставим этот разговор. Иди домой.

Пауза.

И е р м а. Ладно. С ужином тебя ждать?

Х у а н. Нет. Я буду всю ночь поливать. Воды мало; она — моя; пока солнце не взойдёт; и я должен уберечь её от воров. Ложись и спи.

И е р м а (*трагическим тоном*). Я засну! (*Уходит.*)

Конец первого акта

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

При поднятии занавеса слышно пение. К р е с т ь я н к и, поодаль друг от друга, полощут в ручье бельё.

Песня

Я в ручье холодном, чистом

Твой пояс мыла.

Как жасмин, лучом согретый, —

Смех твой зыбкий.

П е р в а я с о с е д к а. Не люблю я сплетничать.

Т р е т ь я с о с е д к а. А здесь всегда сплетничают.

Четвёртая соседка. И ничего в этом нет дурного.

Пятая соседка. Почёт надо заслужить.

Четвёртая соседка (*поёт*).

Я свой тмин посадила —
Зеленеет мой тмин.
Кто почёта в жизни хочет —
Должен сам честно жить.

(Женщины смеются.)

Пятая соседка. Так поётся в песне.

Первая соседка. А толком никто ничего не знает.

Четвёртая соседка. Известно одно: муж взял к себе в дом двух сестёр.

Пятая соседка. Старых дев?

Четвёртая соседка. Да. До сих пор они присматривали за церковью, а теперь будут присматривать за невесткой. Я бы с ними не ужилась.

Первая соседка. Почему?

Четвёртая соседка. Потому что я их боюсь. Они напоминают те большие листья, что мгновенно вырастают на могилах. Лица у них словно натёрты воском. Угрюмые. По-моему, они и жарят всё на лампадном масле.

Третья соседка. Они уж переехали к нему?

Четвёртая соседка. Да, вчера. Муж опять уходит в поле.

Первая соседка. А всё-таки, что произошло?

Четвёртая соседка. Позавчера она до рассвета присидела на пороге, хотя ночь была холодная.

Первая соседка. Почему?

Четвёртая соседка. Ей тяжело оставаться в доме.

Пятая соседка. Эти бездетные все таковы: вместо того, чтоб сидеть дома да вязать кружева или варить варенье, лазают по крыше или шлёпают босиком по воде.

Первая соседка. Ну, чего зря болтать? Детей у неё нет, но она в этом не виновата.

Четвёртая соседка. Дети бывают у того, кто их хочет. А эти неженки, лентяйки, белоручки пуза не нагуляют! *(Смеются.)*

Третья соседка. Зато они пудрятя, румянятся и вплетают в волосы олеандровые ветви, чтоб прельщать чужих мужей.

Пятая соседка. Вот уж это правда!

Первая соседка. А вы её видели с чужим мужчиной?

Четвёртая соседка. Мы — нет, а другие видели.

Первая соседка. Ох, уж эти другие!

Пятая соседка. Говорят, её заставляли два раза.

Вторая соседка. Что же они делали?

Четвёртая соседка. Разговаривали.

Первая соседка. Разговаривать — не грех.

Четвёртая соседка. В жизни много значит взгляд. Моя мать всегда это говорила. Одно дело смотреть на букет роз, а другое — на мужские ляжки. А она на него смотрит.

Первая соседка. На кого?

Четвёртая соседка. На мужчину, поняла? Или, может, ещё погромче? *(Смех.)* А если она и не смотрит на него, — когда она одна, когда он не с ней, — он всё равно стоит у неё перед глазами.

Первая соседка. Ложь! *(Шум.)*

Пятая соседка. А муж?

Третья соседка. Глух и нем. Беспечен, как ящер, что греется на солнце. (Смеётся.)

Первая соседка. Всё бы уладилось, если б у них были дети.

Вторая соседка. Судьба всегда наказывает недовольных.

Четвёртая соседка. В доме у них ад, с каждым часом всё хуже. Она с золовками словом не перемолвится: целый день они втроём белят стены, чистят медную посуду, протирают стёкла, натирают маслом пол, — и чем больше блеска снаружи, тем сильнее пылает огонь внутри.

Первая соседка. Муж во всём виноват, муж; если он неспособен, так пусть по крайней мере заботится о жене.

Четвёртая соседка. Виновата она: ведь у неё не язык, а кремень.

Первая соседка. Какой бес в тебя вселился?

Четвёртая соседка. Чего ты ко мне пристала?

Вторая соседка. Замолчите!

Первая соседка. Я бы на вязальную иглу нанизала длинные языки.

Вторая соседка. Замолчите!

Четвёртая соседка. А я бы воткнула её в грудь притворщикам.

Вторая соседка. Тише! Не видите: сюда идут золовки?

Женщины шушукаются. Входят две золовки Иермы. Они в трауре. Среди всеобщего молчания обе принимаются полоскать бельё. Вдали звенят колокольчики.

Первая соседка. Это стада?

Третья соседка. Да, в это время они всегда возвращаются домой.

Четвёртая соседка (*глубоко дышит*).
Мне нравится, как пахнут овцы.

Третья соседка. Да ну?

Четвёртая соседка. А что ж тут такого? Всё имеет свой запах. Я люблю и запах красной тины, которую река выбрасывает на берег вимой.

Третья соседка. Причуды.

Пятая соседка (*вглядываясь*). Все стада идут вместе.

Четвёртая соседка. Целое море шерсти. Оно может всё смыть на своём пути. Если б зеленым имел разум, страшно было б им смотреть на приближающиеся стада.

Третья соседка. Смотри, как бегут! Точно вражеские полчища!

Первая соседка. Все до одной вернулись.

Четвёртая соседка. Дай поглядеть... Нет... Нет, нет, одной нехватает.

Первая соседка. Чьей?..

Четвёртая соседка. Виктора.

Золовки выпрямляются и смотрят.

Я в ручье холодном, чистом
Твой пояс мыла.
Как жасмин, лучом согретый, —
Смех твой зыбкий.
Хотела б жить
Я в снегопаде тихом —
Твоём, жасмин!

Первая соседка.

Горе ей, жене бездетной!
Грудь её суха, как пепел.

Ч е т в ё р т а я   с о с е д к а .

С бельём малютки-сына
Я сюда пришла,
Чтоб вода узнала:
Он светел, как хрусталь.

В т о р а я   с о с е д к а .

Муж с горы крутой спустился,
Дома ждёт его обед,
Он мне в дар приносит розу —
Я дам три ему взамен.

П я т а я   с о с е д к а .

Муж идёт ко мне долиной,
Ужинать давно пора.
Те дары, что он несёт мне,
Увенчаю миртом я.

Ч е т в ё р т а я   с о с е д к а .

Муж по воздуху нисходит
На моё большое ложе,
И, как алые левкой,
Будем с мужем мы вдвоём.

П е р в а я   с о с е д к а .

А когда дыханье лета опалает кровь жнецов,
Надо грудь ему подставить
и с цветком сплетать цветок.

Ч е т в ё р т а я   с о с е д к а .

А когда зима седая постучится в наши двери,—
Надо всем ветрам бессонным
наше чрево открывать.

П е р в а я   с о с е д к а .

Надо нам стонать под лаской.

Ч е т в ё р т а я   с о с е д к а .

Надо петь нам и вздыхать.

Пятая соседка.

Когда мужчина нам вручает
С венком своим и хлеб и страсть...

Четвёртая соседка.

...Тогда сжимаются объятья.

Вторая соседка.

Тогда и солнца луч играет
Так весело на горле белом.

Четвёртая соседка.

Нежней стволы в тени дубравной.

Первая соседка.

Тогда с горами ветер резвый
Безустали играет в прятки.

Вторая соседка.

Пусть коралловою ветвью
Наше тело расцветёт.

Шестая соседка (*появляясь над потоком*).

Пусть гребцы взрезают мерно
Волн морских живую гладь.

Первая соседка.

Дай сына мне, малютку, дай сына мне,
дай сына!

Вторая соседка.

Пусть голуби раскроют свой нежный клюв и
крылья.

Третья соседка.

Ребёнка — чтобы плакал! Дай сына мне,
дай сына!

Ч е т в ё р т а я   с о с е д к а .

Вот мужчины подходят,
Как олени, пугливо.

П я т а я   с о с е д к а .

Радость жизни, радость жизни, радость жизни!
Округлился под рубашкой стан твой гибкий.

В т о р а я   с о с е д к а .

Радость жизни, радость жизни!
Чрево! Ты подобно кубку,
Ты полно чудес незримых!

П е р в а я   с о с е д к а .

Только горе ей, жене бездетной!
Грудь её суха, как серый пепел.

Т р е т ь я   с о с е д к а .

Пусть ликует!

Ч е т в ё р т а я   с о с е д к а .

Пусть уходит!

П я т а я   с о с е д к а .

Чтобы снова ликовать!

П е р в а я   с о с е д к а .

Пусть поёт!

В т о р а я   с о с е д к а .

Пусть лик свой скроет!

П е р в а я   с о с е д к а .

И запоёт опять!

Ш е с т а я   с о с е д к а .

У тебя, мой мальчик милый,
В платье прячется заря.

В с е (*хором*).

Я в ручье холодном, чистом

Твой пояс мыла.

Как жасмин; лучом согретый, —

Смех твой зыбкий.

Ха, ха, ха!

В такт машут в воздухе бельём и колотят его
о камни.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в доме Иермы. Сумерки. Х у а н сидит. Д в е
его с е с т р ы стоят.

Х у а н. Ты говоришь, она недавно ушла?

Старшая сестра утвердительно кивает головой.

Должно быть, пошла к ручью. Да, только вы знаете,
как я не люблю, когда она уходит одна. (*Пауза.*
Младшей сестре.) Можешь накрывать на стол.

Младшая сестра уходит.

Не легко мне достаётся хлеб насущный. (*Сестре.*) Вчера у меня был трудный день. С самого утра подрезал яблони, а вечером подумал: для чего я так убиваюсь на работе, когда даже не знаю, какие они на вкус, эти яблоки? Опостылело мне всё. (*Проводит рукой по лицу. Пауза.*) А её всё нет... Кому-нибудь из вас надо было пойти с ней, ва это я вас кормлю и пою. Моя жизнь проходит в поле, но честь моя остаётся здесь. А моя честь — это и ваша честь.

Сестра утвердительно кивает головой.

Не обижайся, сестра.

Входит И е р м а с двумя кувшинами и останавливается
в дверях.

Ты ходила к ручью?

И е р м а. Да, принесла свежей воды к обеду.

Сестра уходит.

Как дела на поле?

Х у а н. Вчера я целый день подрезал яблони.

Иерма ставит кувшины на место. Пауза.

И е р м а. Сегодня ты будешь дома?

Х у а н. Нет, нужно присмотреть за скотиной. Для хорошего хозяина всегда дело найдётся, ты должна это знать.

И е р м а. Я знаю. Незачем повторять.

Х у а н. У мужчин своя жизнь.

И е р м а. А у женщин своя. Я не прошу, чтоб ты сидел дома. Я здесь ни в чём не нуждаюсь. Твои сёстры меня оберегают. Есть у меня и мягкий хлеб, и овечий сыр, и жареная баранина, а у твоих овец вдоволь росистой травы в горах. Жить бы тебе да радоваться.

Х у а н. Радоваться можно, когда на душе спокойно.

И е р м а. А ты не спокоен?

Х у а н. Нет.

И е р м а. Не понимаю, на что ты намекаешь.

Х у а н. Разве ты не знаешь, какое у меня правило? Овцы — в загоне, а женщины — в доме. А ты часто уходишь. Сколько раз я тебе про это говорил?

И е р м а. Верно. Место женщины — в доме. Когда дом — не склеп. Когда стулья ломаются и простыни рвутся от того, что ими пользуются. А у нас — не так. Каждый вечер, когда я ложусь, наша кровать кажется мне совсем новенькой, блестящей, словно её только вчера привезли из города.

Х у а н. Вот и выходит, что я не зря волнуюсь. Есть, есть у меня причины для беспокойства!

И е р м а. Для беспокойства? Из-за чего? Я перед тобой ни в чём не провинилась. Слушаюсь я тебя во всём, а свою скорбь запрятала глубоко. И с каждым днём мне всё тяжелей и тяжелей. Лучше оставим этот разговор. Я постараюсь нести свой крест как можно незаметней, только не спрашивай меня ни о чём. Если б я могла вдруг превратиться в старуху, и мои губы стали бы похожи на увядший цветок, я бы могла улыбаться тебе и жить одной жизнью с тобой. А пока, а пока оставь меня одну с моим горем.

Х у а н. Не понимаю, что ты хочешь сказать. Я тебе ни в чём не отказываю. Чего бы ты ни захотела — я сейчас посылаю в соседнее село. У меня есть свои недостатки, но я хочу жить с тобой в мире и в ладу. Когда я ночую не дома, я хочу знать, что ты тоже спишь.

И е р м а. Нет, я не сплю, я не могу спать.

Х у а н. Чего же тебе нехватает? Скажи. Ну!

И е р м а (*пристально глядя на мужа*). Да, нехватает.

Пауза.

Х у а н. Опять за то же. Пять лет подряд. А мне, по правде говоря некогда об этом думать.

И е р м а. Но я — не ты. У мужчин своя жизнь: стада, деревья и свои разговоры, а у нас, женщин, должна быть одна забота: дети и уход за детьми.

Х у а н. У каждого — своё. Почему бы тебе не взять на воспитание своего племянника? Я бы ничего не имел против.

И е р м а. Не хочу я нянчить чужих детей. Мне всё кажется, что когда я их возьму, то руки у меня окоченеют.

Х у а н. Ты просто помешалась на беременности: забываешь про все дела и бьёшься головой о камень.

И е р м а. Камень! Вот это-то и подло, что ка-

мень, а не корзина цветов и не сладкая вода

Х у а н. От тебя одно только беспокойство да огорчение. Давно бы пора смириться.

И е р м а. Я вошла в этот дом не для того, чтобы смириться. Когда мне стянут голову платком, чтобы не отвисала челюсть, и накрепко свяжут руки, чтобы они не ударялись о стенки гроба, тогда я смирюсь.

Х у а н. Чего ж тебе надо?

И е р м а. Я хочу утолить жажду, но у меня нет ни стакана, ни воды, хочу взобраться на гору, а ноги отказываются идти, хочу обшить кружевами юбку, а ниток нет.

Х у а н. Беда в том, что ты не хозяйка, тебе ничего не стоит погубить бесхарактерного мужчину.

И е р м а. Я сама не знаю, кто я. Не мучь меня, дай мне успокоиться. Я ни в чём перед тобой не виновата.

Х у а н. Я не люблю, когда люди показывают на меня пальцем. Вот почему я хочу, чтоб эта дверь всегда была заперта и чтоб все были дома.

Входит старшая сестра и медленно направляется к стенному шкафу.

И е р м а. Говорить с людьми — не грех.

Х у а н. А другим это может показаться грехом.

Входит другая сестра, направляется к кувшинам и наливает в большой кувшин воды.

Х у а н (*понижив голос*). Я этого больше не потерплю. Если с тобой ещё раз заговорят, запрот на замок и думай о том, что ты замужняя женщина.

И е р м а (*удивлённо*). Замужняя!

Х у а н. Думай о чести семьи, а честь — это
время, которое несут все.

Младшая сестра с кувшином в руках медленно направ-
ляется к двери и уходит.

Её не видно, потому что она у нас в крови, но
она есть.

Другая сестра, торжественно, словно хоругвь, держа в
руках миску, направляется к двери и уходит. Пауза.

Прости меня.

Иерма пристально смотрит на мужа, тот поднимает го-
лову, и взгляды их встречаются.

Однако ты смотришь на меня так, что мне надо
было не прощения у тебя просить, а сломить твоё
упрямство и запереть тебя, — на то я и муж.

В дверях появляются обе сестры.

И е р м а. Замолчи, умоляю тебя. Прекратим
этот разговор.

Пауза.

Х у а н. Давайте обедать.

С ё с т р ы входят.

Слышишь?

И е р м а (*мягко*). Обедайте без меня. Мне
ещё не хочется есть.

Х у а н. Как хочешь. (*Уходит.*)

И е р м а (*как бы во сне*).

О ты, поляна вечной скорби!
Вы, двери, — вы теперь замкнулись
Для красоты! Хочу я сына,
Чтобы страдать, но воздух лунный
Мне предлагает хрупкие цветы.
Два родника в груди ношу я
С сладчайшим молоком, но в недрах

Они смущённой плоти бьются
Конём израненным, сгибая
Живую ветвь бесплодной муки.
О, горе вам,—вам, скрытым под одеждой,
Слепым, лишённым белизны голубкам!
О, горе этой крови пленной,
В затылок мне вонзающей осу!
Но ты придёшь, мой мальчик милый,
В воде таится соль, растут
В земле плоды и в нашем чреве — дети.
Так нежный дождь в себе скрывает туча.

(*Глядит на дверь.*) Мария! Отчего ты теперь стараешься незаметно пройти мимо моей двери?

М а р и я (*входит с ребёнком на руках*). Когда я с ребёнком, я всегда... ведь ты опять заплачешь!

И е р м а. Это верно. (*Берёт у неё ребёнка и садится.*)

М а р и я. Мне неприятно, что ты завидуешь мне.

И е р м а. Я не завидую, я тоскую.

М а р и я. Не горюй.

И е р м а. Как же мне не горевать, когда я вижу, что у тебя и у других женщин всё внутри полно цветов, и только я брожу как неприкаянная среди всей этой красоты!

М а р и я. Но у тебя есть другое. Послушалась бы меня и была бы счастлива.

И е р м а. Бездетная крестьянка — это как сорная трава в поле, и даже ещё хуже; вот и я такая сорная трава: видно, забыл меня бог.

Мария делает такое движение, будто хочет взять у Иермы ребёнка.

На, держи, у тебя ему спокойней. Должно быть, у меня не материнские руки.

М а р и я. Почему ты так думаешь?

И е р м а (*встаёт*). Потому что я больше не

могу. Потому что мне опостытели мои руки, которыми я не могу ласкать своего ребёнка. Потому что мне больно, невыносимо больно и обидно видеть, что колосья наливаются, что в ручьях не иссякает вода, что овцы ягнятся каждый год, а собаки щенятся, и что вся земля точно встала на ноги и показывает мне свою нежную поросль, спящую сладким сном, а у меня в том месте, где я должна была бы чувствовать детские губки, отдаются удары двух молотков.

М а р и я. Не по душе мне твои речи.

И е р м а. У кого есть дети, те не в состоянии понять бездетных. Вы всегда веселы и беззаботны: кто купается в пресной воде, тому и в голову не приходит, что можно страдать от жажды.

М а р и я. Мне надоело повторять тебе одно и то же.

И е р м а. Желаний во мне всё больше, а надежд всё меньше.

М а р и я. Плохо дело.

И е р м а. Кончится тем, что я вообразю себя своим собственным сыном. Почти каждую ночь я встаю, иду к волам и даю им корм, — раньше я не ходила, ведь это не женское дело, — и когда я прохожу по тёмному стойлу, кажется мне, будто у меня поступь мужчины.

М а р и я. Каждый по-своему с ума сходит.

И е р м а. И всё-таки он любит меня. Вот видишь, какая у меня жизнь!

М а р и я. А золовки?

И е р м а. Когда случается с ними заговорить, то мне кажется, что я мертва — и без савана.

М а р и я. А муж?

И е р м а. Их трое против меня.

М а р и я. Что у них на уме?

И е р м а. Вздор. Как у всех, у кого совесть не чиста. Боятся, как бы мне не приглянулся

другой, а того не знают, что если б даже и приглянулся, всё равно честь у меня на первом месте, — таков весь мой род. Они — камни на моём пути. Но они не подозревают, что если я захочу, я могу превратиться в бурный поток, и он снесёт их.

Входит одна из воловок, достаёт из шкафа хлеб и уходит.

М а р и я. Что ни говори, а, по-моему, твой муж любит тебя.

И е р м а. Мой муж даёт мне кров и хлеб.

М а р и я. Трудно тебе, ох, как трудно! Да что ж делать: Христос терпел и нам велел. *(Обе подходят к двери.)*

И е р м а *(показывает на ребёнка)*. Просыпается.

М а р и я. Сейчас затянет свою песню.

И е р м а. А знаешь, глаза у него — твои. Ты заметила? *(Плачет.)* Совсем такие же глаза! *(Иерма осторожно подталкивает Марию к выходу, и та молча уходит. Иерма направляется к двери, в которую ушёл Хуан.)*

Вторая подруга И е р м ы. Тс-с-с.

И е р м а *(оборачиваясь)*. Это ты?

Вторая подруга. Я ждала, пока уйдёт Мария. Моя мать тебя зовёт.

И е р м а. Она одна?

Вторая подруга. У нас две соседки.

И е р м а. Скажи им, чтоб они немножко подождали.

Вторая подруга. А всё-таки придёшь? И тебе не страшно?

И е р м а. Я приду.

Вторая подруга. Смелая же ты!

И е р м а. Пусть подождут: хоть поздно, да приду.

Входит В и к т о р.

В и к т о р. Хуан дома?

И е р м а. Да.

В т о р а я п о д р у г а (с видом заговорщицы).
Так я тебе принесу кофточку.

И е р м а. Хорошо. (Подруга уходит.) Садись.

В и к т о р. Я могу и постоять.

И е р м а (зовёт). Хуан!

В и к т о р. Я пришёл проститься. (Слегка
вздрагивает, но тут же берёт себя в руки.)

И е р м а. И братья тоже уходят?

В и к т о р. Это воля отца.

И е р м а. Он, должно быть, старый?

В и к т о р. Да. Очень старый.

Пауза.

И е р м а. Ты хорошо делаешь, что покидаешь
наш край.

В и к т о р. Все края одинаковы.

И е р м а. Нет. Я бы ушла далеко-далеко!

В и к т о р. Везде одно и то же. Такие же овцы,
и такую же дают они шерсть.

И е р м а. Для мужчин — да, а мы, женщины,
устроены иначе. Никогда я не слыхала, чтобы
мужчина сказал: какие вкусные яблоки! Вы не
любите много говорить, а берёте, что вам нужно.
О себе могу сказать одно: надоела мне вода из
здесьних колодцев.

В и к т о р. Возможно.

Сцену окутывает мягкий сумрак.

И е р м а. Виктор!

В и к т о р. Что?

И е р м а. Почему ты уходишь отсюда? Здесь
все тебя любят.

В и к т о р. Я жил честно.

Пауза.

И е р м а. Ты жил честно. Однажды, когда ты

был ещё мальчуганом, ты взял меня на руки, помнишь? Никто не знает, что ждёт его в будущем.

В и к т о р. Всё на свете меняется.

И е р м а. Нет, не всё. Что живёт за стенами, то не может меняться, потому что его никто не слышит.

В и к т о р. Это верно.

Входит М л а д ш а я з о л о в к а, медленно проходит к другой двери и останавливается, освещённая последними лучами заката.

И е р м а. Но если б ему дали вырваться на свободу, оно наполнило бы своим криком весь мир.

В и к т о р. И ничто бы от этого не изменилось. Всею своё место: оросительному каналу — в поле, стаду — в загоне, луне — на небе, а человеку — за плугом.

И е р м а. Как жаль, что мудрость стариков нам недоступна!

Из-за сцены доносится протяжная и грустная мелодия пастушьих свирелей.

В и к т о р. Стада.

Х у а н (*входит*). Ты уже собрался в дорогу?

В и к т о р. Хочу ещё до рассвета перевалить через горы.

Х у а н. Может, ты чем не доволен?

В и к т о р. Нет. Ты дал мне хорошую цену.

Х у а н (*Иерме*). Я купил у него стада.

И е р м а. Вот как?

В и к т о р (*Иерме*). Теперь они — твои.

И е р м а. Я не знала.

Х у а н (*довольный*). Да, дело сделано.

В и к т о р. У твоего мужа сердце должно радоваться: дом у него — полная чаша.

И е р м а. По трудам и награда.

Золовка, стоявшая в дверях, уходит.

Х у а н. Мы уж не знаем, куда девать овец.
И е р м а (*печально*). Места много.

Пауза.

Х у а н. Я тебя провожу до ручья.

В и к т о р. Желаю вам счастья. (*Протягивает Иерме руку.*)

И е р м а. Дай бог, чтобы сбылось твоё пожелание. Счастливый путь!

Виктор направляется к выходу, но Иерма делает чуть заметное движение, и он оборачивается.

В и к т о р. Ты что-то сказала?

И е р м а (*с отчаянием в голосе*). Я сказала: счастливый путь.

В и к т о р. Благодарю. (*Уходит вместе с Хуаном.*)

Иерма с тоской смотрит на свою руку, которую только что пожал Виктор. Затем быстро отходит налево и берёт шаль.

В т о р а я п о д р у г а (*закрывает ей голову шалью*). Идём.

И е р м а. Идём. (*Крадучись уходят.*)

На сцене почти совсем темно. Входит Старшая золовка со свечой в руке; сцена должна быть освещена только этим естественным светом свечи и никаким другим. Золовка идёт в глубину сцены, разыскивая Иерму. Вдалеке играют на свирелях пастухи.

П е р в а я з о л о в к а (*тихо*). Иерма!

ходит В т о р а я з о л о в к а. Они смотрят друг на друга и направляются к двери.

В т о р а я з о л о в к а (*громче*). Иерма!

Первая зюловка (подходит к двери; властно). Иерма!

Слышны звуки свирелей и рожков. Сцена погружается в полную темноту.

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дом знахарки Долорес. Светает. Входят Иерма, Долорес и две старухи.

Долорес. Ты вела себя храбро.

Первая старуха. Ничего нет в мире сильней желания.

Вторая старуха. А на кладбище-то — темным-темно.

Долорес. Я часто вожу бездетных молиться на кладбище, и все они дрожат от страха. Все, кроме тебя.

Иерма. Я пришла к тебе за помощью. И верю, что ты не обманщица.

Долорес. Нет. Пусть муравьи облепят мой язык, как облепляют они рот мертвеца, если я когда-нибудь лгала. В последний раз я молилась с одной бедной женщиной: она ходила пустая ещё дольше тебя, и что ж ты думаешь? Немного погодя живот у неё так хорошо округлился, что она родила сразу двойню, и до села добежать не успела, разрешилась прямо на берегу реки, и сама же принесла мне их в подоле, чтобы я их приняла у неё.

Иерма. И она смогла дойти до твоего дома?

Долорес. Дошла. Ботинки и нижняя юбка в крови... а лицо сияет.

Иерма. И всё у неё обошлось благополучно?

Долорес. А как же иначе? На то и бог.

Иерма. Ну, конечно, на то и бог. Ничего

с ней не могло случиться. Ей оставалось только подобрать своих малюток и омыть живой водой. Животные облизывают своих детёнышей языком; правда? Своё дитя не может быть противно. Я себе это представляю так: роженицы все точно светятся изнутри, а малютки часами спят возле них, под шум тёплых молочных ручейков, которые притекают к материнским соскам, чтобы малютки сосали, чтобы они играли ими, пока не насытятся вдосталь, пока не отвернут головок. «Ну ещё немножко; мой маленький...» И белые капли падают ему на личико и на грудку.

Д о л о р е с. Будет у тебя сын. Могу ручаться.

И е р м а. Будет, потому что должен быть. Или я ничего на свете не понимаю. Порой мне начинает казаться, что я уже никогда, никогда... И тогда точно огненная волна приливает от ног к голове, и все вещи вокруг становятся пустыми, и прохожие на улице, и быки, и камни — все будто сделаны из ваты. И я спрашиваю себя: зачем они здесь?

П е р в а я с т а р у х а. Хорошо, когда замужняя женщина хочет иметь детей, но если у неё их нет, убиваться всё-таки незачем. В жизни самое главное — уметь плыть по течению. Я тебя не осуждаю. Ты сама видела: я молилась вместе с тобой. Но скажи мне, чем ты надеешься осчастливить своего сына: полем ли возделанным, седельцем ли серебряным?

И е р м а. Я не думаю о завтрашнем дне, я думаю о сегодняшнем. Ты уже стара и читаешь в будущем, как в раскрытой книге. А я думаю о том, что меня мучает жажда и что я томлюсь в неволе... Я не успокоюсь до тех пор, пока не смогу взять на руки своё дитя. Слушай меня внимательно и не пугайся моих слов: если б даже мне сказали, что мой сын будет терзать меня, что он вознена-

видит свою мать и станет таскать её за волосы по улице, я и тогда с радостью встретила бы его появление, потому что лучше плакать из-за живого человека, который терзает нас, чем из-за призрака, что уже давно поселился в моём сердце.

Первая старуха. Ты слишком молода, чтобы выслушивать советы. Но пока ты ещё прибегаешь к помощи вышнего — ищи утешения в любви своего мужа.

Иерма. Ай! Ты дотронулась до самой глубокой раны на моём теле!

Долорес. Твой муж — хороший человек.

Иерма (встаёт). Хороший! Хороший! Ну и что? Уж лучше бы он был плохой. Но нет. Днём он пасёт овец, а вечером считает деньги. Он и берёт меня — точно исполняет долг, и тело у него холодное, как у мертвеца, и если раньше мне были противны страстные женщины, то в такие минуты я сама готова стать пылающим вулканом.

Долорес. Иерма!

Иерма. Я честная женщина, но я знаю, что дети рождаются не только от женщины, но и от мужчины. Ах, если б это зависело от меня одной!

Долорес. Вспомни, что и муж твой тоже страдает.

Иерма. Нет, он не страдает. В этом-то вся и беда, что он не хочет детей.

Первая старуха. Не говори так!

Иерма. Я читаю это в его взгляде: нет, он не хочет детей и потому не даёт их мне. Я не люблю его, не люблю, и всё же, в нём моё единственное спасение. Спасение моей чести и моего рода. Единственное моё спасение.

Первая старуха (испуганно). Скоро совсем рассветёт. Тебе пора домой.

Долорес. Сейчас погонят скот, нехорошо, если тебя встретят одну на улице.

И е р м а. Мне надо было хоть чем-нибудь облегчить свои страдания. Сколько раз читать молитвы?

Д о л о р е с. Два раза в день заклинание, а в полдень — молитву святой Анне. Как почувствуешь, что затяжелела, — не забудь принести мне мешок зерна.

П е р в а я с т а р у х а. Вершины гор посветлели. Уходи.

Д о л о р е с. Тебе придётся пройти вдоль канала, а то сейчас в каждом доме начнут открываться двери.

И е р м а (*уныло*). Не знаю, зачем я приходила!

Д о л о р е с. Ты раскаиваешься?

И е р м а. Нет!

Д о л о р е с (*смущённо*). Если боишься, я провожу до угла.

П е р в а я с т а р у х а. Пока доберёшься до дому, солнце уже взойдёт.

За сценой голоса.

Д о л о р е с. Молчи! (*Прислушиваются.*)

П е р в а я с т а р у х а. Никого. Иди с богом.

Иерма направляется к двери; в этот момент за сценой кто-то зовёт её. Долорес и две старухи цепенеют.

Д о л о р е с. Кто там?

Г о л о с (*за сценой*). Это я.

И е р м а. Открой.

Долорес колеблется.

Что ж ты, откроешь или нет?

Глухой шум голосов. Входят Хуан и две золотки.

В т о р а я з о л о т к а. Она здесь.

И е р м а. Да, я здесь.

Х у а н. Что ты делаешь в этом вертепе? Если б

я мог кричать, я поднял бы на ноги весь народ: пусть видят, где честь моего дома. Но я должен подавить в себе этот крик и молчать, потому что ты — моя жена.

И е р м а. А если б я могла кричать, я закричала бы так, что мёртвые встали бы из могил и увидели, что я чиста перед тобой.

Х у а н. Нет, только не это! Я всё могу стерпеть, но не это. Ты обманываешь меня, обводишь вокруг пальца, а я простой землероб, мне твои хитрости не разгадать.

Д о л о р е с. Хуан!

Х у а н. Молчите, вы!

Д о л о р е с (*твёрдо*). Твоя жена не причинила тебе никакого зла.

Х у а н. Она со дня свадьбы только и делает, что причиняет мне зло. Все ночи напролёт не спит, лежит с открытыми глазами и смотрит на меня, а глаза у неё — как иголки, или уткнётся в подушку и тяжело дышит. И всё — от нечистых помыслов.

И е р м а. Замолчи!

Х у а н. А я больше не могу. Каменным надо быть, чтобы терпеть возле себя женщину, которая всё время бередит тебе сердце, которая уходит по ночам из дому. И зачем? Ответь мне, зачем? На улицах полно мужчин. На улицах не растут цветы, за которыми ты могла бы ухаживать.

И е р м а. Больше я тебе не дам сказать ни одного слова. Ни одного. Ты и твоя родня, вы воображаете, что только вы бережёте честь, — знайте же, что и моему роду никогда ничего не приходилось скрывать. Поди сюда. Приблизься ко мне и вдохни запах моих одежд, подойди! Чувствуешь ли ты иной запах, кроме своего, кроме запаха своего тела? Ты обнажил меня при всех и плюёшь мне в лицо. Поступай со мной, как хо-

чешь, на то я твоя жена, но остерегись клеймить мою грудь именем другого мужчины.

Хуан. Не я, а ты своим поведением вызываешь толки, и в селе уже начинают говорить. Гозорят открыто. Когда я подхожу к кучке людей, все замолкают; когда я вешаю муку, все молчат, и даже в поле, когда я вдруг проснусь среди ночи, кажется мне, что и ветви деревьев молчат.

Иерма. Я не знаю, зачем злой ветер волнует пшеницу, а вот ты погляди, хороша ли она!

Хуан. А я не знаю, что ищет женщина каждую минуту вне дома?

Иерма (*в порыве нежности обнимает мужа*). Я ищу тебя. Я ищу тебя; тебя — вот кого я ищу и днём и ночью, и не могу найти тени; где я могла бы передохнуть. Твоей крови и твоей поддержки — вот чего я ищу.

Хуан. Отойди!

Иерма. Не отталкивай меня, давай любить друг друга.

Хуан. Пусти!

Иерма. И ты оставляешь меня одну? Это всё равно, как если бы луна стала искать самое себя на небосклоне. Посмотри на меня!

Хуан (*смотрит на неё и грубо отталкивает*). Да оставь ты меня, наконец!

Иерма падает.

Долорес. Хуан!

Иерма (*громко*). Я вышла в поле нарвать себе гвоздик и наткнулась на стену. Ах! Ах! И вот об эту стену я разобью себе голову.

Хуан. Замолчи. Идём.

Долорес. Боже мой!

Иерма (*кричит*). Будь проклят мой плодотворный отец, который передал мне свою кровь!

Будь проклята моя кровь, что ищет детей, ударяясь о стены!

Хуан. Молчи, тебе говорят!

Долорес. Сюда идут! Тихе!

Иерма. Мне всё равно. Дайте свободу хотя бы моему голосу, — теперь, когда я падаю на самое дно колодца. (*Встаёт.*) Пусть хоть он выйдет из моего чрева и пусть разнесёт его ветер по свету.

За сценой голоса.

Долорес. Подошли к дому.

Хуан. Тихо!

Иерма. Да! Да! Тихо. Не беспокойся.

Хуан. Идём. Ну!

Иерма. Свершилось! Свершилось! Теперь бесполезно ломать себе руки! Одно дело желать умом...

Хуан. Замолчи.

Иерма (*тихо*). Одно дело желать умом, а другое, когда плоть — будь она проклята! — не откликается на наш зов. Так начертано в книге судеб, и не мне протягивать руку и усмирять моря. Довольно! Да онемеют мои уста! (*Уходит.*)

Быстро падает занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Окрестности скита в горах. На переднем плане — импровизированная палатка Иермы: повозка, а над ней шатёр из одеял. Входят женщины с приношениями старцу. Все босые. Тут же вертится Бойкая старуха из первого акта. Ещё до поднятия занавеса за сценой поют.

Если девушкою скромной
Встретить я тебя не мог, —
Здесь, на этом богомольи,
Я тебя замужней встречу.
Ночью близкой, ночью тёмной

Вместе выйдем на дорогу —
Слышишь, полночь где-то бьёт?

Старуха (*ехидно*). Ну что; попили святой водицы?

Первая женщина. Да.

Старуха. А теперь — на поклон к старцу.

Первая женщина. Мы в него верим.

Старуха. Вы приходите к святому просить у него детей, а сюда с каждым годом стекается всё больше холостяков, в чём тут секрет? (*Смеётся.*)

Первая женщина. Зачем же ты сюда ходишь, если не веришь?

Старуха. Поглядеть. Я страх любопытна. А потом, надо последить за сыном. Здесь в прошлом году двое укукошили друг друга из-за одной бесплодной, вот я и хочу присмотреть. А ещё потому хожу, что мне здесь нравится.

Первая женщина. Да простит тебя господь.

Женщины уходят.

Старуха (*насмешливо*). Пусть-ка он тебя простит. (*Уходит.*)

Входят Мария и Первая подруга Иермы.

Первая подруга. Так она приехала?

Мария. Вот её повозка. Мне с трудом удалось их уговорить. Она целый месяц не выходила из дому. Боюсь я за неё. Задумала она что-то, не могу понять — что, только что-то недоброе.

Первая подруга. А я приехала с сестрой. Восемь лет подряд мы с ней ездим сюда, и всё бестолку.

Мария. У кого должны быть дети, у той они будут.

Первая подруга. Я то же самое говорю.

Слышны голоса.

М а р и я. Не люблю я это богомолье. Пойдём на поляну, там уж, наверно, собрался народ.

П е р в а я п о д р у г а. В прошлом году, когда смерклось, к моей сестрёнке пристали парни.

М а р и я. Здесь, куда ни пойдёшь, такого наслушаешься!

П е р в а я п о д р у г а. А за скитом я насчитала больше сорока бочонков вина.

М а р и я. Целый поток холостяков течёт в этих горах.

Уходят. Слышны голоса. Входят И е р м а и ш е с т ь ж е н щ и н; они направляются в часовню. Все они босы, в руке у каждой витая свеча. Начинает темнеть.

М а р и я.

О, боже! Дозволь твоей розе
Зацвести над моею скорбью!

В т о р а я ж е н щ и н а.
Ты над плотью её поникшей
Жёлтой розе дозволь распуститься!

М а р и я.

Пусть мерцает огонь во чреве
У твоих смиренных рабынь.

Х о р ж е н щ и н.

О, боже! Дозволь твоей розе
Зацвести над моею скорбью!

(Опускаются на колени.)

И е р м а.

На небе есть сады святые,
И там, среди прекрасных роз,
Благоухая, расцвела
Святая роза страсти дивной.

Она — как луч зари небесной,
Архангел светлый — ей защита,
В его глазах — истома смерти,
А в крыльях — грозы огневые.
Вкруг лепестков её струится
Ручьями молоко, и брызжет
В лицо звезде живая влага —
Звезде спокойной и лучистой.
О, боже! Дозволь, чтоб твой сад
Осенил мою плоть поникшую!

(Встают.)

В т о р а я   ж е н щ и н а .

Охлади ты жар этих щёк,
Беспощадным огнём опалённых!

И е р м а .

К тебе я, грешница, взываю:
Прости меня и исцели.
Дай розе зацвести в моей
Поникшей плоти: пусть насквозь
Она пронзит её шипами.

Х о р .

О, боже! Дозволь твоей розе
Зацвести над моею скорбью!

И е р м а .

Дай над плотью моей поникшей
Зацвести твоей розе дивной.

(Уходят.)

Слева вбегают девушки с длинными лентами в руках. Справа, оглядываясь назад, вбегают ещё три девушки. Crescendo голосов, бубенчиков и погремушек. В глубине сцены, на возвышении, появляются семь девушек, размахивающих лентами в сторону левой

группы. Шум нарастает. Входят двое в балаганных костюмах: один изображает С а м ц а, другой — С а м к у. Они в огромных масках. В руках у Самца бычий рог. В этих фигурах не должно быть ничего от гротеска, напротив, они должны быть красивы и глубоко народны. Самка всё время размахивает ожерельем из больших бубенцов. В глубине сцены собирается шумная толпа. Все смотрят на танец и оживлённо переговариваются. Сильно стемнело.

Д е т и. Это дьявол и его жена! Это дьявол и его жена!

С а м к а.

Однажды в быстрой горной речке
Жена купалась молодая.
О, как она была печальна!
Песок, что щекотал ей ноги,
Прохладный воздух и вода —
Всё возбуждало в ней волнение,
И пламя страсти разгоралось
В её движеньях и улыбке,
Но жагота её в воде
Казалась бледной и увядшей.

Р е б ё н о к.

Как тяжело она вздыхала!

П е р в ы й м у ж ч и н а.
Теперь любовники её —
Лишь ветер да волна речная.

В т о р о й м у ж ч и н а.
Кого же ищет здесь она?

П е р в ы й м у ж ч и н а.
Кого, скажи мне, поджидает?

Второй мужчина.
Увы, её иссохло чрево,
С её лица сбежала краска!

Самка.

Настанет ночь — я всё скажу.
Лишь спустится прозрачный сумрак,
И в ночь святую покаянья
Свое я платье разорву.

Ребёнок.

И вот уже настала ночь.
Как быстро к нам она слетела!
Глядите — горная река
Оделась в синие туманы.

Звон гитар.

Самец (*встаёт и размахивает рогом*).

И бледна, и грустна
Молодая жена!
И как плачет, как стонет она!
Но едва расстелю я свой плащ,
Ты гвоздикою тотчас же станешь.

(*Подходит к Самке.*)

Если ты пришла к святому,
Чтоб тебе отверз он чрево, —
Для чего фата и траур?
Под голландскою рубашкой
Легче телу молодому.
Там, в тени смоковниц старых,
Там моё земное тело
Примешь ты — моей ты будешь,
До тех пор, пока со стоном
Не пробудится заря.
В объятьях моих
Дрожит и вздыхает

Жена молодая,
О, как тяжко она вздыхает!

С а м к а.

Любовь нас венчает
Гирляндой живую,
Нам сердце пронзает
Стрелой золотою.

С а м е ц.

Семь раз простонала,
Семь раз поднималась,
И семь раз в окрестных садах
К цветам апельсинным
В порыве восторга
Жасмин припадал.

Т р е т и й м у ж ч и н а.

Коснись её рогом!

В т о р о й м у ж ч и н а.

И розой и пляской!

П е р в ы й м у ж ч и н а.

Пусть бьётся в объятьях,
Пусть гнётся в объятьях
Жена молодая!

С а м е ц.

В обители святого власть
Принадлежит самцу. Мужья —
Быки. Вся власть дана самцу.
Цветы молитв и покаянья
Срывает тот, кто их находит.

Р е б ё н о к.

Коснись её ветром!

Второй мужчина.
Коснись её ветвью!

Самец.

Смотрите, как теперь сияет
Звездю чистою жена!
Не нужно ей реки печальной...

Первый мужчина.
Как тростник, она гнётся.

Самка.

Как цветок утомлённый.

Мужчины.

Идите, девушки, отсюда!

Самец.

Пусть в пламени безумной пляски
Здесь тело чистое сгорит
Жены, омытой страстью новой.

Уходят, танцуя, хлопая в ладоши и улыбаясь. Поют.

На небе есть сады святые,
И там, среди прекрасных роз,
Благоухая, расцвела
Святая роза страсти дивной.

По сцене с криками пробегают две девушки. Входит
Бойкая старуха.

Старуха. Скоро вы угомонитесь? А теперь
ещё она...

Входит Иерма.

Это ты?

Иерма чем-то удручена и не отвечает.

Зачем ты приехала?

Иерма. Не знаю.

Старуха. Ты всё ещё не смирилась? А где муж?

Иерма (утомлена; вместе с тем видно, что какая-то навязчивая мысль не даёт ей покоя). Он там.

Старуха. Что он делает?

Иерма. Пьёт. (Пауза. Проводит рукой по лбу.) Ах!

Старуха. Ах, ах! Поменьше «ах» и побольше настойчивости. Раньше я тебе ничего не хотела говорить, а теперь скажу.

Иерма. Что ты мне можешь сказать такого, чего бы я сама не знала!

Старуха. Скажу то, о чём уже нельзя молчать. Что всем бросается в глаза. Во всём виноват твой муж. Слышишь? Даю голову на отсечение. У него в роду никто не вёл себя, как подобает настоящему мужчине: ни отец, ни дед, ни прадед. Бывало, родится у них ребёнок, так все думают: уж не светопреставление ли началось? Слюнтяи они все. А твой род не таков. У тебя братьев и племянников — на сто вёрст кругом. И надо же, чтобы на такую красавицу пало проклятье.

Иерма. Проклятье. Ядовитые брызги, павшие на колосья.

Старуха. Но у тебя есть ноги, чтобы уйти из дома.

Иерма. Уйти из дома?

Старуха. Как увидела я тебя на богомольи — дрогнуло моё сердце. Женщины приходят сюда узнать любовь с другим женщиной. И тогда святой творит чудеса. Мой сын сидит за скитом и ждёт меня. В моём доме нехватает женщины. Иди к нему: будем жить втроём. В жилах у моего сына течёт хорошая кровь. Как и у меня. Войдёшь ко мне в дом и сразу почувствуешь, что ещё сохранился запах колыбели. Пепел твоего брач-

ного ложа обернётся хлебом-солью для твоих деток. Идём. До людей тебе дела нет! А насчёт мужа — будь покойна: в моём доме есть кладовые, а в них — ножи, и они научат его обходить нашу улицу.

И е р м а. Молчи, молчи, это совсем не то! Никогда я на это не пойду. Я не стану просить милостыни. Неужели ты думаешь, что я могу сойтись с другим мужчиной? А моя честь? Река не может повернуть вспять, и луна не покажется в полдень! Уйди. Я не сверну со своей дороги. Или ты и вправду думала, что я могу склониться перед другим мужчиной? Что я, как раба, буду просить у него то, что принадлежит мне по праву? Если б ты меня знала, то никогда бы не заговорила об этом. Я не прошу милостыни.

С т а р у х а. Кого мучает жажда, тот бывает благодарен воде.

И е р м а. Я — как сухое поле, на котором может сразу пахать тысяча пар волов, а ты мне предлагаешь крошечный стакан колодезной воды. Не тело у меня болит, а душа.

С т а р у х а (*резко*). Ну, иди своей дорогой. Раз тебе это нравится. Оставайся колючим чертополохом в засохшем поле, отцвитай!

И е р м а. Я отцвела, да, я знаю. Отцвела. Но незачем говорить мне это в лицо. Незачем смеяться надо мной, как смеются дети над страданиями животных. С тех пор как я вышла замуж, это слово не выходит у меня из головы, но слышу я его впервые, впервые мне говорят об этом в лицо. Теперь я вижу, что это правда.

С т а р у х а. Ничуть мне тебя не жаль, ничуть. А для своего сына я найду другую. (*Уходит.*)

Вдали гремит хор богомольцев. Иерма направляется к повозке, из-за неё выходит Х у а н.

И е р м а. Ты прятался за повозкой?

Х у а н. Прятался.

И е р м а. Подслушивал?

Х у а н. Подслушивал.

И е р м а. И слышал всё?

Х у а н. Да.

И е р м а. Ну и что же? Оставь меня одну, поди к богомольцам. (*Садится на повозку.*)

Х у а н. Теперь моя очередь говорить.

И е р м а. Говори!

Х у а н. Хочу пожаловаться.

И е р м а. На что?

Х у а н. На горечь во рту.

И е р м а. А у меня горечь в костях.

Х у а н. Пора, наконец, заглушить твои непрестанные вздохи о чём-то непонятном, о чём-то таком, что никогда не сбывается в жизни, разве только в мечтах.

И е р м а (*поражена; со слезами в голосе*). Что никогда не сбывается в жизни, говоришь? Что сбывается только в мечтах, говоришь?

Х у а н. О том, чему не бывать, о том, что не в моей и не в твоей власти.

И е р м а (*в ярости*). Продолжай! Продолжай!

Х у а н. О том, что мне совсем не нужно. Слышишь? Что мне совсем не нужно. Я должен тебе об этом прямо сказать. Меня волнует только то, что я держу в руках. Что вижу своими глазами.

И е р м а (*становится на колени; в отчаянии*). Так, так. Это я и хотела от тебя услышать. Когда правда скрыта в самой себе, ее не чувствуешь, но как она вырастает сразу и как она кричит, когда вырывается наружу и поднимает руки! Ему это не нужно! Он сам сказал!

Х у а н (*подходит к ней*). Пойми; что иначе и быть не могло. Слушай. (*Обнимает её и прижимает к себе.*) Многие женщины могли бы тебе по-

завидовать. Без детей жизнь легче. Я счастлив, что у меня их нет. И ни ты, ни я в этом не виноваты.

И е р м а. Что же ты искал во мне?

Х у а н. Тебя самоё.

И е р м а (*возбуждённо*). Да! Ты искал семейного уюта, покоя и женщину. И ничего больше. Не так ли?

Х у а н. Да, как и все.

И е р м а. А остальное? А ребёнок?

Х у а н (*всердцах*). Я ж тебе сказал, что мне это не нужно. И не приставай ко мне больше! Что ж мне, в самое ухо надо тебе кричать, чтоб ты раз навсегда поняла и успокоилась?

И е р м а. И ты никогда о нём не думал, зная, как я его жажду?

Х у а н. Никогда.

И е р м а (*слезает с повозки*). Значит, мне его не ждать?

Х у а н. Нет!

И е р м а. Значит, ты его не хочешь?

Х у а н. Нет. Смирись!

И е р м а. Отцвела!

Х у а н. Давай жить в мире. Будем помогать друг другу, угождать. Обними меня. (*Обнимает Иерму.*)

И е р м а. Чего ты хочешь?

Х у а н. Тебя я хочу. При лунном свете ты ещё прекрасней.

И е р м а. Ты хочешь меня, как жаркого, когда тебя мучает голод.

Х у а н. Поцелуй меня... Ну!

И е р м а. Поцеловать? Ни за что. Ни за что! (*Иерма с криком бросается к Хуану и хватается его за горло. Тот падает навзничь. Иерма продолжает душить Хуана до тех пор, пока тело его не застывает.*)

За сценой поёт хор богомольцев.

Отцвела, отцвела, но зато убедилась. Теперь я знаю наверное, что это так. Теперь я одна. (*Встает. Постепенно собирается толпа.*) Отныне я могу спать спокойно и не вскакивать по ночам — в надежде, что кровь моя возвестит мне иную, новую кровь. Тело мое увяло навсегда. Что ему нужно? Не подходите: я убила своё дитя, убила своими руками!

Вбегают несколько человек и останавливаются в глубине сцены. Слышен хор богомольцев.

Занавес

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Кельин. Федерико Гарсия Лорка.	3

Книга стихов (1918—1920)

Алмаз. <i>Перевод В. Парнаха</i>	17
Море. <i>Перевод В. Парнаха</i>	18
Дождь. <i>Перевод В. Парнаха</i>	19
К лавру. <i>Перевод В. Парнаха</i>	21
Баллада морской воды. <i>Перевод Ф. Кельина</i>	23

Песни (1921—1924)

Ноктюрн. <i>Перевод В. Парнаха</i>	24
Это правда. <i>Перевод Н. Асеева</i>	24
Ирене Гарсия. <i>Перевод В. Парнаха</i>	25
На ушко девушке. <i>Перевод В. Ильиной</i>	25
Луна восходит. <i>Перевод В. Парнаха</i>	26
Прощание. <i>Перевод В. Ильиной</i>	26
Маленький мадригал. <i>Перевод Б. Загорского</i>	26
Песня сухого апельсинного дерева. <i>Перевод В. Парнаха</i>	27
Песня разлуки. <i>Перевод В. Парнаха</i>	27
На другой лад. <i>Перевод В. Парнаха</i>	28
Срубили три дерева. <i>Перевод Б. Загорского</i>	28

Канте Хондо (1921)

Баладилля о трёх реках. <i>Перевод Ф. Кельина</i>	30
Перекрёсток. <i>Перевод В. Парнаха</i>	31
Петенеры: Колокол. <i>Перевод Ф. Кельина</i>	31
Дорога. <i>Перевод Ф. Кельина</i>	32
Шесть струн. <i>Перевод Ф. Кельина</i>	32
Селенье. <i>Перевод М. Цветаевой</i>	33
Гитара. <i>Перевод М. Цветаевой</i>	34
Пейзаж. <i>Перевод М. Цветаевой</i>	34

Цыганский романсеро (1924—1927)

Романс о луне, луне. <i>Перевод В. Парнаха</i>	36
Сомнамбулический романс. <i>Перевод под редакцией Б. Загорского</i>	37
Схватка. <i>Перевод В. Парнаха</i>	40
Романс о чёрной печали. <i>Перевод В. Парнаха</i>	41
Сан-Мигель. <i>Перевод В. Парнаха</i>	42
Арест Антониито Эль Камборьо на севильской дороге. <i>Перевод Н. Асеева</i>	44
Романс об испанской жандармерии. <i>Перевод В. Парнаха</i>	46

Плач по Игнасьо Санчес Мехнас (1935)

I. Удар быка и смерть. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	51
II. Пролитая кровь. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	52
III. Присутствующее тело. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	55
IV. Отсутствующая душа. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	57

Пьесы

Марьяна Пинеда. <i>Перевод Ф. Кельина</i>	59
Волшебная башмачница. <i>Перевод А. Кагарлицкого</i> (проза) и <i>Ф. Кельина</i> (стихи)	163
Кровавая свадьба. <i>Перевод А. Февральского</i> (проза) и <i>Ф. Кельина</i> (стихи).	211
Иерма. <i>Перевод А. Кагарлицкого</i> (проза) и <i>Ф. Кельина</i> (стихи)	280

Редакторы:

Б. Загорский (стихи) и Н. Любимов (проза).

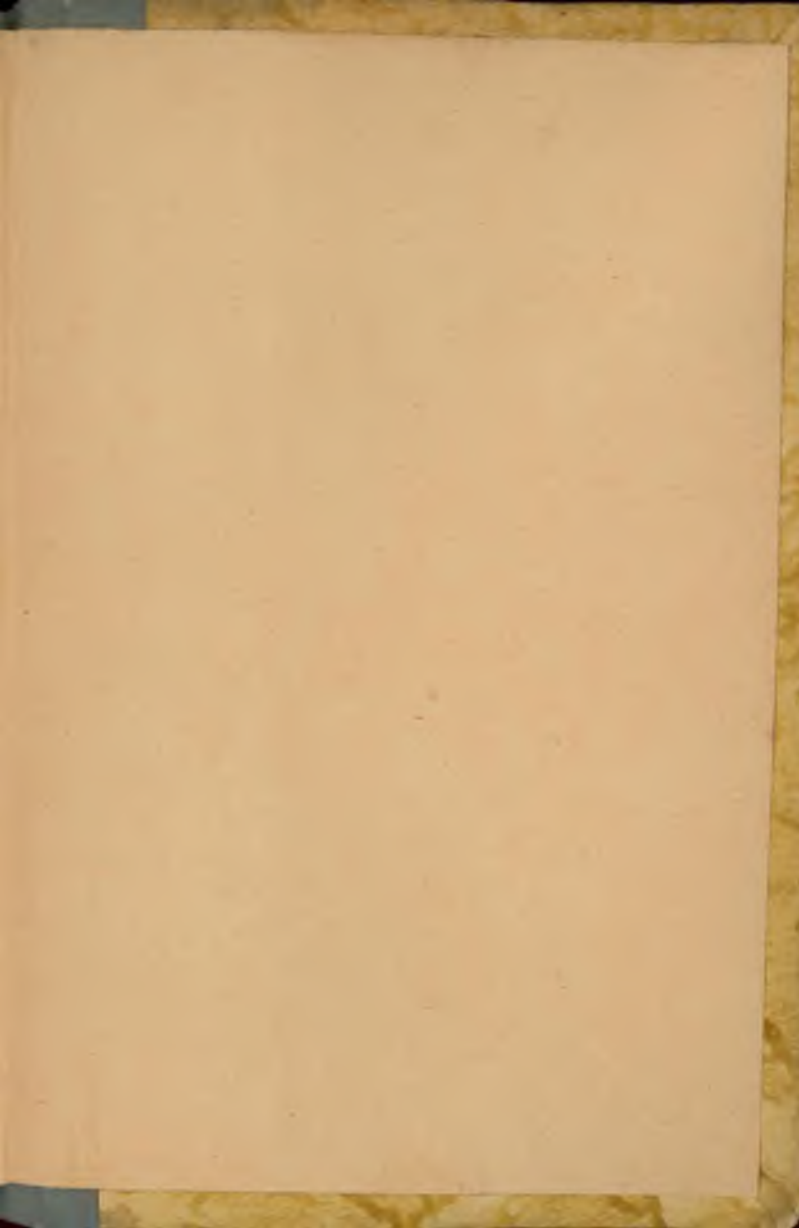
Подписано к печати 8/VIII 1944 г. А7907. Тираж 20 000 экз. 10½ печ. л. 12,54 уч.-авт. л. Заб. № 94.

Цена 7 р.

1-я Образцовая тип. треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР. Москва, Валовая, 28.

17

23